

The poster features a dramatic scene with a large, illuminated castle on a hill under a golden sky. Several birds are flying in the upper left. In the foreground, a young man and woman look on with concern. The man is wearing a brown coat and a green scarf. The background is filled with magical sparkles and a glowing orb in the bottom right corner.

КОРНЕЛИЯ ФУНКЕ

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

КАЖДАЯ ПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ МОЖЕТ СТАТЬ РЕАЛЬНОСТЬЮ...

Чернильный мир и Зазеркалье

Корнелия Функе

Чернильная смерть

«Азбука-Аттикус»

2013

Функе К.

Чернильная смерть / К. Функе — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Чернильный мир и Зазеркалье)

ISBN 978-5-389-06515-4

Последняя часть трилогии знаменитой немецкой писательницы. Продолжаются странствования девочки Мегги и ее семьи по Чернильному миру, в котором они оказались благодаря необычному дару отца Мегги превращать книжные слова в реальность. Чернильный мир зачаровывает всех, кто туда попадает, своей красотой. Он полон волшебства и превращений, там смеются дети, разгуливают великаны, феи, эльфы и единороги. Но Зло пытается переделать этот мир по-своему, и для спасения Чернильного мира героям приходится искать выход из безнадёжных ситуаций, вновь и вновь рискуя своей жизнью. На этот раз судьба готовит им встречу с самой Смертью.

ISBN 978-5-389-06515-4

© Функе К., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Только пес и лист бумаги	6
Всего лишь деревня	9
Написанное серебро	15
Чернильное платье	22
Фенолио жалеет себя	28
Печальная Омбра	36
Опасный визит	43
Горе Роксаны	50
Предательский знак	52
Как ни в чем не бывало	60
Больна с горя	64
Снова на службе Орфея	67
Прямо в сердце	73
Весть из Омбры	75
Громкие слова, тихие слова	81
Предложение Свистуна	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Корнелия Функе

Чернильная смерть

*Может быть, все на свете
связано лишь с томлением.*

*Рольфу – навечно. Я была невероятно
счастлива замужем за Сажеруком.*

*Айлин, знающей все об утратах, всегда умевшей понять и
утешить.*

*Эндрю, Энджи, Антониш, Кэм и Джеймсу,
Каролине, Феликсу, Микки и, наконец, но уж точно
не в последнюю очередь, – Лайонелю и Оливеру, всем,
кто наполнил черные дни светом, теплом и дружбой.*

*И Городу Ангелов, питавшему меня первобытной
красотой; мне кажется, здесь я обрела наяву
свой Чернильный мир.*

Я – песня, которая птицу поет,
Я – лист, что землю рождает,
Я – прилив, что луну за собой ведет,
И река, что песок заметает.
Я – облако, уносящее вихрь,
Глина, что руку лепит,
Земля, дающая солнцу свет,
Искра, выбившая кремь,
Слово, произносящее человека.

Чарлз Косли. Я – песня

Только пес и лист бумаги

*Слышишь, мимо нас во мгле
Ночь прошлестела?
Лампа на моем столе
Как сверчок запела.*

*А на полке – корешки
Радужной раскраски
Словно зыбкие мостки
В мир волшебной сказки.¹*

Райнер Мария Рильке. Жертвы Ларам/Вигилии III

Лунный свет падал на халат Элинора, ее ночную рубашку, босые ноги и пса, лежавшего на полу у кресла. Пес Орфея. Как он глядел на нее своими вечно печальными глазами! Словно хотел спросить: ну почему, ради всех манящих запахов на свете, ты сидишь ночью в библиотеке, среди безмолвных книг, неподвижно уставившись в одну точку?

– И впрямь, почему? – спросила Элинора в пространство. – Потому что не спится мне, глупая ты тварь.

И все-таки погладила пса по голове. «До чего мы дожили, Элинора, – сказала она себе, с трудом подымаясь с кресла. – Разговариваем по ночам с собакой. А ведь ты терпеть не можешь собак, а эту особенно: каждый хрип ее одышливого дыхания напоминает мерзавца-хозяина».

Да, она оставила у себя пса, несмотря на болезненные воспоминания, не выбросила и кресло, хотя в нем сживала Сорока. Мртола... Как часто Элинора слышался ее голос в тишине библиотеки, как часто виделась ей Мортимер и Реза между библиотечных стеллажей или Мегги у окна, с книгой на коленях, лица не видно за прямо спадающими светлыми волосами... Воспоминания – это все, что есть у нее теперь. Не реальнее, чем образы из прочитанных книг. Но что осталось бы, потеряй она и эти воспоминания? Одиночество, уже окончательное, с тишиной и пустотой в сердце. И уродливой псиной.

Элинора взглянула на свои босые ступни, совсем старческие в бледном лунном свете. «Лунный свет! – думала она, шевеля пальцами ног в серебристом луче. – В книжках ему приписывают волшебную силу. Вздор все это! Всю жизнь голова у меня была забита печатным вздором. Даже на луну гляжу через буквенную завесу. Ах, стереть бы все чужие слова из головы и сердца и хоть раз увидеть мир собственными глазами!

Н-да, Элинора, мы снова в отличном настроении, – думала она, бредя к витрине, где хранилось то, что осталось ей от Орфея, кроме собаки. Купаемся в жалости к себе, как эта псина, в каждой грязной луже».

Листок в застекленной витрине на вид не представлял из себя ничего особенного – обычный лист линованной бумаги, густо исписанный синими чернилами. Никакого сравнения с великолепными иллюминированными рукописями, лежавшими в других витринах, хотя каждая линия в почерке Орфея выдавала его самовлюбленность. «Надеюсь, укусы огненных эльфов согнали с его лица самодовольную ухмылку, – думала Элинора, открывая витрину. – Надеюсь, латники проткнули его копьем, нет, лучше думать, что он умер с голоду в Непроходимой Чаше медленно, мучительно...» Не в первый раз воображение Элиноры расписывало гибель Орфея в Чернильном мире. Ничто не радовало ее одинокое сердце сильнее, чем эти картины.

Листок уже пожелтел. Дешевая бумага. Глаза бы не глядели. Да и по словам, на нем написанным, не скажешь, что они прямо на глазах Элиноры перенесли своего создателя в другой

¹ Перевод Т. Сильман.

мир. Рядом с листком лежали три фотографии: одна – Мегги и две – Резы, старая, еще детская, и недавняя, с Мортимером, где оба сияли счастливой улыбкой. Элинон каждую ночь подолгу рассматривала эти снимки. Слезы уже не текли ручьем у нее из глаз, но это не значит, что они иссыкли. Их соль теперь разъедала сердце. Отвратительное чувство.

Сгинули.

Мегги.

Реза.

Мортимер.

Скоро три месяца с тех пор, как они исчезли. А для Мегги срок уже перешагнул за три месяца...

Пес потянулся, прошлепал на сонно заплетающихся лапах к Элинон и уткнул нос в карман ее халата – там для него всегда находилось собачье печенье.

– На, на! – пробормотала она, засовывая в мохнатую пасть вонючую пластинку. – Хозяин-то твой где, а?

Она сунула листок собаке под нос, и глупая псина стала принюхиваться, будто и в самом деле могла учуять в буквах запах Орфея.

Элинон прочла вслух: «*На улицах Омбры...*» Сколько раз за эти недели она стояла тут по ночам, среди книг, потерявших для нее всякое значение с тех пор, как она снова осталась с ними наедине. И бумажные сокровища встречали ее теперь молчанием, словно знали, что она все их в ту же минуту обменяла бы на трех человек, которых потеряла. Потеряла в книге.

«Я научусь, разрази меня гром! – твердила она с детским упрямством. – Я научусь читать так, чтобы слова приняли меня в себя! Да, я научусь».

Пес смотрел на нее с таким видом, словно верил каждому ее слову, но сама она себе не верила. Нет. Она – не Волшебный Язык. Упражняйся она хоть десять лет, хоть сто – слова у нее не звучали. Не пели так, как у Мегги и Мортимера или у треклятого Орфея. Хотя она всю жизнь преданно любила книги.

Листок задрожал в пальцах Элинон, и она расплакалась. Опять они текут, эти слезы, сколько их ни удерживай. Сердце просто переполнилось. Элинон всхлипнула так громко, что пес испуганно вздрогнул. Как глупо, что из глаз течет вода, когда сердцу больно. В книгах трагические герои обычно отличались необыкновенной красотой. Об опухших глазах и покрасневшем носе там ничего не говорилось. «А у меня, когда я реву, нос сразу делается красный, – подумала Элинон. – Наверное, поэтому я и не гожусь в героини».

– Элинон!

Она вздрогнула и поспешно утерла глаза.

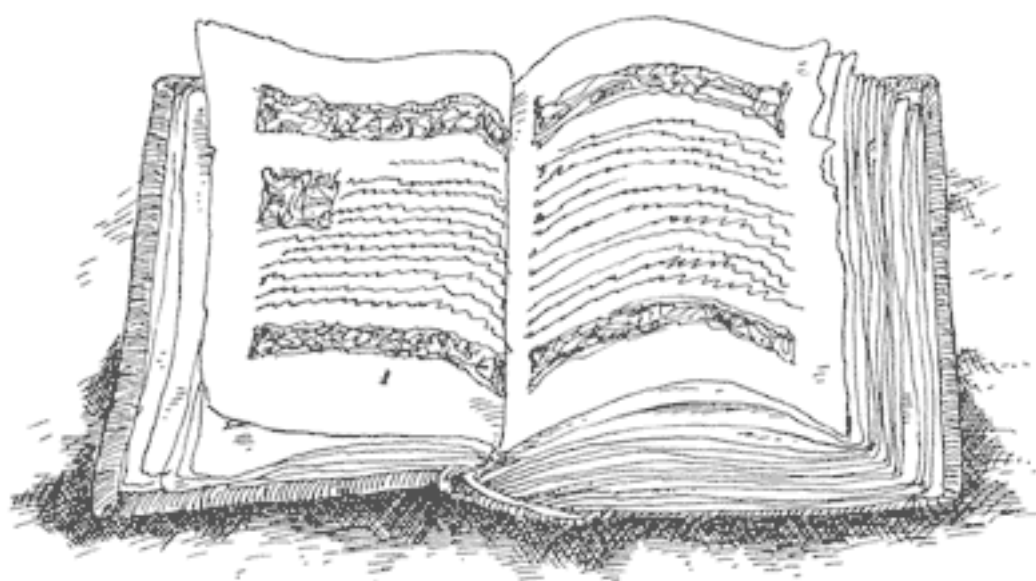
В дверях стоял Дариус в широченном, не по размеру халате, который она подарила ему на последний день рождения.

– Чего тебе? – не приветливо отозвалась она. – Куда опять подевался носовой платок? – Элинон, сопя, вытащила его из рукава и высморкалась. – Три месяца! Их нет уже три месяца, Дариус! Разве это не повод плакать? Еще какой повод! И не смотри на меня так сочувственно, глаза твои совиные! Сколько бы мы ни купили книжек, – она обвела широким жестом плотно заставленные полки, – сколько бы мы их ни отыскивали на аукционах, ни выменяли, ни украли, ни одна не расскажет мне о том единственном, что я хочу знать! Тысячи страниц – и ни на одной ни слова о том, что меня интересует. Какое мне дело до всего остального? Для меня существует только один сюжет! Что случилось с Мегги? Что случилось с Резой и Мортимером? Все ли у них в порядке? Живы ли они еще? Увидимся ли мы снова?

Дариус смотрел на стеллажи, словно надеясь найти ответ в одной из стоявших там книг. Но при этом молчал, как и книжные страницы.

– Я сделаю тебе молока с медом, – сказал он наконец и скрылся в кухне.

И Элинон снова осталась одна с книгами, лунным светом и уродливым псом Орфея.

Всего лишь деревня

*Ветер потоками мрака хлестал по верхушкам крон,
Луна в облаках мелькала, как призрачный галеон.
Дорога змеей серебрилась на лоне пурпурных болот,
И скачет разбойник снова,
Он скачет и скачет снова,
Вот прискакал он снова к таверне и встал у ворот.²*

Альфред Нойес. Разбойник

Феи уже начали свой танец – их стайки вились между деревьями, на лазурных крылышках дрожали звездные блики. Мо видел, как Черный Принц с тревогой поглядел на небо. Оно было совсем темным, темнее окрестных холмов, но феи никогда не ошибались. Лишь приближение утра могло выманить их из гнезд в такую холодную ночь, а деревня, чей урожай разбойники пришли спасать, лежала в опасной близости от Омбры.

Десяток бедных лачуг, тощие каменистые поля вокруг и стена, способная остановить разве что ребенка, но уж никак не солдата, – вот и все. Деревня, каких много. Тридцать женщин, оставшихся без мужей, и примерно столько же детей без отцов. В соседнем селе солдаты нового наместника два дня назад забрали весь урожай. Туда разбойники опоздали. А здесь еще было что спасать. Вот уже несколько часов они копали подземные убежища, показывали женщинам, как спрятать под землей скот и припасы...

Силач приволок последний мешок наспех выкопанной картошки. Его грубое лицо покраснело от напряжения. Таким же красным оно бывало во время драки или когда Силач напивался. Вместе они спустили мешок в тайник, выкопанный за полем. Жабы на окрестных холмах расквакались во всю глотку, словно поторапливая новый день. Мо накрыл тайник плетенкой из веток, чтобы его не нашли солдаты и сборщики налогов. Часовые, стоявшие у въезда в деревню, подавали тревожные знаки. Они тоже заметили фей. Да, пора было уходить, возвращаться в Непроходимую Чашу, до сих пор надежно укрывавшую разбойников, сколько солдаты ни прочесывали лес по приказу нового наместника. Вдовы Омбры прозвали его Зябликом – подходящее прозвище для тщедушного шурина Змееглава. Но этот заморыш был ненасытно жаден до добра своих подданных, даже самых бедных.

Мо провел рукой по лицу. До чего же он устал! Почти не спал в последние дни. Слишком много было вокруг деревень, куда не сегодня-завтра могли нагрянуть солдаты.

«У тебя усталый вид», – сказала вчера Реза, проснувшись рядом с ним. Она и не подозревала, что он лег лишь на рассвете. Пришлось сказать, что ему снились дурные сны и что от бессонницы он уходил в мастерскую, переплетал листы с ее рисунками – портретами фей и стеклянных человечков. Хорошо бы и сегодня Реза и Мегги еще спали, когда он вернется на заброшенный хутор, где поселил их Черный Принц, – в часе ходьбы на восток от Омбры, подальше от той стороны, где все еще властвовал Змееглав, бессмертный благодаря переплетенной Мо книге.

«Скоро, – думал Мо, – скоро его бессмертие кончится». Но он твердил эту фразу уже давно, а Змееглав все еще был бессмертен.

К нему робко шла девочка. Сколько ей лет? Шесть? Семь? Прошло много времени с тех пор, как Мегги была такой вот малышкой. Девочка смущенно остановилась в шаге от него.

Из темноты вышел Хват и заговорщически подмигнул ребенку:

² Перевод А. Лукьянова.

– Ага, гляди-гляди! Это и вправду он! Перепел. Малышей вроде тебя он обычно ест на ужин.

Хват любил такие шутки. Мо подавил желание сказать ему грубость. Девочка была светловолосая, как Мегги.

– Не слушай этого дурака! – прошептал он, наклоняясь к ней. – Что это ты не спишь, когда все спят?

Девочка широко раскрыла глаза, ухватила за его рукав и потянула вверх, пока не показался шрам. Шрам, о котором рассказывалось в песнях...

Ребенок смотрел на него не отрываясь, с той смесью благоговения и страха, которую Мо так часто видел теперь в обращенных на него взглядах. Перепел.

Девочка побежала обратно к матери. Мо выпрямился. Когда начинал ныть шрам на том месте, куда вошла пуля Мртолы, ему казалось, что через это отверстие и проник в него Перепел – разбойник, которому Фенолио дал лицо и имя. Или он всегда был частью Мортимера, дремавшей внутри, пока ее не пробудил мир Фенолио?

Когда они приносили в голодающие деревни мясо или мешки с зерном, украденные у управляющих Зяблика, женщины, случалось, подходили и целовали ему руки. «Идите к Черному Принцу, его благодарите», – говорил он. Но Принц только смеялся. «Заведи себе медведя, – говорил он, – тогда они от тебя отстанут».

В одной из лачуг заплакал ребенок. Мрак постепенно окрашивался розовым. И тут Мо услышал стук подков. Всадники, не меньше десятка, а то и больше. Как быстро слух учится понимать звуки, куда быстрее, чем глаза – разбирать буквы. Стайки фей мгновенно рассеялись. Женщины заголосили и бросились к лачугам, где спали дети. Рука Мо сама собой потянулась к мечу, как будто он всю жизнь им орудовал. Это был все тот же меч, захваченный из Дворца Ночи, – наследство Огненного Лиса.

Рассвет.

Говорят же, что они всегда являются на заре, потому что им нравится кровавая кайма на небе. Остается надеяться, что они пьяны после многочасового пира, какие любит задавать их хозяин.

Принц подозвал разбойников к стене, окружавшей деревню. Не стена, а одно название – несколько рядов плоских камней высотой по пояс. Лачуги тоже не могли служить укрытием. Медведь фыркнул и заревел, и тут же из мрака выступили фигуры: полтора десятка всадников с новым гербом Омбры на груди – василиск на красном фоне. Конечно, они не ожидали встретить здесь мужчин. Плачущих женщин, кричащих детей – это да, но никак не мужчин, к тому же вооруженных. От удивления они придержали коней.

Да, они пьяны. Значит, не смогут двигаться быстро.

Всадники колебались недолго. Они уже поняли, что перед ними всего лишь бродяги в лохмотьях, без доспехов и к тому же пешие.

Болваны. В бою важно не только снаряжение. Но они отправятся на тот свет, так и не успев этого осознать.

«Всех! – хрипло прошептал Хват на ухо Мо. – Мы должны убить всех до одного, Перепел! Надеюсь, твое нежное сердце это понимает. Если хоть один вернется в Омбру, завтра от этой деревни останется груда пепла».

Мо кивнул. Как будто он сам не знает...

Послышалось пронзительное ржание – всадники двинули коней на разбойников. Мо снова почувствовал – как тогда, на Змеиной горе, когда вонзил меч в Басту, – хладнокровие, ледяной холод в крови. Он был сейчас холоден, как иней на траве под ногами, и если боялся чего-то, то только себя. И тут раздались крики. Стоны. Кровь. Стук собственного сердца – оглушительный, бешеный. Рубить и колоть, вытаскивать меч из чужой плоти, чувствовать на одежде влагу чужой крови, видеть искаженные ненавистью (а может быть, страхом?) лица. К

счастью, под шлемами почти ничего не разобрать. Многие солдаты были совсем юнцами. Раздробленные руки и ноги, разрубленные тела. Берегись, он сзади! Убей его. Быстро. Ни один не должен уйти.

Перепел.

Один из солдат прошептал это имя, когда Мо втыкал в него меч. Может быть, в последнюю секунду он думал о награде, которую дали бы ему в Омбре за труп Перепела, – куче денег, сколько не награбишь за целую солдатскую жизнь. Мо вытащил меч из его груди. Они явились сюда без панцирей. К чему панцири против женщин и детей? Как холодно становится от убийства, страшно холодно, хотя кожа горит и кровь кипит, как в лихорадке.

Да, они перебили их всех и сбросили трупы со склона. В лачугах стояла мертвая тишина. Двое убитых были из их рядов. Кости товарищей смешаются теперь с костями врагов. Хоронить их было некогда.

Черный Принц был ранен в плечо. Нехорошая рана. Мо перевязал его, как мог. Медведь сидел рядом и с тревогой косился на процедуру. Из лачуги вышел ребенок – та самая девочка, что рассматривала его шрам. Издали она была очень похожа на Мегги. Мегги, Реза – только бы они еще спали, когда он вернется. А то как он объяснит им кровь на одежде? Столько крови...

«Когда-нибудь ночи заслонят собой дни, Мортимер», – думал он. Кровавые ночи – и мирные дни. Днем Мегги показывала ему все, что описывала на словах в застенке Дворца Ночи: русалок с чешуйчатой кожей в заросших лилиями прудах, следы давно исчезнувших великанов, цветы, нежным шепотом откликавшиеся на прикосновение, деревья, достававшие до самого неба, кикимор, внезапно появлявшихся из-под коряг... Мирные дни. Кровавые ночи.

Лошадей они увели с собой и постарались, по возможности, замести следы побоища. К прощальным благодарностям женщин примешивался страх. Они своими глазами видели, что их защитники умеют убивать не хуже, чем враги.

Хват и разбойники вернулись в лагерь. Почти каждый день они переносили его на новое место. Сейчас он располагался в темном овраге, куда даже днем почти не проникал свет. Решено было послать за Роксаной, чтобы она занялась ранеными. А Мо отправился туда, где спали Реза и Мегги, на заброшенный хутор, который отыскал для них Принц, потому что Реза не хотела жить в разбойничьем лагере, да и Мегги после долгих скитаний томилась по домашнему уюту.

Черный Принц отправился проводить Мо, как это часто бывало. «Конечно, не пристало Перепелу ходить без свиты!» – ехидно заметил Хват. Мо чуть не стащил его с коня за эти слова – кровь у него еще не остыла после битвы, – но Принц его удержал.

Они спешили. Путь был неблизкий, особенно для таких измученных пешеходов, но всадников легче выследить. А рисковать безопасностью хутора было нельзя – ведь там Мо оставлял самое дорогое.

Дом и полуразвалившиеся хлев с конюшней возникли из-за деревьев так внезапно, словно кто-то случайно их тут обронил. От полей, которые когда-то кормили хутор, не осталось и следа. Давно заросла и дорога к ближайшей деревне. Все поглотил лес. Здесь его не называли Непроходимой Чащей, как к югу от Омбры. Здесь у леса было столько имен, сколько деревьев вокруг: Лес Фей, Темный лес, Кикиморовый лес. Те места, где скрывалось гнездо Перепела, называли Жаворонковым лесом – так, во всяком случае, утверждал Силач.

«Жаворонковый лес? Чушь какая! Силач все называет птичьими именами. У него даже феи зовутся по птицам, хотя они птиц терпеть не могут! – возражала Мегги. – Баптиста говорит, что это Светлячковый лес». И правда, столько светлячков и огненных эльфов больше нигде не увидишь! А по ночам тут еще всякие светящиеся жуки на деревьях...

Как бы ни назывался лес, Мо всякий раз с новым наслаждением окунался в его покой. Да, в Чернильном мире было и это, а не только солдаты Зяблика. Первые лучи утра пробивались сквозь ветви деревьев, обрызгивая стволы бледным золотом; феи плясали, словно хмельные,

в холодных лучах осеннего солнца, залетая медведю на мохнатую морду, пока тот не хлопнул по надоедливому рою лапой; Принц поймал одну из вертлявых крошек и, улыбаясь, поднес к уху, словно пытаясь разобрать, о чем верещит этот пронзительный голосок.

А в другом мире тоже было так? Странно, но вспомнить не получалось. Была ли его прежняя жизнь так полна сводящих с ума контрастов: тьмы и света, жестокости и красоты – пьянящей, чарующей красоты, заставляющей забыть обо всем на свете?

Хутор круглосуточно охраняли люди Черного Принца. Сегодня вахту нес Гекко. Он с недовольной миной вышел им навстречу из полуразвалившегося хлева. Гекко был подвижным маленьким человечком с глазами чуть навывкате, действительно похожий на ящерицу, за что и получил свое прозвище. На плече у него сидела ручная ворона. Этих птиц Принц иногда использовал как почтальонов, но в основном они воровали для Гекко на рынке. Мо всегда поражался, как много они могли унести в клюве.

Гекко побледнел, увидев кровь на их одежде. Но если тьма Чернильного мира и охватит заброшенный хутор, то еще не сегодня.

Мо, спотыкаясь от усталости, шагнул к колодцу. Принц, тоже совсем измученный, взял его под локоть.

– Мы сегодня еле ноги унесли, – произнес он чуть слышно, словно боясь спугнуть обманчивый покой. – Если мы не станем осторожнее, в следующей деревне нас уже будут поджидать солдаты. За цену, которую Змеглав назначил за твою голову, можно купить всю Омбру. Я и на своих-то людей не могу теперь вполне положиться, а в деревнях тебя узнают даже дети. Может быть, тебе стоит какое-то время отсидеться здесь?

Мо разогнал фей, вившихся над колодцем, и стал спускать деревянную бадью.

– Ерунда. Тебя они тоже узнают.

Вода в глубине колодца поблескивала, словно там спряталась от наступавшего дня луна. «Точно колодец перед хижинкой Мерлина, – подумал Мо, ополаскивая лицо холодной водой. – Того гляди, мне на плечо взлетит Архимед, а из леса, пошатываясь, выйдет заблудившийся Варт...»

– Ты что улыбаешься? – Черный Принц стоял, прислонившись к колодцу, а медведь, сопя, валялся по мокрой от росы траве.

– Вспомнил одну историю, которую читал когда-то. – Мо поставил перед медведем бадью с водой. – Расскажу как-нибудь на досуге. Очень хорошая история, только конец у нее печальный.

Принц покачал головой и провел ладонью по усталому лицу.

– Если у нее печальный конец, то лучше не рассказывай.

Гекко караулил спящий хутор не один. Мо улыбнулся, увидев выходящего из хлева Баптисту. Баптиста предпочитал разбою мирные занятия, и среди людей Принца Мо особенно привязался к нему и к Силачу. Ему легче было уходить по ночам, когда охранять сон Резы и Мегги оставался кто-то из этих двоих. Баптиста по-прежнему выступал скоморохом на рынке, хотя у зрителей давно не было для него лишнего гроша.

– Надо ж им хоть иногда повеселиться! – отвечал он, когда Хват дразнил его за это.

Свое рябое лицо он любил прикрывать самодельными масками – то плачущими, то смеющимися, смотря по настроению. Но сейчас, подойдя к колодцу, он протянул Мо не маску, а сверток черной ткани.

– Привет тебе, Перепел! – сказал он с низким поклоном, каким обычно приветствовал публику. – Прости, что затянул с твоим заказом. Нитки у меня кончились. С ними в Омбре нынче плохо, как и со всем остальным, но, к счастью, Гекко, – он отвесил поклон в сторону товарища, – послал одну из своих черноперых приятельниц, и она стащила пару катушек у одного из торговцев, которым благодаря нашему новому наместнику по-прежнему живется неплохо.

– Черное платье? – Принц вопросительно посмотрел на Мо. – Зачем?

– Это наряд переплетчика. Я ведь на самом деле переплетчик, не забывай! К тому же черная одежда хороша для ночных вылазок. В ней легче слиться с темнотой. Пожалуй, это, – он стянул с себя перепачканную кровью рубашку, – тоже надо выкрасить в черный цвет. А то, боюсь, носить ее уже нельзя.

Принц задумчиво посмотрел на него:

– Не упрямясь, послушай меня! Не выходи пока отсюда. Забудь на время большой мир, как мир забыл этот хутор.

Темное лицо выражало такую заботу, что Мо был тронут. На мгновение ему захотелось вернуть Баптисте черный свертос – но лишь на мгновение.

Когда Принц ушел, Мо переоделся в обнову, а окровавленную рубашку спрятал в мастерской, которую оборудовал в бывшей пекарне. Черная одежда сидела безупречно. Мо тихо прокрался в дом. В незастекленном окне забрезжил первый луч утра.

Мегги с Резой и вправду еще спали. В комнату Мегги залетела фея. Мо прошептал несколько слов – и она села ему на руку. «Вы только поглядите, – говаривал Хват, – даже эти дуры-феи не могут устоять перед его голосом. Что ж он на меня-то не действует?» Мо поднес фею к окну и выпустил наружу. Прикрыл плечи Мегги одеялом, как делал в ту пору, когда они были одни на свете, и взглянул в ее лицо. Во сне она казалась еще ребенком, а днем – уже почти взрослой. Мегги прошептала во сне: «Фарид». Первая любовь – это взрослость?

– Где ты был?

Мо вздрогнул. В дверях стояла Реза, протирая сонные глаза.

– Смотрел, как феи танцуют в утренних лучах. Скоро они перестанут вылетать из гнезд – ночи уже холодные.

Это, конечно, правда, хотя и не вся. А длинные рукава черного платья закрывали рану над запястьем.

– Пойдем отсюда, а то мы разбудим нашу взрослую дочь.

Он потянул ее за собой в их спальню.

– Что это на тебе надето?

– Костюм переплетчика. Мне его сшил Баптиста. Черный, как чернила. Отлично сидит, правда? Я попросил его сшить что-нибудь для тебя и для Мегги. Тебе скоро понадобится новое платье.

Он положил руку ей на живот. Еще ничего не заметно. Ребенок, зачатый в другом мире, но замеченный только в этом. Реза сказала ему всего неделю назад.

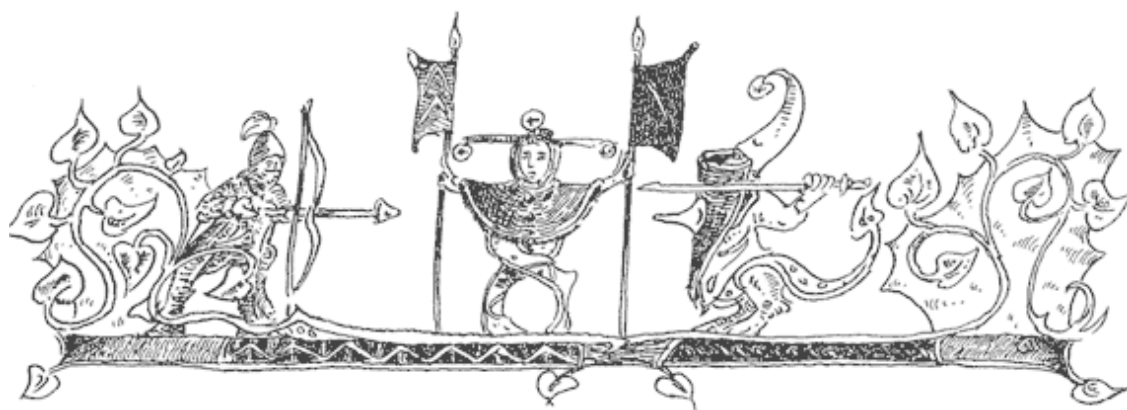
– Ты кого бы хотел – мальчика или девочку?

– А разве меня спрашивают? – откликнулся он, пытаясь представить, каково это будет: снова почувствовать в ладони детские пальчики, до того крошечные, что едва могут обхватить его большой палец. Как раз вовремя – ведь Мегги на глазах становится взрослой.

– Меня тошнит все время. Поеду завтра к Роксане – наверняка она знает какое-нибудь средство.

– Конечно! – Мо обнял жену.

Мирные дни. Кровавые ночи.

Написанное серебро

*Но так как мрачные предпочитал он вещи,
То в комнате своей, пустынной и зловецей,
Где пахло сыростью и к ставням лип туман,
Он перечитывал все время свой роман.
Там было небо цвета охры, лес горящий,
Цветы из плоти распускались в звездной чаще...³*

Артур Рембо. Семилетние поэты

Разумеется, Орфей не пачкал рук работой. Он стоял рядом в роскошной одежде и смотрел, как корячится Фарида. Мальчик копал по его приказу уже вторую яму, до того глубокую, что стоял в ней сейчас по грудь. Земля была влажная и тяжелая. Последние дни шел дождь, а лопата, которую раздобыл Дуботряс, никуда не годилась. В довершение всего над головой у Фарида болтался повешенный. Холодный ветер раскачивал труп на потертой веревке. А если гниущее тело свалится ему на голову?

На виселицах справа виднелись еще три мрачных фигуры. Новый наместник любил вешать. Говорили, будто Зяблик заказывает парики из волос повешенных; вдовы Омбры перешептывались, что именно по этой причине на виселице нередко оказывались теперь и женщины...

– Долго ты еще будешь возиться? Уже светает! Копай поживее! – прикрикнул Орфей и пнул в яму попавшийся под ногу череп. Их много валялось под виселицами, словно падалища под яблонями.

И в самом деле уже занимался рассвет. Треклятая Сырная Голова! Заставил его копать ночь напролет! Ах, свернуть бы ему белую жирную шею!

– Поживее? Может, твой душечка-телохранитель хочет меня сменить? – крикнул Фарида. – Хоть был бы наконец толк от его мускулов!

Дуботряс скрестил на груди мощные руки и презрительно улыбнулся сверху в ответ на слова Фарида. Орфей отыскал этого великана на рынке. Он работал у цирюльника – держал пациентов, пока им вытаскивали воспаленные зубы. «Что за ерунду ты несешь! – хмыкнул тогда Орфей на вопрос Фарида, зачем ему *еще* один слуга. – Да у любого торговца в Омбре есть теперь телохранитель, из-за всего этого сброда, который болтается нынче по улицам. А я, между прочим, намного богаче их!» Это была чистая правда. И поскольку Орфей платил больше, чем цирюльник, а Дуботрясу осточертело слушать вопли терзаемых пациентов, он тут же, не задумываясь, пошел с новым хозяином. Сам он называл себя Осс – слишком короткое имя для такой громады и в то же время подходящее для молчуна, способного за целый день не проронить ни слова. Фарида поначалу готов был поклясться, что у этого уродца вообще нет языка. Зато ел он за четверых и нередко успевал умять вместе со своей порцией то, что служанки Орфея приготовили для Фарида. Поначалу Фарида пытался жаловаться, но, после того как Осс подкараулил его за это на темной лестнице, он предпочитал ложиться спать голодным или стащить себе что-нибудь на рынке. Да, с появлением Дуботряса жизнь на службе у Орфея стала еще безотраднее. То в соломенной подстилке Фарида оказывались осколки стекла, то Осс подставлял ему ножку на лестнице, то вдруг больно дергал за волосы... Приходилось все время быть начеку. Лишь ночью великан оставлял его в покое и спал, как преданный пес, под дверью Орфея.

³ Перевод М. Кудинова.

– Копать – не дело телохранителя, – заявил Орфей, нетерпеливо расхаживая между ямами. – А телохранитель нам понадобится, если ты не поторопишься. Еще до полудня тут сегодня вздернут двух браконьеров!

– И кто виноват? Я же говорю, давай находить клады у тебя на заднем дворе!

Виселицы, кладбища, пожарища – Орфей любил места, вызывавшие у Фарида ужас. Да, уж чего-чего, а духов Сырная Голова не боялся. Фарид утер пот со лба.

– Ты не мог хотя бы описать точнее, под которой виселицей клад? И неужто нельзя было, громы небесные, закопать его не так глубоко?

– «Не так глубоко! На заднем дворе!» – Орфей брезгливо поджал нежные, как у девушки, губы. – Оригинально, нечего сказать! И очень подходит к этой истории! До такой чуши даже Фенолио не дописался бы! Впрочем, что толку тебе объяснять! Ты все равно не поймешь.

– Ах вот как! – Фарид резко воткнул лопату во влажную землю. – Зато я понимаю другое – ты тут сочиняешь себе один клад за другим, изображаешь богатого торговца и не пропускаешь ни одной юбки в Омбре, а Сажерук по-прежнему в царстве мертвых.

Глаза у Фарида защипало. Слезы. Боль той ночи, когда Сажерук отдал за него жизнь, не притупилась. Если бы хоть на минуту забыть его застывшее лицо! Помнить его таким, каким он был в жизни! Но перед Фаридом снова и снова всплывали опавшие черты, немое, холодное тело...

– Мне надоело на тебя работать! – в бешенстве крикнул он стоявшему наверху Орфею. От ярости Фарид даже забыл про души повешенных, которым могло не понравиться, что живые орут во всю глотку на месте их гибели. – Ты ведь свою часть уговора не выполнил! Катаешься тут как сыр в масле, вместо того чтобы вернуть его наконец! Ты смирился с его смертью как все остальные! Фенолио прав: толку от тебя как от надушенного свиного пузыря. Я скажу Мегги, чтобы отправила тебя обратно! Она с этим справится, вот увидишь!

Осс вопросительно посмотрел на Орфея. Его взгляд молил о разрешении измолотить мальчишку в труху, но Орфей проигнорировал эту немую просьбу.

– А, мы снова вернулись к любимой теме! – сказал он с плохо скрытой ненавистью. – Необыкновенная, непревзойденная Мегги, дочь не менее замечательного отца, который теперь отзывается на птичье имя и прячется в лесу с шайкой гнусных бандитов, а уличные оборванцы тем временем сочиняют о нем одну песню за другой...

Орфей поправил очки и поднял глаза к небу, словно желая пожаловаться вышним силам на эту неуместную честь. Очки принесли ему прозвище, которым он гордился: Четвероглазый. В Омбре его произносили с отвращением и страхом, но Орфей этому только радовался. Кроме того, очки служили доказательством того, что все сказки, которые он рассказывал о своем происхождении, – чистая правда: что он прибыл из-за моря, из далекой страны, где у каждого князя есть дополнительная пара глаз, с помощью которых они читают мысли своих подданных. Что он внебрачный сын тамошнего короля и был вынужден бежать от собственного брата, жена которого вспылала к Орфею неугасимой любовью.

«Клянусь богами – покровителями книг! – воскликнул Фенолио, услышав, как Фарид пересказывает это детям Минервы. – До чего же убогая история! Этот тип сочтется патокой. В его липком мозгу нет ни единой оригинальной мысли, он может только поганить чужие идеи».

Но пока Фенолио круглые сутки жалел себя, Орфей спокойно и неукоснительно работал над тем, чтобы оставить на этой истории собственный отпечаток, и порой казалось, что он знает ее лучше, чем автор.

– Знаешь, какое возникает желание, когда снова и снова перечитываешь любимую книгу? – спросил он Фарида, когда они в первый раз подошли вместе к воротам Омбры. – Не знаешь, конечно. Откуда тебе. Единственное, что тебе приходит в голову при виде книги, – что ее хорошо использовать на растопку в холодную ночь. Но я тебе, так и быть, расскажу. В любимой истории хочется самому поучаствовать! Но уж конечно не в жалкой роли бедного

придворного поэта. Этим пусть занимается Фенолио – хотя у него даже это получается из рук вон плохо!

Орфей принялся за работу уже на третью свою ночь в Чернильном мире, устроившись в грязной гостинице у городской стены. Он велел Фариду украсть ему где-нибудь вина и свечу, а сам вытащил из-под плаща замызганный листок бумаги, карандаш... и книгу, ту самую проклятую книгу.

Его глаза бегали по страницам как у сороки, высматривающей блестящие побрякушки, и отбирали слова, все больше и больше слов. И Фарид наивно верил, что слова, которыми Орфей так усердно заполняет листок, исцелят боль его сердца и вернут к жизни Сажерука. Но у Орфея на уме было совсем другое. Закончив работу, он выслал Фариду из комнаты, прочел написанное вслух – и еще до рассвета Фарид выкопал первый клад из земли Омбры, на кладбище за богадельней. При виде монет Орфей обрадовался, как ребенок. А Фарид неподвижно глядел на могилы и чувствовал соленый вкус на языке.

На эти деньги Орфей накупил себе богатой одежды, нанял двух служанок и повариху и приобрел роскошный дом торговца шелком. Прежний хозяин уехал из Омбры на поиски сыновей, которые отправились с Козимо в Непроходимую Чашу и не вернулись.

Орфей тоже выдавал себя за торговца – поставщика необычных товаров. И вскоре Зяблик прослышал, что чужеземец с жидкими светлыми волосами и бледной кожей, какая встречается лишь у князей, может раздобыть невероятные вещи: пятнистых кобальдов, фей, пестрых, как бабочки, украшения из крыльев огненных эльфов, пояса, отделанные чешуей русалок, коней в золотых яблоках для княжеских карет и прочие диковинки, о которых в Омбре прежде знали лишь из сказок. В книге Фенолио можно было подобрать слова на многие случаи. Орфею оставалось лишь расставить их в новом порядке. Иногда его творения умирали, едва появившись, или оказывались страшно кусачими (у Дуботряса вечно были перевязаны руки), но Орфея это нисколько не смущало. Какое ему дело, если в Непроходимой Чаше умерли с голоду два десятка огненных эльфов, внезапно оставшихся без крыльев, или что река однажды утром вынесла на берег несколько мертвых русалок без чешуи! Орфей вытягивал нить за нитью из драгоценной ткани, созданной стариком, и ткал собственный орнамент. Он покрывал разноцветными пятнами бескрайний ковер Фенолио и обогащался за счет того, что выманивал из сплетения чужих слов.

Будь он проклят! Тысячу раз проклят! Хватит.

– Я тебе больше не работник! Кончено! – Фарид обтер руки от мокрой земли и попытался вылезть из ямы, но Осс по знаку Орфея спихнул его обратно и рявкнул:

– Копай!

– Сам копай! – Фарид, в мокрой от пота рубашке, весь трясся – он сам не знал, от холода или от бешенства. – Твой знатный хозяин – обычный мошенник. Его однажды уже сажали в тюрьму за обман, и посадят снова, не сомневайся!

Орфей прищурился. Он не любил, когда ему напоминали об этом периоде его жизни.

– Голову даю на отсечение, ты из тех проходимцев, что всякими рассказками выманивают деньги у доверчивых старух. А тут ты раздулся от важности, как лягушка, что затеяла тягаться с волком, потому что твое вранье вдруг стало оборачиваться правдой! Подлизываешься к шуруину Змеглаву и воображаешь себя умнее других! А что ты умеешь-то? Вычитывать фей, словно упавших ненароком в чан к красильщику, сундуки с сокровищами, украшения из крыльев эльфов для Зяблика. А на то, ради чего мы тебя вычитали, ты не способен. Сажерук мертв. Он мертв. Он по-прежнему мертв!

И тут они хлынули градом, проклятые слезы. Фарид утирал их грязными пальцами, а Дуботряс таранился на него с застывшим выражением человека, не понимающего ни слова. Да и как ему было понять! Что знал Осс о словах, которые воровал Орфей у Фенолио, что он знал о злополучной книге и о голосе Орфея?

– Никто – меня – не – вычитывал! – Орфей наклонился над ямой, словно плевал слова Фариду в лицо. – И уж не тому попрекать меня Сажеруком, кто навлек на него смерть! Я знал его имя, когда ты еще не родился, и только я могу его вернуть, хоть ты и сделал все возможное, чтобы он исчез навсегда... Но как и когда – это мое, и только мое дело. А ты знай копай! Или ты думаешь, о кладезь арабской мудрости (Фарид чувствовал, как слова Орфея нарезают его на тонкие ломтики, словно кусок копченого мяса), что я скорее напишу нужные слова, если мне нечем будет платить служанкам и придется самому стирать себе белье?

Мерзавец! Ну какой же мерзавец! Фарид опустил голову, чтобы Орфей не видел его слез. «Не тому, кто навлек на него смерть...»

– Как ты думаешь, почему я так щедро раздаю мои чудные блестящие монеты комедиантам за их жалкие песенки? Потому, что я забыл Сажерука? Нет. Я делаю это потому, что ты до сих пор не сумел для меня разузнать, как и где в этом мире можно повстречать Белых Женщин! Вот я и слушаю дурацкие песни, стою рядом с подыхающими нищими и подкупаю лекарок в богадельне, чтоб звали меня, когда кто-нибудь соберется умирать. Конечно, все было бы куда проще, если бы ты умел подзывать Белых Женщин с помощью огня, как твой учитель, но это мы уже много раз безуспешно пробовали, правда? Почему бы им не навестить тебя хоть раз – они ведь якобы любят являться к тем, кто побывал однажды в их объятиях? Так ведь нет же. Их не приманила ни свежая куриная кровь, которую я выставлял перед дверью, ни кости ребенка, за которые я отдал могильщику на кладбище полный кошель серебра, только потому, что стража у городских ворот рассказала тебе, что на такую приманку Белые Женщины слетаются стаями.

Да! Крыть нечем. Фариду хотелось зажать уши. Орфей говорил правду. Они все испробовали. Но Белые Женщины не желали им являться, а от кого еще мог Орфей узнать, как вывести Сажерука из царства мертвых?

Фарид молча вытащил лопату из земли и стал копать дальше.

Он стер ладони в кровь, но наконец лопата ударилась о дерево. Сундук, который он вытащил на поверхность, был не очень велик, но, как и прошлый, до краев наполнен серебряными монетами. Фарид подслушал, как Орфей его вычитывал.

«Под виселицами на Мрачном холме, задолго до того, как Жирный Герцог велел рубить там дубы на гроб своему сыну, шайка разбойников закопала сундук с серебром. А потом разбойники в ссоре перебили друг друга, и клад остался лежать в земле, усеянной их костями».

Сундук наполовину сгнил, и Фариду мучил вопрос – как и всякий раз, когда он выкапывал клад, – не лежало ли это серебро под виселицами *задолго до того*, как Орфей написал о нем. Сырная Голова на такие вопросы только загадочно улыбался с видом всезнайки, но Фарид сомневался, что он действительно знает ответ.

– Ну вот и отлично! Я же говорил. На ближайший месяц этого хватит.

Орфей улыбался так самовлюбленно, что Фариду хотелось набрать на лопату земли и швырнуть ему в лицо. Ближайший месяц! На деньги, которые они с Дуботрясом ссыпали в кожаную суму, можно было много месяцев кормить всю изголодавшуюся Омбру.

– Долго ты еще будешь копаться? Палач, наверное, уже везет виселицам свежий корм! – Когда Орфей нервничал, голос его звучал совсем не красиво.

Фарид молча затянул набитую кожаную суму, ногой толкнул пустой сундук обратно в яму и в последний раз взглянул на повешенных. На Мрачном холме когда-то уже совершались казни, но лишь при Зяблике эта традиция возобновилась. С виселиц у городских ворот вонь разлагавшихся трупов слишком часто доносилась до замка и портила шурину Змеглава удовольствие от изысканных яств, подававшихся у него за столом, пока Омбра голодала.

– Ты позвал мне комедианта на вечер?

Фарид, тащивший за Орфеем тяжелую суму, молча кивнул.

– Вчерашний был редкий урод! – Орфей с помощью Осса взобрался на коня. – Ходячее пугало! И шамкал мне своим беззубым ртом все то же самое: прекрасная принцесса любит бедного скомороха, тра-ля-ля-ля, прекрасный принц влюбился в простую крестьянку, тру-ля-ля... И хоть бы слово о Белых Женщинах!

Фарид слушал вполуха. Он горько разочаровался в комедиантах – большинство из них теперь пели и танцевали для Зяблика и отреклись от Черного Принца, потому что он выступал против захватчиков.

– И все же это чудело, – продолжал Орфей, – знало несколько новых песен о Перепеле. Мне стоило больших усилий его уговорить, и пел он так тихо, будто под моим окном стоит Зяблик собственной персоной, но одну из этих песен я действительно еще не слышал. Ты уверен, что Фенолио больше не пишет?

– Совершенно уверен. – Фарид перевесил суму на другое плечо и тихо свистнул сквозь зубы, как делал Сажерук.

Из-за виселицы выскочил Пролаза с мышью в зубах. С Фаридом осталась только младшая куница. Гвин был у Роксаны, словно не хотел покидать места, куда Сажерук непременно вернется, если только смерть выпустит его из бледных объятий.

– А почему ты так уверен? – Орфей брезгливо скривил рот, когда Пролаза запрыгнул Фариду на плечо и исчез в рюкзаке.

Сырную Голову мутило при виде куницы. Но он ее терпел – наверное, за то, что раньше ее хозяином был Сажерук.

– Его стеклянный человечек говорит, что Фенолио больше не пишет, а уж кому знать, как не ему?

Розенкварц все время жаловался, какая тяжелая стала у него жизнь с тех пор, как Фенолио снова переселился из замка в мансарду Минервы. Фарид тоже каждый раз чертыхался, взбираясь по крутой деревянной лестнице, когда Орфей посылал его к Фенолио с вопросами: что за страны лежат на юге, за морем, омывающим владения Змееглава? В родстве ли с женой Змееглава князь, что правит к северу от Омбры? Где именно живут великаны – или они уже все вымерли? Едят ли хищные рыбы речных русалок?

Случалось, что Фенолио просто не пускал Фариду на порог, но иногда вино развязывало старику язык, и он изливал на Фариду такой поток сведений, что у того голова шла кругом. А нужно было еще донести все это до Орфея, неустанно выпрашивавшего подробности. Настоящая пытка для всех троих. Но если Орфей с Фенолио пытались поговорить напрямую, они через две минуты ссорились.

– Это хорошо! Это просто замечательно! Не хватало еще, чтобы старик оторвался от бутылки и снова взялся за перо! Последние его выдумки и так страшно все запутали.

Орфей взялся за поводья и взглянул на небо. Оно было серым и мрачным, как лица в Омбре. Похоже, день снова будет дождливый.

– Разбойники в масках, книги, дарующие бессмертие, правитель, воскресающий из мертвых! – Орфей покачал головой, направляя коня на тропу, ведущую в Омбру. – Кто знает, что ему еще взбредет на ум! Нет уж, пусть лучше Фенолио пропивает остатки своего жалкого умишка. А его историей займусь я. Потому что понимаю в ней куда больше.

Фарид снова отвлекся, влезая на своего осла. Пусть Сырная Голова болтает что хочет. Ему, Фариду, все равно, кто из этих двоих напишет слова, которые вернут Сажерука. Главное, чтобы это наконец произошло! Даже если остальной мир провалится в тартарары!

Осел, как всегда, попытался укунить Фариду, когда тот забирался на его тощую спину. Орфей ездил на одной из лучших лошадей в Омбре – несмотря на тучность, Сырная Голова был хорошим наездником, – но для Фариды этот скупердяй раскошелся только на осла, кусачего и облысевшего от старости. Дуботряса не унесли бы и два осла, поэтому он трусил за Орфеем

пешком, как огромная собака, весь в поту, вверх-вниз по узким тропам окружавших Омбру холмов.

– Ладно. Предположим, Фенолио больше не пишет. – Орфей любил думать вслух. Казалось, собственный голос необходим ему, чтобы привести мысли в порядок. – Но откуда же берутся все эти истории о Перепеле? Месть за обиду вдовы, кошель с деньгами на пороге бедняка, дичь из господского леса на столе у сирот... Неужели Мортимер Фолхарт действительно способен на это без помощи слов Фенолио?

Навстречу им ехала телега. Орфей, чертыхнувшись, направил коня в колючие придорожные кусты, а Дуботряс с глупой ухмылкой уставился на двух мальчишек с опавшими от страха лицами, стоявших в телеге на коленях, со связанными за спиной руками. У одного глаза были голубые, как у Мегги. Оба не старше Фариды. Конечно, будь они старше, они отправились бы в поход с Козимо и погибли уже давно. Но сегодня это их вряд ли утешало. Раскачивающиеся на виселице трупы будут видны из Омбры – острастка для тех, кто от голода решается на браконьерство, но вонь не коснется чувствительных ноздрей Зяблика.

Наверное, на виселице умирают слишком быстро. Во всяком случае, туда Белые Женщины не приходят. Фарид невольно пощупал спину в том месте, куда вонзился нож Басты. «Ко мне ведь они тоже не приходили?» – думал он. Вспомнить он не мог. Он не помнил даже боли, только лицо Мегги, когда он снова пришел в себя, и как он потом обернулся и увидел лежащего Сажерука...

– Почему бы тебе просто не написать, что они забрали меня вместо него? – спросил он Орфея в самом начале, но тот рассмеялся в ответ.

– Тебя? Ты всерьез думаешь, что Белые Женщины променяют Огненного Танцора на какого-то приبلудного воришку? Нет уж, надо придумать для них наживку пожирнее...

Орфей прищипил коня. Притороченная к седлу сума с серебром хлопнула по бокам лошади, а Осс так побагровел от напряжения, что его мощная шея, казалось, сейчас лопнет.

Проклятая Сырная Голова! «Да, надо попросить Мегги отправить его обратно, – думал Фарид, ударяя осла пятками в бока. – Давно пора! Но кто же напишет ей для этого слова? И кто, кроме Орфея, вернет Сажерука из царства мертвых?»

«Никто его не вернет, – шепнул Фариду внутренний голос. – Он умер, Фарид. Понимаешь, умер».

«Ну и что? – крикнул он этому шепоту. – Разве это что-нибудь значит в здешнем мире? Я вот тоже умер – и вернулся».

Если бы только он мог вспомнить дорогу...

Чернильное платье

*Это было словно вчера – я верил,
Что у меня под кожей один только свет
И, если меня разрезать на куски, я истеку лучами.
Зато сегодня, если я споткнусь на дороге жизни
И разобью коленку, я истеку кровью.*

Билли Коллинз. Когда исполняется десять

Утро разбудило Мегги бледным лучом, упавшим на лицо, и воздухом такой свежести, будто до нее никто его не вдыхал. За окном у нее щебетали феи, словно птицы, научившиеся говорить, а где-то кричал перепел – если это действительно был перепел. Силач непревзойденно подражал голосам птиц: казалось, они свили гнезда в его широкой груди. И все они отзывались на его призыв: жаворонки, пеночки, дятлы, соловьи и ручные вороны Гекко.

Ага, Мо тоже не спит. Со двора доносился его голос и голос матери. Может быть, это Фарид наконец пришел? Она поспешно вскочила с соломенного тюфяка (каково было спать на кровати, Мегги решительно не помнила) и подбежала к окну. Мегги уже не первый день ждала Фариду. Он обещал прийти. Но во дворе были только родители и Силач, который увидел ее у окна и улыбнулся ей.

Мо помогал Резе седлать коня. Когда семья Перепела пришла жить на хутор, лошади уже дожидались в конюшне. Они были до того хороши, что, несомненно, принадлежали прежде кому-то из знатных друзей Зяблика, но Мегги старалась не задумываться – как и о многом другом, что добывал для них Черный Принц, – каким образом породистые скакуны попали в руки разбойников. Она любила Черного Принца, Баптисту и Силача, но другие члены шайки вызывали у нее содрогание, например Хват или Гекко, хотя эти самые люди спасли ее родителей на Змеиной горе.

«Разбойники – они разбойники и есть, Мегги, – говорил ей Фарид. – Принц все делает для других, но многие из его людей просто жадны до денег, а гнуть спину на поле или в мастерской им неохота».

Ах, Фарид... Она до того скучала по нему, что ей становилось стыдно.

Мать казалась усталой и бледной. Последние дни Резу часто тошнило. Наверное, поэтому она собралась к Роксане. В хворях никто не разбирался лучше, чем вдова Сажерука, – разве что Хитромысл, но он сильно сдал после гибели Огненного Танцора; а известие, что богадельня, где он проработал столько лет, сожжена по приказу Змееглава, окончательно его добило. Что стало с Беллой и другими лекарками, никто так и не узнал.

Мегги вышла во двор. Из-под ног у нее шмыгнула мышь – с рожками, как куница Сажерука; в лицо метнулась фея и попыталась выдернуть прядку, но Мегги привычным движением отбила атаку. С наступлением холодов феи все реже вылетали из гнезд, но не переставали охотиться за человеческими волосами. «Это для них самый теплый материал, – рассказывал Баптиста. – Теплее только медвежий мех. Но вырывать волоски у медведя уж очень опасно».

Утро было холодное, и Мегги зябко обхватила себя руками. Одежда, которую раздобыли им разбойники, грела не так хорошо, как свитера в другом мире, а по теплым носкам в шкафу у Элинора она по-настоящему скучала.

Мо обернулся и помахал ей. Вид у него был усталый, но довольный. Отец в последнее время мало спал. Нередко он работал до глубокой ночи в своей новой мастерской скудным инструментом, который раздобыл для него Фенолио. А еще он постоянно уходил в лес – один или вместе с Принцем. Мо думал, что Мегги об этом не знает, но она уже несколько раз видела,

как разбойники приходили за ним в бессонные ночи, когда она стояла у окна и ждала Фарида. Они вызывали Мо криком перепела. И Мегги слышала этот крик почти каждую ночь.

– Ну что, получше тебе? – Она с тревогой посмотрела на мать. – Это, наверное, от грибов, которые мы набрали на днях.

– Нет, грибы точно ни при чем. – Реза взглянула на Мо и улыбнулась. – У Роксаны наверняка что-нибудь найдется. Поедешь со мной? Может быть, мы застанем там Брианну. Она не каждый день у Орфея работает.

Почему мать думает, что ей хочется видеть Брианну? Только потому, что они примерно одного возраста? После смерти Козимо Уродина прогнала дочь Сажерука – запоздалое наказание за то, что служанка предпочитала проводить время с мужем своей госпожи, а не с ней самой. Сначала Брианна помогала матери в огороде, а потом поступила в услужение к Орфею. Как и Фарид. У Орфея было уже с полдюжины прислуги. Фарид насмешливо говорил, что Сыр-ная Голова даже свои жидкие волосенки разучился причесывать сам. Орфей нанимал только красивых девушек, а Брианна была поразительно красива – так красива, что Мегги в ее присутствии казалась себе серой уточкой рядом с прекрасным белым лебедем. В довершение всех бед – Брианна была дочерью Сажерука.

– Ну и что? Я с ней даже не говорил ни разу... – отвечал Фарид на расспросы Мегги. – Она меня ненавидит, как и ее мать.

И все же... Он видит ее каждый день, эту Брианну и других служанок Орфея. Там работают самые красивые девушки Омбры. А сюда он уже почти две недели не приходил...

– Ну что, поедешь со мной? – Реза вопросительно смотрела на нее.

Мегги почувствовала, что заливается краской, как будто мать могла слышать ее мысли.

– Нет, – сказала она, – я лучше побуду здесь. Силач тебя проводит?

– Конечно.

Силач вменил себе в обязанность защищать Резу и ее дочь. Мегги не могла понять, просил его об этом Мо или он делал это по собственному почину, чтобы доказать Перепелу свою преданность.

Силач помог Резе подняться в седло. Она часто жаловалась, что ездить верхом в длинном платье страшно неудобно. По словам Резы, ей куда больше нравилось ходить в этом мире в мужском костюме, хотя это и привело ее в рабство к Мортале.

– Я вернусь засветло, – сказала Реза мужу. – Спрошу у Роксаны, не подберет ли она тебе средства от бессонницы.

И вот они с Силачом уехали, а Мегги осталась с Мо, как в те времена, когда их было только двое.

– Она и вправду совсем больна!

– Не волнуйся, Роксана ей поможет. – Мо посмотрел в сторону пекарни, где устроил себе мастерскую.

Что это за черная одежда на нем?

– Мне тоже нужно отлучиться, но к вечеру я вернусь. Гекко и Баптиста – в конюшне, а еще Принц пришлет Деревягу, пока Силача нет. С этой троицей ты в большей безопасности, чем со мной.

Что-то странное было в его голосе. Ложь? Он изменился с тех пор, как едва не погиб от рук Морталы. Стал более замкнутым, и вид у него бывал порой такой отсутствующий, словно часть его души осталась в пещере, где он лежал при смерти, или в застенке Дворца Ночи.

– Куда ты? Я поеду с тобой. – Мегги почувствовала, как он вздрогнул, когда она брала его под руку. – Что случилось?

– Ничего. Правда ничего. – Мо поправил черный рукав и отвел глаза.

– Ты снова уходил с Принцем. Я видела его вчера ночью на нашем дворе. Что происходит?

– Ничего, Мегги, уверяю тебя! – Он рассеянно погладил ее по щеке, повернулся и пошел в сторону пекарни.

– Ничего? – Мегги последовала за ним. Дверь была такой низкой, что Мо пришлось пригнуть голову. – А что это на тебе за черный наряд?

– Это платье переплетчика. Мне его сшил Баптиста.

Мо подошел к рабочему столу. Здесь были разложены кожа, несколько листов пергамента, нитки, нож и небольшая книжка с рисунками Резы, которую он переплетал в последние дни. Реза рисовала фей, огненных эльфов, стеклянных человечков, Черного Принца и Силача, Баптисту и Роксану. Был тут и портрет Фарида. Мегги заметила, что книга перевязана веревкой, как будто в дорогу. Образчик переплета, черная одежда...

О, она слишком хорошо его знала!

– Нет, Мо! – Мегги схватила книгу и спрятала за спину.

Резу он еще мог обмануть, но не ее.

– Что такое? – Мо очень старательно изображал недоумение.

Он сильно продвинулся в искусстве притворяться.

– Ты собрался в Омбру, к Бальбулусу. Ты сошел с ума! Это опасно, понимаешь?

Мо колебался, пытаясь на ходу придумать какую-нибудь убедительную ложь, но в следующее мгновение понял, что это бесполезно, и тяжело вздохнул.

– Ты меня по-прежнему видишь насквозь! Я-то думал, теперь тебя легче обмануть, потому что ты почти уже взрослая. Это было глупо с моей стороны. – Он обнял Мегги и тихонько вынул книгу у нее из рук. – Да, я хочу навестить Бальбулуса, прежде чем Зяблик продаст все книги, о которых ты мне столько рассказывала. Фенолио проведет меня в замок под видом переплетчика. Знаешь, сколько бочек вина Зяблик получает за одну книгу? Говорят, половина библиотеки уже распродана, чтобы оплатить его пиры.

– Мо, это опасно! А если тебя узнают?

– Кто? В Омбре меня никто еще не видел.

– Кто-нибудь из солдат может помнить тебя по Дворцу Ночи. И Коптемаз тоже, наверное, там! Черной одеждой его не проведешь.

– Да ладно тебе! Коптемаз видел меня в последний раз полумертвым. Кроме того, для него было бы лучше со мной не встречаться – надеюсь, он это понимает.

Его лицо, самое родное на свете, вдруг стало чужим. Уже не в первый раз. Ледяным, пугающим.

– Да не смотри ты на меня с таким ужасом! – сказал он, прогоняя холод улыбкой. Но улыбка быстро погасла. – Знаешь, Мегги, собственные руки стали мне чужими.

Он протянул их ей, словно дочь могла увидеть, как они изменились.

– Они делают такое, чего я и представить себе не мог, – и делают хорошо.

Мо рассматривал свои руки, словно они принадлежали другому человеку. Мегги столько раз видела, как эти руки нарезают бумагу, скрепляют страницы, натягивают кожу на переплет или наклеивают пластырь ей на коленку. Но она прекрасно понимала, о чем он говорит. Она теперь часто видела, как Мо упражняется с Баптистой или Силачом за конюшней – фехтует мечом, захваченным из Дворца Ночи. Мечом Огненного Лиса. И меч плясал в его руках так же ловко, как переплетный нож или фальцевальная косточка.

Перепел.

– Мне кажется, Мегги, пора моим рукам вспомнить, каково их настоящее ремесло. Мне нужно напомнить об этом самому себе. Фенолио сказал Бальбулусу, что нашел переплетчика, способного переплести его творения так, как они того заслуживают. Но Бальбулус хочет увидеть этого мастера прежде, чем доверить ему свои рукописи. Поэтому я отправлюсь в замок и докажу ему, что владею переплетным ремеслом не хуже, чем он – своим искусством. Ты сама виновата, что мне не терпится собственными глазами взглянуть на его мастерскую! Помнишь,

как ты рассказывала мне в башне Змеглава о кисточках и перьях Бальбулуса? – Он передразнил ее голос: – *«Он миниатюрист, Мо! В замке Омбры! Самый лучший из художников, украшающих книги! Ты мог бы увидеть его кисточки и краски...»*

– Да, – глухо сказала Мегги. – Да, я помню.

Помнила она и его ответ: *«На эти кисточки мне и правда хотелось бы поглядеть»*. И страх за него, пережитый тогда, она тоже не забыла.

– А Реза знает, куда ты собрался? – Она коснулась груди Мо в том месте, где только шрам напоминал теперь о ране, едва не убившей его.

Он мог не трудиться отвечать. По виноватому взгляду Мо было сразу ясно, что он не посвятил Резу в свои планы. Мегги посмотрела на переплетный инструмент, разложенный на столе. Может быть, Мо и прав. Может быть, его рукам и в самом деле пора вспомнить привычную работу. Вдруг ему удалось бы играть в этом мире ту роль, которую он так любил в другом. Хотя Зяблик, говорят, ценил книги примерно как волосы в супе.

Но ведь Омбра во власти Змеглава. Повсюду кишат его солдаты. Что, если кто-нибудь из них узнает человека, совсем недавно бывшего узником у их страшного хозяина?

– Мо... – Слова рвались у Мегги с языка. Она часто произносила их про себя в последние дни, но не решалась выговорить вслух, потому что не была уверена, что и в самом деле так думает. – А тебе не приходит иногда в голову, что лучше бы нам вернуться? Домой, к Элинон и Дариусу. Я знаю, это я уговорила тебя остаться, но... Змеглав все еще тебя разыскивает, а ты уезжаешь по ночам с разбойниками. Реза, может быть, ничего не замечает, но я-то давно все знаю. А тут мы все уже посмотрели – фей и нимф, Непроходимую Чашу и стеклянных человечков... – Как трудно было подыскать верные слова, такие, чтоб объяснили ей самой, что происходит в ее душе. – Может быть... может быть, нам пора. Я знаю, Фенолио больше не пишет, но мы могли бы попросить Орфея. Он ведь видит в тебе соперника и будет, наверное, очень рад отправить нас прочь и остаться единственным чтецом этого мира!

Отец молча взглянул на нее, и Мегги угадала ответ. Они поменялись ролями. Теперь Мо не хотел возвращаться. На столе, среди грубой бумаги и переплетных ножей, лежало перышко перепела.

– Иди сюда! – Мо присел на край стола и притянул ее к себе, как часто делал, когда она была маленькая.

Как давно это было! Очень давно. Как будто в той давней истории говорилось про другую Мегги. Но, когда Мо обнял ее за плечи, она на мгновение снова перенеслась туда, почувствовала себя в безопасности, под надежной защитой, и уже привычная тоска в сердце как будто растаяла... Тоска по черноволосому юноше с сажей на ладонях.

– Я знаю, почему тебе захотелось домой, – тихо сказал Мо. В чем-то он, может быть, и изменился, но дочь по-прежнему видел насквозь, как и она его. – Сколько дней Фарид к нам не заглядывал? Пять? Шесть?

– Двенадцать! – жалобно ответила Мегги, утыкаясь головой ему в плечо.

– Двенадцать? Давай попросим Силача завязать ему тощие руки бантиком!

Мегги рассмеялась. Что бы она делала без Мо, всегда умеющего рассмешить?

– Я еще не все посмотрел, Мегги! – сказал он. – Я не видел самого важного – книг Бальбулуса. Рукописных книг, украшенных миниатюрами и притом не покрытых пылью столетий, не пожелтевших, не ломких от старости – нет, на их страницах только что высохли краски, переплет еще гибкий... Кто знает, а вдруг Бальбулус позволит мне понаблюдать за своей работой. Ты только представь! Я так часто мечтал увидеть, как появляются на пергаменте крошечные лица, как цветы и ветви обвиваются вокруг инициалов, как...

Мегги не могла удержать улыбку.

– Ладно, с тобой все ясно. – Она закрыла ему рот ладонью. – Ладно, – повторила она. – Мы поедem к Бальбулусу вместе.

«Как раньше», – подумала она про себя. – Только ты и я». И, когда Мо попытался возразить, она снова прижала ладонь к его губам.

– Ты сам говорил! Помнишь, в заброшенной шахте...

В шахте, где погиб Сажерук... Мегги тихо повторила те давние слова: *«Покажи мне фей, Мегги. И русалок. И художника, украшающего рукописи в замке Омбры. Посмотрим, правда ли у него такие тонкие кисточки».*

Мо поднялся и стал собирать инструмент, лежавший на столе – аккуратно, как в своей мастерской в саду Элинора.

– Да. Наверное, я это говорил, – сказал он, не глядя на нее. – Но теперь в Омбре правит шурин Змееглава. Как ты думаешь, что скажет твоя мать, если я подвергну тебя такой опасности?

Что скажет мать? Да...

– Резе незачем об этом знать. Мо, пожалуйста! Возьми меня с собой! А то я попрошу Гекко рассказать о твоих планах Черному Принцу. И уж он не даст тебе доехать до Омбры!

Мо отвернулся, но Мегги услышала, что он смеется:

– Ого, шантаж! Разве я тебя этому учил?

Он снова повернулся к ней, долго молчал, а потом сказал с тяжелым вздохом:

– Ну что ж, давай посмотрим на перья и кисточки. Раз уж мы побывали вместе во Дворце Ночи... Замок Омбры, наверное, все же не такой мрачный.

Он обдернул черный рукав.

– Хорошо хоть, переплетчики не ходят здесь в желтом, под цвет клейстера.

Мо уложил в сумку книгу с рисунками Резы.

– Что касается мамы, я хочу заехать за ней к Роксане, когда мы вернемся из замка. Только, пожалуйста, не рассказывай ей о нашей экскурсии. Ты, наверное, давно догадалась, почему ее тошнит по утрам?

Мегги недоуменно посмотрела на него – и тут же почувствовала себя такой душой!

– Кого бы ты хотела – братика или сестричку? – У Мо вдруг стал очень счастливый вид. – Бедняжка Элинора! Она ведь мечтала об этой новости с того момента, как мы у нее поселились... А вышло так, что мы унесли ребенка с собой в другой мир.

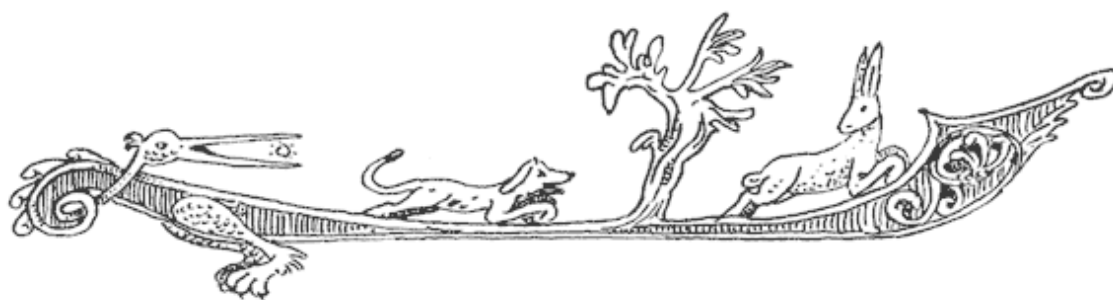
Братика или сестричку... Когда Мегги была маленькая, она одно время играла, будто у нее есть невидимая сестренка, заваривала для нее чай из ромашек и пекла пирожки из песка.

– И... давно вы заметили?

– Ребенок родом из нашего мира, если ты это имеешь в виду. Из дома Элинора. Дитя из плоти и крови, а не из слов, чернил и бумаги. Хотя кто знает? Может быть, мы просто из одной выдуманной истории провалились в другую? Как ты думаешь?

Мегги посмотрела кругом, обвела взглядом стол, инструменты, пергамент и черную блузу Мо. Все это возникло из слов, так ведь? Из слов Фенолио. Дом, двор, небо у них над головой, деревья, камни, дождь, солнце и луна. «Ну а мы? – думала Мегги. – Мы из чего возникли? Реза, я, Мо, ребенок, которому предстоит родиться?» Она уже не была уверена в ответе. Да и знала ли она его когда-нибудь?

Казалось, все вокруг шепчется о том, что будет, и о том, что было. Мегги взглянула на свои руки, и ей показалось, что на них проступают буквы и складываются в слова: *«А потом родился ребенок».*

Фенолио жалеет себя

– Что это? – спросил Гарри, которого вдруг пробрала дрожь.
– Это? Это – Омут памяти, – ответил Дамблдор. – Иногда я
чувствую, что голова у меня переполнена мыслями и воспоминаниями.⁴
Джоан Роллинг. Гарри Поттер и Кубок огня

Фенолио лежал в кровати, как это часто бывало в последние недели. Или уже месяцы? Не все ли равно. Он тоскливо рассматривал гнезда фей на потолке. Почти все они пустовали, только из одного доносились непрерывная трескотня и хихиканье. Гнездо переливалось всеми цветами радуги, словно бензиновое пятно на воде. Орфей! Феи в этом мире синие, черт тебя подери! Почему этому идиоту вздумалось делать их разноцветными? А хуже всего, что они повсюду вытесняют синих. Разноцветные феи, пятнистые кобальды... Говорят, где-то уже видели четвероруких стеклянных человечков. Фенолио делалось дурно при одной мысли об этом. Но ни о чем другом он думать не мог, ежечасно мучаясь вопросом, что пишет сейчас Орфей в своем роскошном доме с таким количеством прислуги, словно был самой важной персоной в Омбре.

Фенолио почти каждый день отправлял туда на разведку Розенкварца, но стеклянный человечек был бездарным шпионом. На редкость бездарным. Кроме того, Фенолио подозревал, что Розенкварц проводит большую часть времени не у Орфея, а в квартале белошвеек, где было много стеклянных девушек. «Ах, Фенолио, – вздыхал старик про себя, – и почему ты не сотворил эти стеклянные создания более сообразительными и преданными? К сожалению, это не единственная твоя промашка...»

Он потянулся к стоявшей у кровати фляге, чтобы залить вином неприятную мысль, но тут в потолочном окне появилась маленькая фигурка. Наконец-то. Розенкварц был сейчас не бледно-розовым, как обычно, а багрово-красным. Стеклянные человечки не потели. Вместо этого они от напряжения меняли цвет (это правило тоже придумал Фенолио – он давно забыл почему). Но зачем же этот балбес вскарабкался на крышу? Чистое безумие для хрупкого создания, которое даже при падении со стола могло разбиться вдребезги. Да, стеклянный человечек – не лучшая кандидатура на роль шпиона. Зато они маленькие, прозрачные и потому незаметные – это отчасти искупало их хрупкость.

– Ну? Что он там пишет? Рассказывай! – Фенолио взял флягу и босиком прошлепал к стеклянному человечку.

В награду за свою шпионскую деятельность, не входящую – прозрачный разведчик не уставал об этом твердить – в стандартные обязанности стеклянного человечка и требующую отдельной оплаты, Розенкварц запросил наперсток вина. Цена небольшая, этого Фенолио не мог отрицать, но и толку от разведывательной деятельности Розенкварца было пока немного. Кроме того, вино на него плохо действовало – он делался еще обидчивее, а потом его часами мучила икота.

– Может быть, ты дашь мне сперва отдышаться? – спросил Розенкварц раздраженно.

Ну вот, уже обиделся. До чего же вздорное создание!

– Ну, дар речи к тебе уже вернулся, я вижу!

Фенолио снял Розенкварца с веревки, которую привязал на окно, чтобы стеклянный человечек мог съезжать по ней, как по канату, и перенес на стол, купленный недавно по дешевке на рынке.

– А теперь рассказывай! – Фенолио наполнил наперсток. – Что он там пишет?

⁴ Перевод М. Литвиновой.

Розенкварц понюхал вино и наморщил багровый нос.

– Вино у тебя все хуже и хуже, – заявил он сердито. – Надо было попросить другую плату!

Фенолио с досадой вынул наперсток из стеклянных ручек.

– Ты пока и эту-то не заслужил! – сказал он в сердцах. – Признайся лучше, что опять ничего не разузнал!

Стеклянный человечек скрестил руки на груди.

– Ах так!

Нет, с ним с ума можно сойти! Взять бы этого болвана да потрясти хорошенько, но ведь у него, чего доброго, рука отвалится, а то и голова.

Фенолио мрачно поставил наперсток обратно на стол.

Розенкварц обмакнул туда палец и облизал его.

– Он снова сочинил себе клад.

– Опять? Черт побери, он тратит больше денег, чем Зяблик!

Фенолио не мог себе простить, что сам до этого не додумался. С другой стороны... Ему бы понадобился чтец, чтобы превратить слова в звонкую монету, и он был далеко не уверен, что Мегги или ее отец стали бы ему помогать в столь прозаическом занятии.

– Хорошо, клад. А что еще?

– Он много чего пишет, но, похоже, недоволен тем, что получается. Рассказывал я тебе, что на него теперь работают сразу два стеклянных человечка? Четверорукого, которым он всюду хвастался, – тут Розенкварц понизил голос, словно боясь выговорить такое, – он, говорят, со злости швырнул об стену. Об этом говорила вся Омбра, но Орфей очень хорошо платит...

Укоризненный взгляд, который Розенкварц бросил при этих словах в его сторону, Фенолио просто проигнорировал.

– ...так что теперь у него работают два брата, Сланец и Халцедон. Старший – просто мерзавец! Он...

– Двое? Зачем этому болвану сразу два стеклянных человечка? Он что, уродует мою историю с такой скоростью, что один не успевает очинивать перья?

От злости у Фенолио начались спазмы в желудке. Приятно слышать, что хоть четверорукого человечка больше не существует. Может быть, до Орфея постепенно дойдет, что его творения не стоят пергамента, который он изводит на их создание?

– Ладно. Что еще?

Розенкварц не ответил и снова обиженно скрестил руки на груди. Он не любил, когда его перебивали.

– Господи, да перестань ты кобениться! – Фенолио подвинул ему наперсток. – Что он там еще сочиняет? Новую экзотическую дичь для Зяблика? Левреток с рожками для придворных дам? Или, может, ему пришло в голову, что в моем мире не хватает гномов в горошек?

Розенкварц снова обмакнул палец в наперсток.

– Тебе придется купить мне новые штаны, – заявил он. – Старые протерлись от лазанья по крышам. Не говоря о том, что их давно было пора поменять. Ты можешь ходить в чем тебе нравится, а я не для того живу в городе, чтобы одеваться хуже своих лесных родственников.

Иногда Фенолио хотелось просто взять его и переломить пополам!

– При чем тут твои штаны? Какое мне дело до твоих штанов? – заорал он на стеклянного человечка.

Розенкварц отхлебнул из наперстка – и выплюнул вино себе на ноги.

– Укус, а не вино, – прошипел он. – И за это в меня швыряли костями? И за это я продирался сквозь голубиный помет и битую черепицу? Да, не смотри на меня так! Этот Халцедон стал кидать в меня куриные кости, когда застал у бумаг Орфея. Он меня чуть в окно не выбросил! – Стеклянный человечек со вздохом обтер вино с ног. – Ладно, перейдем к делу.

Там было что-то о кабанах с рожками, но я не мог толком разобрать почерк, потом что-то о поющих рыбах, полная глупость, надо сказать, и еще что-то о Белых Женщинах. Четвероглазый, видимо, по-прежнему собирает все, что поют о них комедианты...

– Да об этом говорит вся Омбра! И ради этого ты пропадал так долго? – Фенолио закрыл лицо руками.

Вино действительно плохое. Голова у него совсем отяжелела. Проклятье.

Розенкварц с мученической гримасой отпил еще глоток. Дурак стеклянный! Будет теперь до завтрашнего дня животом маяться!

– Как бы то ни было, – торжественно заявил Розенкварц между приступами икоты, – это мое последнее донесение! Больше я не пойду в разведку! По крайней мере, до тех пор, пока там работает Халседон! Он сильный, как кобольд; говорят, он уже двум стеклянным человечкам руки пообломал!

– Ладно, ладно. Все равно шпион из тебя никудышный, – пробурчал Фенолио и, покачиваясь, побрел обратно к кровати. – Признайся, тебе куда больше нравится ухаживать за стеклянными девушками на улице белощвеек. Не воображай, что я этого не знаю!

Он со стоном растянулся на соломенном тюфяке и уставился на пустые гнезда фей под потолком. Можно ли представить существо более жалкое, чем писатель, разучившийся писать? И худшую судьбу, чем смотреть, как другой ворует твои слова и размалевывает созданный тобой мир безвкусными яркими мазками? И ни тебе покоев в замке, ни сундука с роскошной одеждой, ни породистого коня для придворного поэта – опять мансарда Минервы, и больше ничего. Чудо, что она снова пустила его к себе – сочинителя, чьи песни способствовали тому, что у нее нет больше мужа, а у ее детей – отца. Да, вся Омбра знала, какую роль сыграл Фенолио в походе Козимо. Удивительно, что Минерва до сих пор не стащила его с тюфяка и не отколотила хорошенько. Видимо, женщины Омбры так заняты тем, чтобы выжить и прокормить детей, что им не до мести. «А куда ж ты теперь еще денешься? – только и сказала Минерва, когда он снова постучался в ее дверь. – В замке поэты больше не нужны. Там теперь поют песни Свистуна». И разумеется, она оказалась права. Зяблику нравились песни Среброносого. А порой он и сам рифмовал пару неуклюжих строк о своих охотничьих подвигах.

Оставалась Виоланта. Она, к счастью, иногда посылала за Фенолио. И конечно, не подозревала о том, что стихи, которые он ей приносит, украдены у поэтов другого мира. Но много платить она не могла. Дочь Змееглава была беднее, чем придворные дамы нового наместника. Поэтому Фенолио приходилось подрабатывать писцом на рынке. По этому поводу Розенкварц рассказывал всем, кто желал его слушать, как низко пал его хозяин. Но не обращать же внимание на писк этого прозрачного болвана! Пусть себе болтает! И пусть каждый вечер с требовательным видом кладет на письменный стол чистый лист пергамента – Фенолио навсегда отрекся от слов. Он не напишет больше ни единого – кроме тех, что крал у других, да еще сухого, безжизненного вздора, из которого состоят завещания, договоры купли-продажи и прочая ерунда. Время живых слов для него прошло. Они оказались коварными убийцами, кровавыми чернильно-черными чудовищами, приносящими одни несчастья. Больше он ни за что не станет им помогать. Стоило ему пройтись по опустелым улицам Омбры – и целой фляги вина не хватало, чтобы залить тоску, отнимавшую у него всякое желание жить с тех пор, как погибло войско Козимо.

Безусые юнцы и дряхлые старики, калеки и нищие да изредка бродячие торговцы, еще не прослышавшие о том, что в Омбре и медным грошом не разживешься, или жирные купцы, проворачивавшие дела с кровососами из замка – только их и встретишь теперь на прежде оживленных улицах Омбры. Женщины с опухшими от слез глазами, дети-безотцовщина, мужчины с той стороны леса, рассчитывавшие найти здесь молодую вдову или оставшуюся без хозяина мастерскую, и – солдаты. Да, солдат в Омбре было более чем достаточно. Они брали себе все, чего душа пожелает, – день за днем, ночь за ночью. Ни один дом не был от них в

безопасности. Официально это называлось «расплата за агрессию» – и возразить было нечего. Ведь войну и вправду развязал Козимо – самое прекрасное, самое невинное из созданий Фенолио (по замыслу, по крайней мере). И вот тело Козимо покоится в саркофаге, который Жирный Герцог заказал для своего сына, а мертвец с обгоревшим лицом, лежавший там раньше (скорее всего, настоящий Козимо), закопан на кладбище Омбры среди могил простого люда – на взгляд Фенолио, неплохое место, не такое одинокое, как склеп под замком. Хотя Минерва рассказывала, будто Виоланта каждый день спускается в подземелье – якобы для того, чтобы оплакивать покойного мужа, а на самом деле (такие, по крайней мере, ходили слухи) – чтобы встречаться со своими осведомителями. Говорили, что Уродине даже не приходится платить за шпионаж. Ненависть к Зяблику приводила к ней десятки людей. Еще бы. Достаточно посмотреть на него, этого надушенного палача с цыплячьей грудью, правителя милостью сестрино мужа. Стоило намалевать рожицу на яйцо – и она оказывалась удивительно похожей на Зяблика. И ведь Фенолио его не сочинял! Этого ублюдка его повесть породила вполне самостоятельно.

Первое, что Зяблик сделал в новой должности, – вывесил на воротах замка список наказаний, которые отныне будут применяться в Омбре за различные проступки, – с картинками, чтобы и те, кто не умели читать, поняли, что им угрожает. За одно – выколотый глаз, за другое – отрубленная рука, розги, позорный столб, клеймение каленым железом... Проходя мимо этого списка, Фенолио каждый раз отворачивался, а когда ему случалось идти с детьми Минервы через рыночную площадь, где приводилось в исполнение большинство наказаний, он прикрывал им глаза рукой (Иво, правда, всякий раз возмущался). Но крики они все равно слышали. К счастью, в обезлюдевшем городе почти некого было наказывать. Мужчины погибли, а из овдовевших женщин многие бежали, прихватив детей, подальше от Непроходимой Чащи, не защищавшей теперь Омбру от владыки по ту сторону леса – бессмертного Змееглава.

Да, отрицать не приходится – это была его идея, Фенолио. Правда, все настойчивее становились слухи, что Змееглаву мало радости от его бессмертия.

В дверь постучали. Кого там еще принесло? Ох, черт, память в последнее время совсем отшибло. Ну конечно. Куда подевалась дурацкая бумажка, которую принесла вчера ворона? Розенкварц чуть не помер со страху, когда она опустилась на подоконник. Мортимер собирается в Омбру! Сегодня! Но, кажется, он предлагал встретиться у ворот замка? Этот приход – полное безумие. На каждом углу развешаны портреты Перепела с обещанием награды за его голову. К счастью, опознать Мо по этим портретам невозможно – и тем не менее!

Стук раздался снова.

Розенкварц продолжал слизывать вино с пальца. Этот стеклянный балбес не годится даже в привратники. Вот Орфею небось не приходится самому открывать посетителям. Говорят, его новый телохранитель такого огромного роста, что пригибается, входя в городские ворота. Телохранитель! «Если я снова возьмусь писать, – подумал Фенолио, – то попрошу Мегги вычитать мне в привратники великана, посмотрим, что Баранья Башка на это скажет».

По двери нетерпеливо забарабанили.

– Да иду я, иду!

Нашаривая штаны, Фенолио споткнулся о пустые фляги. Как болят у него все кости! Проклятая старость! Ну почему он не сочинил повесть, где все оставались бы вечно молодыми? «Потому что это было бы смертельно скучно», – думал он, натянув одну шершавую штанину и путаясь во второй.

– Извини, Мортимер! – крикнул он. – Стеклянный человечек забыл меня разбудить!

Со стола послышалось ворчание Розенкварца, но голос, отозвавшийся из-за двери, принадлежал не Мортимеру, хотя звучал почти так же чарующе. Орфей! Помяни только черта... Что ему тут надо? Хочет пожаловаться, что Розенкварц за ним шпионит? «Уж если кому-то здесь пристало жаловаться, так мне, – думал Фенолио. – Ведь это мою историю он уродует и

грабит! Баранья Башка, Сырная Голова, Жаба Надутая, Барабашка...» – У Фенолио было для Орфея много прозвищ, одно лестней другого.

Мало, что ли, того, что Орфей без конца посылает к нему мальчишку? Теперь, значит, сам появился? Небось опять хочет забросать его сотнями идиотских вопросов. Сам виноват, Фенолио! Как часто он проклинал слова, которые написал тогда в шахте, поддавшись уговорам Мегги! *«И он позвал другого, помоложе, по имени Орфей – искусного в плетении словесной ткани, хотя и не достигшего еще такого мастерства, как сам Фенолио, – и решил научить его всему, что умел, как это делает в один прекрасный день всякий мастер. Какое-то время Орфей будет вместо него играть со словами, соблазнять и лгать, создавать и разрушать, прогонять и призывать обратно с их помощью, а Фенолио тем временем дожидется, чтобы усталость прошла, чтобы любовь к писательству снова пробудилась в нем, и тогда отошлет Орфея обратно в тот мир, откуда он его вызвал, чтобы Орфей свежими, нетронутыми словами поддержал жизнь в его истории».*

– Надо немедленно вписать его обратно! – Фенолио в сердцах пнул пустую флягу. – Сию же минуту!

– Вписать? Подумать только, я слышу слово «писать»! Ушам не верю... – насмешливо пропищал Розенкварц за его спиной.

Стеклянный человечек снова обрел свой нормальный цвет. Фенолио запустил в него сухой хлебной коркой, но промахнулся. Розенкварц сочувственно вздохнул.

– Фенолио! Открой, я знаю, что ты дома!

До чего же ненавистен ему этот голос! Засевает его мир словами, как сорной травой. Его, Фенолио, собственными словами!

– Нет меня дома! – пробурчал старик. – Для тебя меня никогда нет дома, Баранья Башка.

«Фенолио, а Смерть – мужчина или женщина? А Белые Женщины были когда-то людьми? Фенолио, ну как же я верну Сажерука, если ты даже самых простых законов этого мира объяснить не можешь?» Черт побери, да кто его просил возвращать Сажерука? Тот все равно бы погиб, останься история такой, как написал Фенолио. А что до «простых законов» – с каких пор жизнь и смерть стали простыми вещами? Откуда ему знать, тысяча чертей, как все это устроено в его или любом другом мире? Он никогда не задумывался о смерти или о том, что наступает потом. Зачем? Пока человек жив, его это не касается. А когда умер – тогда его, скорее всего, уже вообще ничто не касается.

– Конечно, он дома! Фенолио! – это был голос Минервы.

Проклятье, Баранья Башка догадался спросить квартирную хозяйку. Неплохо придумано. Нет, дураком Орфей не был, это уж точно.

Фенолио затолкал под кровать пустые фляги, натянул вторую штанину и отпер дверь.

– Ну вот! – Минерва окинула его неодобрительным взглядом с нечесаной головы до босых ног. – Я сказала гостю, что ты дома.

Какой понурый у нее вид! И какой измученный. Она теперь работала в замке на кухне. Фенолио попросил Виоланту пристроить ее туда. А поскольку Зяблик любил ночные пиры, Минерва часто приходила домой лишь под утро. В конце концов она просто умрет от изнеможения и бедные детишки останутся сиротами. Господи, какой ужас! Во что превратилась его чудесная Омбра!

– Фенолио! – Орфей вошел в комнату, отодвинув стоявшую в дверях Минерву.

На губах его играла омерзительно-невинная улыбка, которую он всегда использовал для маскировки.

И конечно, он принес с собой список – бесконечный список вопросов. Страшно представить, сколько стоит его одежда. Откуда такие деньги? Даже в зените своей придворной карьеры Фенолио не нашивал подобных нарядов. Ах да, он же вычитывает клады...

Минерва молча пошла вниз по крутой лестнице, а за спиной Орфея вырос громила, который, даже пригнув голову, задевал макушкой притолоку. А, знаменитый телохранитель. Скромная каморка Фенолио словно стала еще меньше, когда в нее вдвинулась эта гора мышц. Зато Фарид занимал совсем немного места, хотя сыграл в этой истории очень заметную роль. Фарид, Ангел Смерти... Он следовал за своим хозяином с таким смущенным видом, словно стыдился общества, в котором оказался.

– Фенолио, мне очень неловко тебя беспокоить, – самоуверенная улыбка Орфея противоречила его словам, – но, боюсь, я обнаружил еще несколько неувязок.

«Неувязок!»

– Я уже посылал к тебе Фарида с этими вопросами, но на некоторые ты дал очень странные ответы.

Орфей с важным видом поправил очки и вынул из-под тяжелого бархатного плаща книгу. Да, Баранья Башка притащил с собой книгу Фенолио в тот мир, о котором она рассказывала, – «Чернильное сердце», последний уцелевший экземпляр. И что же, вернул он автору его сочинение? Ничуть не бывало. «Мне очень жаль, Фенолио, – заявил он с великолепно отработанной высокомерной миной (маску старательного ученика Орфей перестал носить очень быстро), – но эта книга – моя. Ты ведь не станешь всерьез утверждать, что автор является законным владельцем всех экземпляров написанной им книги?» Наглый молокосос! Как он смеет так разговаривать с ним, творцом всего вокруг, даже воздуха, которым он дышит?

– Опять будешь допрашивать меня про Смерть? – Фенолио сунул босые ноги в стоптанные сапоги. – Зачем? Чтобы морочить бедного мальчишку, который верит, что ты вернешь Сажерука от Белых Женщин, и ради этого позволяет себя эксплуатировать?

Фарид сжал зубы. Куница Сажерука сонно моргала у него на плече – или это был Прозаза?

– Что за чушь ты несешь! – В голосе Орфея звучала нескрываемая обида (он вообще легко обижался). – Можно подумать, мне трудно найти прислугу! У меня шесть служанок, телохранитель, кухарка и этот парень. Я в любой момент могу пополнить свой штат, стоит только захотеть. Ты прекрасно знаешь, что я хочу вернуть Сажерука вовсе не ради мальчишки. Просто он нужен в этой повести. Без него она и вполтину не так хороша: растение без цветов, небо без звезд...

– Лес без деревьев?

Орфей покраснел как маков цвет. Ах, как же приятно было его высмеивать – одно из немногих удовольствий, еще остававшихся у Фенолио.

– Ты пьян, старик! – рявкнул Орфей.

Его голос не всегда звучал мелодично.

– Пьян я или нет, а в словах понимаю по-прежнему в сто раз больше тебя. Ты-то умеешь только перелицовывать готовое платье! Там распорол, тут отрезал, сюда притащил, как будто книга – старый пиджак! И нечего мне рассказывать, как нужен Сажерук в этой истории. Ты, может быть, помнишь, что у меня он погибал раньше и поэтому не мог добровольно отправиться к Белым Женщинам. Кем ты себя вообразил, чтобы являться сюда и поучать меня о моей же повести? Взгляни лучше на это безобразие! – Фенолио в ярости показал на переливающееся всеми цветами радуги гнездо фей над своей кроватью. – Разноцветные феи! С тех пор как они выстроили свое омерзительное гнездо у меня над кроватью, мне снятся по ночам кошмары! И к тому же они воруют у синекожих запасы корма!

– Ну и что? – Орфей пожал пухлыми плечами. – Зато красиво! Мне просто показалось скучно, что они все синие.

– Ах вот как, скучно тебе показалось! – Фенолио заорал так, что разноцветная фея прекратила свой вечный щебет и высунулась из безвкусного гнезда. – Тогда напиши себе собственный мир! А мой оставь в покое, ясно тебе? Этот мир мой! И мне надоело смотреть, как

ты его поганишь! Я, конечно, совершил в жизни немало ошибок, но ни одна и в сравнение не идет с тем, что я натворил, выписав тебя сюда!

Орфей со скучающим видом рассматривал свои ногти. Они у него были обкусаны до мяса.

– Не могу я больше это слушать, – сказал он угрожающе тихим голосом. – Всю эту чушь про «я тебя сюда выписал, она тебя сюда вычитала». Единственный человек, который здесь сейчас пишет и вычитывает, – я. Тебе, старик, слова давно уже не повинуются, и ты это знаешь.

– Ничего, мы с ними еще помиримся! И первое, что я напишу, будет обратный билет для тебя!

– Ах вот как? И кто же прочтет эти замечательные слова? Насколько я знаю, тебе, в отличие от меня, нужен чтец.

– Ну и что? – Фенолио подошел к Орфею так близко, что тот недовольно заморгал дальнотзорными глазами. – Я попрошу Мортимера! Его не зря называют Волшебным Языком, хотя сейчас он носит другое имя. Спроси Фарида! Если бы не Мортимер, он бы и сейчас еще сгребал верблюжий навоз в своей пустыне...

– Мортимер! – Орфею с трудом удалось изобразить презрительную усмешку. – Ты, видно, совсем потопил мозги в вине и не знаешь, что происходит в твоём мире.

Мортимер уже не читает. Переплетчик превратился в разбойника, и эту роль скроил для него ты.

Телохранитель странно хрюкнул – возможно, это был смех. До чего отвратительный тип, интересно, кто его написал – Орфей или сам Фенолио? Старик несколько секунд с раздражением глядел на Дуботряса, а потом снова повернулся к Орфею.

– Я не кроил для него эту роль, – сказал он. – Как раз наоборот: я использовал Мортимера как лекало для этой роли... Но играет он ее отлично, судя по слухам. Только это не значит, что у Перепела нет больше волшебного языка. К тому же у него очень способная дочь.

Орфей снова уставился на свои ногти, а его телохранитель тем временем пожирал остатки завтрака Фенолио.

– Вот как? И ты знаешь, где он? – спросил он как бы невзначай.

– Конечно. Он собирается прийти... – Фенолио внезапно смолк, потому что мальчишка шагнул к нему и зажал ему рот ладонью.

Мальчишка... И почему Фенолио никак не может запомнить его имя? «Старческий склероз», – ответил он себе.

– Никто не знает, где скрывается Перепел! – Угольно-черные глаза смотрели на Фенолио со жгучим упреком. – Никто!

Разумеется. Болван. Забыл, что ли, что Орфей желтеет от зависти, стоит упомянуть имя Мортимера, и что он свой человек при дворе Зяблика? Фенолио хотелось откусить себе язык.

Орфей улыбнулся:

– Не смотри на меня с таким испугом, старик! Переплетчик, стало быть, решил посетить Омбру. Какое нахальство! Видно, хочет показать, что в песнях поют правду о его безумной храбрости. Что ж, пусть покрасуется, прежде чем его повесят. Потому что именно такой конец его ждет. Как и всех безумно храбрых героев. Уж мы-то с тобой это знаем, правда? Не волнуйся, я не собираюсь выдавать его палачам. Это сделают другие. А я хотел только расспросить его о Белых Женщинах. Не так много людей, которые встречались с ними и остались живы, поэтому я с удовольствием бы с ним побеседовал. О таких выживших ходят весьма интересные рассказы.

– Я ему передам, если будет случай, – сказал Фенолио резко, – но что-то мне не верится, что он станет с тобой разговаривать. Ведь он познакомился с Белыми Женщинами только потому, что ты так услужливо отправил его под пулю Мртолы... Розенкварц! – Фенолио изоб-

разил гордую поступь, насколько позволяли стоптанные сапоги. – Я уйду по делам. Проводи наших гостей, но держись подальше от куницы!

Фенолио сбегал по крутой лестнице почти так же торопливо, как в тот день, когда к нему появился Баста. Мортимер наверняка уже ждет его у ворот замка! Что, если Орфей пойдет к Зяблику докладывать об услышанном и увидит его там?

На середине лестницы его догнал мальчишка. Фарид. Ну конечно. Его зовут Фарид. Склероз, что поделаешь.

– Волшебный Язык правда сюда собирается? – шепотом спросил он. – Не бойся! Орфей его не выдаст. Пока. Но в Омбре для него все равно слишком опасно. Он придет с Мегги?

– Фарид! – Орфей глядел на них сверху, словно был повелителем этого мира. – Если старый дурак не передаст Мортимеру того, о чем я просил, сделай это за него. Ясно?

«Старый дурак, – повторил про себя Фенолио. – О боги книг, верните мне власть над словами, чтобы я мог наконец убрать эту чертову Баранью Башку из моей повести!»

Он хотел достойно ответить Орфею, но слова опять вышли из повиновения, а Фарид уже нетерпеливо тащил его за собой.

Печальная Омбра

«Придворные звали меня Счастливым Принцем. О! Если удовольствия могут принести счастье, как я был счастлив! А потом я умер. И сейчас они поставили меня так высоко, что я вижу всю скорбь и всю нищету моего города. И хоть сердце у меня теперь оловянное, я не могу не плакать».⁵

Оскар Уайльд. Счастливый принц

Фарид рассказывал Мегги, как трудно теперь попасть в Омбру, и она передала Мо его слова: «Стражники теперь не те безобидные дураки, что стояли там раньше. Подумай заранее, что им ответить на вопрос, зачем ты идешь в город. Чего бы они ни потребовали, веди себя смиренно и покорно. Обыскивают редко. Если повезет, могут просто кивнуть – проходи, мол».

Им не повезло. Стражники остановили их. Мегги мучительно напряглась, когда один из солдат жестом велел Мо спешиться и потребовал предъявить образчик его ремесла. Пока стражник разглядывал книгу, переплетенную из рисунков Резы, Мегги со страхом вглядывалась в полускрытое шлемом лицо, пытаясь угадать, не встречались ли они в замке Змееглава. А что, если солдат обнаружит нож, спрятанный в поясе Мо? За один этот нож его могли убить. В Омбре носить оружие разрешалось только оккупантам. Но Баптиста сшил пояс так умело, что даже опытные руки стражника не нащупали ничего подозрительного.

«Хорошо, что у Мо есть нож», – думала Мегги, когда через окованные железом ворота они въезжали мимо выставленных копий стражи в город, находившийся теперь под властью Змееглава.

Мегги не была в Омбре с тех пор, как отправилась с Сажеруком в тайный лагерь комедиантов. Казалось, прошла вечность с тех пор, как она бежала по этим улицам с письмом Резы, извещавшим, что Мортولا стреляла в ее отца. На мгновение она уткнулась лицом в спину Мо, охваченная счастьем от того, что он снова с ней, живой, здоровый, и что она наконец покажет ему то, о чем столько рассказывала: мастерскую Бальбулуса и библиотеку Жирного Герцога. На этот чудесный миг она забыла о страхе, словно Чернильный мир принадлежал сейчас только им двоим.

Омбра нравилась Мо. Мегги видела это по его лицу, по тому, как он смотрел вокруг, придерживая коня, внимательно оглядывая улицу за улицей. Конечно, захватчики искалечили город, но красота, вложенная строителями в порталы, колонны и арки, осталась на месте. Ее нельзя было увезти с собой, а разбитая на куски, она теряла всякую ценность. Поэтому под окнами и балконами Омбры по-прежнему цвели каменные цветы, по колоннам и карнизам висел каменный плющ, а на стенах из светлого песчаника гротескные маски высывали языки из странно перекошенных ртов и плакали каменными слезами.

Лишь герб Жирного Герцога был повсюду разбит, и льва можно было угадать только по остаткам гривы.

– Вон та улица справа ведет к рыночной площади, – шепнула Мегги, и Мо кивнул, словно во сне.

Похоже, пока они скакали по городу, в его ушах звучали слова, описывающие то, что он видел теперь своими глазами. Мегги слышала о Чернильном мире только от матери, а Мо без конца читал и перечитывал книгу Фенолио все те годы, что пытался отыскать в ее словах Резу.

– Все так, как ты себе представлял? – тихо спросила Мегги.

– Да, – так же тихо отозвался Мо. – Так – и не так.

⁵ Перевод П. Сергеева и Г. Нуждина.

На рыночной площади толпился народ, словно в мирные времена Жирного Герцога, только теперь в этой толпе почти не было мужчин. И комедианты снова были тут. Да, шурин Змееглава открыл бродячим артистам доступ в город. Правда, ходили слухи, что пускали на самом деле только тех, кто соглашался шпионить для Зяблика.

Мо осторожно объехал кучку детей. Детей в Омбре было много, только отцы их погибли.

Мегги увидела над детскими головками вращающийся факел, потом второй, третий... Искры гасли в прохладном воздухе. «Фарид?» – подумала она, хотя знала, что после смерти Сажерука он не выступает больше с огненными фокусами. Но тут Мо поспешно натянул на лицо капюшон, и взгляд Мегги натолкнулся на жирно смазанное лицо с неизменной сияющей улыбкой.

Коптемаз.

Мегги ухватила за плащ Мо, но отец ехал себе дальше, будто и не заметил человека, который однажды уже выдал его. Дюжина комедиантов, если не больше, заплатила жизнью за то, что Коптемаз знал об их тайном лагере, и Мо едва не оказался в числе жертв. Всей Омбре было известно, что Коптемаз – свой человек во Дворце Ночи, который за свое предательство получил немало денег лично от Свистуна, и что теперь он в отличных отношениях также и с Зябликом; и все же он стоял, улыбаясь, посреди рыночной площади – единственный огненный жонглер в Омбре вне конкуренции, потому что Сажерук погиб, а Фарид не желал больше играть с огнем. Да, в Омбре и правда сменился хозяин. Для Мегги не могло быть более ясного свидетельства этому, чем лоснящееся жиром лицо Коптемаза с неестественной улыбкой. Говорят, алхимики Змееглава поделились с ним своими рецептами, и огонь, с которым он теперь выступал, был темный, коварный и убийственный, как порох, который Коптемаз в него подмешивал, потому что иначе пламя ему не подчинялось. Силач рассказывал Мегги, что дым от этой смеси действовал одуряюще и зрителям казалось, будто они видят перед собой величайшего из огненных жонглеров.

Как бы то ни было, дети Омбры хлопали в ладоши, хотя факелы не взлетали и на половину той высоты, что у Сажерука и Фариды. Представление позволяло на время забыть печальные глаза матерей и тяжелый труд, ожидавший дома.

– Мо! – Мегги поспешно отвернулась, когда Коптемаз посмотрел в их сторону. – Давай повернем обратно, пожалуйста! Вдруг он тебя узнает?

Тогда ворота Омбры захлопнутся. И их будут гонять по улицам, как попавшихся в ловушку крыс!

Но Мо чуть заметно покачал головой и придержал коня за одним из рыночных лотков.

– Не волнуйся. Коптемазу сейчас не до того – он боится обжечь свое красивое лицо, – прошептал он Мегги. – Но давай-ка спешимся. Так мы будем меньше бросаться в глаза.

Лошадь заробела, когда Мо повел ее через толпу, но он успокоил ее тихими уговорами. Мегги увидела за лотками жонглера, который раньше считался человеком Черного Принца. Многие комедианты сменили хозяина, когда выяснилось, что Зяблик готов платить. И они вовсе не считали, что наступили плохие времена. Торговцы на рынке тоже получали хорошие барыши. Для вдов Омбры разложенные на прилавках товары были недоступны, зато Зяблик и его друзья с удовольствием покупали драгоценные ткани, расплачиваясь тем, что сумели выжать из захваченного города: украшениями, оружием и разнообразными предметами роскоши, названия которых не знал, наверное, и сам Фенолио. Здесь можно было купить даже лошадей... Мо с любопытством осматривался в пестрой толпе, как будто тут и не было никакого Коптемаза.

Казалось, он хочет разглядеть каждое лицо в рыночной сутолоке, каждую диковинку, выставленную на продажу; но вот его взгляд сосредоточился на башнях, видневшихся за черепичными крышами, и сердце Мегги сжалось. Он не раздумал идти в замок, и Мегги сейчас проклинала себя за то, что рассказала ему о Бальбулусе и его искусстве.

На глаза им попало объявление о награде за голову Перепела. У Мегги перехватило дух, но Мо лишь посмотрел насмешливо на неумелый портрет и пригладил свои темные, остриженные как у крестьянина волосы.

Что, если тут окажется кто-нибудь из солдат, охранявших его во Дворце Ночи? Вон тот, кажется, внимательно смотрит на них. А комедиантка слева – ведь это, похоже, одна из тех женщин, что вышли вместе с ними из застенков Змееглава. «Пойдем скорее, Мо», – думала она и хотела уже потянуть его за собой в какой-нибудь проулок, под какую-нибудь арку – лишь бы скрыться от всех этих глаз. Двое детей схватились за ее юбку и протянули грязные ладошки, выклянчивая подавание. Мегги беспомощно улыбнулась им. Денег у нее при себе не было. Какой у них голодный вид! Через толпу протиснулся солдат и грубо оттолкнул попрошайничавших детей. «Скорее бы оказаться у Бальбулуса!» – подумала Мегги, и тут Мо так резко остановился, что она налетела на него.

Рядом со столом цирюльника, во всю глотку расхваливавшего свои чудодейственные умения, стайка мальчишек глазела на позорный столб. Там стояла женщина, ее руки и голова были зажаты деревянными тисками, так что она была беспомощна, как тряпичная кукла. На ее лицо налили гнилые овощи, навоз и прочая дрянь, которую дети насобирали между лотками. Мегги такое уже видела, когда ходила по городу с Фенолио, зато Мо застыл, словно забыл, зачем приехал в Омбру. Он стал едва ли не бледнее самой женщины, на лице которой слезы рисовали грязные подтеки, и на мгновение Мегги испугалась, что он сейчас схватится за нож, спрятанный в поясе.

– Мо! – Она схватила отца за рукав и скорее потащила прочь, подальше от gazeющих детей, которые уже начали на него оборачиваться, на улицу, ведущую к замку.

– Ты такое уже видела?

Как он на нее смотрит! Как будто не может поверить, что она способна с этим смириться. Этот взгляд смутил Мегги.

– Да, – пристыженно ответила она. – Да, несколько раз. Позорный столб был и при Жирном Герцогe.

Мо по-прежнему смотрел на нее во все глаза.

– Только не говори мне, что к этому зрелищу можно привыкнуть.

Мегги опустила голову. Можно. К сожалению, можно.

Мо жадно втянул воздух, как будто не мог продохнуть все время, что глядел на заплаканную женщину. И молча зашагал дальше. Он не произнес ни слова до самого замка.

Перед воротами стоял еще один позорный столб. У мальчика, привязанного там, сидели на голой коже огненные эльфы. Мо сунул Мегги поводья и шагнул к столбу, прежде чем дочь сумела его удержать. Не обращая внимания ни на стражу, глядевшую от ворот, ни на проходивших мимо женщин, испуганно отворачивавших головы, он согнал огненных эльфов с худых детских рук. Мальчик удивленно смотрел на него. Его лицо ничего не выражало, кроме страха – страха и стыда. И Мегги вспомнила, что рассказывал ей Фарид – будто Сажерук и Черный Принц когда-то бок о бок стояли у позорного столба и лет им было тогда не больше, чем этому мальчишке, с таким страхом глядевшему на своего защитника.

– Мортимер!

В первую минуту Мегги не узнала старика, оттащившего Мо от позорного столба. Седые волосы падали Фенолио почти до плеч, глаза были налиты кровью, лицо заросло щетиной. Он выглядел дряхлым. Никогда прежде Мегги не задумывалась о возрасте Фенолио, но сейчас она не могла думать ни о чем другом.

– Ты что, с ума сошел! – негромко, но яростно крикнул он ее отцу. – Привет, Мегги, – добавил он рассеянно.

И тут кровь бросилась Мегги в лицо – за спиной Фенолио она увидела Фариду.

Фарид.

«Сделай холодный вид! – приказала себе Мегги, но губы неудержимо улыбались. – Никаких улыбок!» – думала она, а глаза так и сияли. Видеть его было таким счастьем! На плече у него сидел Пролаза, сонно подергивая хвостом.

– Привет, Мегги! Как дела? – Фарид погладил куницу.

Двенадцать дней. Двенадцать дней он не давал о себе знать. Мегги поклялась не разговаривать с ним при встрече. Но сердиться на Фариду оказалось невозможно. Вид у него был по-прежнему понурый. Куда девался смех, прежде неотделимый от его лица, как яркие черные глаза? Он тоже улыбнулся, здороваясь с Мегги, но эта улыбка была лишь бледной тенью прежней.

– Я все время хотел пойти к тебе, но Орфей меня не отпускал!

Он говорил почти машинально. Его интересовал сейчас только ее отец. Перепел.

Фенолио тащил Мо за собой, подальше от позорного столба, подальше от солдат. Мегги поспешила за ними. Лошадь тревожно зафыркала, но Фарид успокоил ее. Сажерук научил его разговаривать с животными.

«Вот он идет совсем рядом – и так далеко», – думала Мегги.

– Ты что? – Фенолио все еще крепко держал Мо, словно боялся, что тот снова рванется к позорному столбу. – Хочешь, чтобы стража и тебя туда привязала? Не дожدهшься! Тебя они сразу проткнут копьем.

– Это же огненные эльфы! Они прожигают кожу насквозь! – Голос у Мо был хриплый от ярости.

– Спасибо, что объяснил! Как будто не я их придумал, этих тварей. Ничего, мальчик от этого не умрет. Наверное, это воришка, и больше я не желаю о нем слышать.

Мо высвободился и резко повернулся к старику спиной, словно опасаясь не сдержаться и ударить его. Он смотрел на стражников, их оружие, стены замка и позорный столб, как будто искал способа мгновенно уничтожить все это. «Не смотри на стражников, Мо!» – мысленно умоляла Мегги. Это было первое, чему научил ее здесь Фенолио: никогда не смотри прямо в лицо солдату, рыцарю, вельможе – никому из тех, кто в этом мире имеет право носить оружие.

– Волшебный Язык, хочешь, я сделаю так, что эльфы перестанут на него садиться? – встрял Фарид между Мо и Фенолио.

Пролаза зашипел на старика, как будто учуял в нем причину всего зла, творившегося в мире. А Фарид, не дожидаясь ответа, побежал к позорному столбу, где эльфы уже снова облепили полураздетого мальчишку. Он щелкнул пальцами, и в воздух взметнулись искры. Они опускались на блестящие крылышки эльфов, больно обжигая их, так что крошечные кусаки с яростным жужжанием вспорхнули и роем полетели прочь. Один из стражников схватился за копье, но тут Фарид легким движением нарисовал на стене замка огненного василиска. Стражники оторопело уставились на пылающий герб своего господина, а Фарид отвесил им изящный поклон и неторопливой походкой двинулся обратно к Мо.

– Безрассудное ухарство, дружок! – неодобрительно сказал Фенолио, но Фарид не обращал на него внимания.

– Зачем ты пришел сюда, Волшебный Язык? – спросил он тихо. – Это опасно!

Но глаза у него блестели. Фарид любил опасные приключения и любил Мо за то, что тот сделался Перепелом.

– Тут есть несколько книг, на которые я хочу взглянуть.

– Книг? – Фарид посмотрел на него с таким недоумением, что Мо невольно улыбнулся.

– Да, книг. Особенных книг.

Мо поднял глаза к самой высокой башне замка. Мегги подробно описала ему, где находится мастерская Бальбулуса.

– Что подельывает Орфей? – Мо покосился в сторону стражи. Солдаты рылись в подводе мясника и, похоже, сами не знали, что они там ищут. – Он, я слышал, все богатеет и богатеет.

– Уж это точно! – Фарид тихонько погладил Мегги по спине.

В присутствии Мо он старался обходиться незаметными нежностями. Фарид очень уважал отцов. Но от Мо, конечно, не укрылось, как Мегги покраснела.

– Богатеть-то он богатеет, а для Сажерука так ничего и не написал. В голове у него одни клады и всякая невидаль, которую можно продать Зяблику: рогатые кабаны, золотые левретки, крылатые пауки, лиственные человечки...

– Крылатые пауки? Лиственные человечки? – Фенолио с ужасом посмотрел на Фариду, но тот не обращал на него внимания.

– Орфей хочет с тобой поговорить, – сказал он на ухо Мо, – о Белых Женщинах. Не отказывай ему! Пожалуйста! Может быть, то, что ты знаешь, и правда поможет ему вернуть Сажерука!

Мегги увидела сочувствие на лице Мо. Как и она сама, отец не верил, что Сажерука можно вернуть.

– Глупости, – сказал он, невольно потрогав место, куда попала пуля Мортолы. – Я ничего не знаю. Только то, что знают все.

Стражники пропустили мясника, и один из них глядел теперь в сторону Мо. На стене замка все еще пылал василиск, нарисованный Фаридом.

Мо повернулся спиной к солдатам.

– Слушай, – еле слышно сказал он Мегги, – я не должен был тебя сюда приводить. Пожалуйста, останься с Фаридом, пока я схожу в замок. Он проводит тебя к Роксане, а я приду прямо туда за тобой и Резой.

Фарид обнял Мегги за плечи.

– Конечно иди! Я за ней присмотрю.

Мегги сердито сбросила его руку. Ей неприятно было отпускать Мо одного, хотя в глубине души ужасно хотелось остаться с Фаридом. Она так по нему скучала.

– Присмотришь? Кто тебя просит за мной присматривать? – спросила она резче, чем сама хотела.

Какой душой делаешься, когда влюбишься!

– В присмотре Мегги не нуждается, это правда. – Мо мягко вынул у нее из рук поводья. – Мне кажется, она чаще присматривала за мной, чем я за ней. Я скоро вернусь, – сказал он дочери. – Обещаю. Маме ни слова, ладно?

Мегги молча кивнула.

– Не волнуйся! – заговорщически шепнул Мо. – В песнях говорится, что Перепела всегда сопровождает его красавица-дочь. Поэтому без тебя я буду вызывать гораздо меньше подозрений.

– Песни лгут! – прошептала Мегги в ответ. – У Перепела нет никакой дочери. Он не отец. Он разбойник.

Несколько секунд Мо пристально смотрел на нее, а потом поцеловал в лоб, словно желая стереть то, что она сказала. И пошел за торопившим его Фенолио к воротам замка.

Мегги не отрываясь смотрела ему вслед. Вот он остановился возле стражи. В черной одежде Мо выглядел как настоящий мастер из далекой страны, проделавший долгий путь, чтобы заключить в достойную оправу миниатюры знаменитого Бальбулуса. Кому какое дело, что по пути переплетчик превратился в разбойника?

Не успел Мо повернуться спиной, Фарид взял Мегги за руку.

– Отец у тебя храбрый, как лев! – прошептал он. – Но, по-моему, немного не в своем уме. Будь я Перепелом, я бы ни за что не пошел в эти ворота, тем более ради каких-то книг!

– Ты не понимаешь! – тихо ответила Мегги. – Ни за чем другим он бы туда не пошел – только ради книг!

Тут она ошибалась, но это ей предстояло узнать позже.

Солдаты пропустили поэта и переплетчика. Мо в последний раз оглянулся на Мегги и исчез в воротах, под опускающей решеткой с двумя десятками грозных, острых как копья наконечников. С тех пор как в замке поселился Зяблик, решетку опускали с наступлением темноты или по сигналу набатного колокола. Мегги однажды слышала эти звуки и теперь невольно ждала, что они раздадутся снова, как только Мо исчезнет за мощными стенами: звон колокола, бряцание цепей, державших решетку, стук железных наконечников...

– Мегги! – Фарид взял ее за подбородок и повернул лицом к себе. – Честное слово, я давно бы уже пришел к тебе, но днем Орфей не дает мне ни минуты продыху, а по ночам я пробираюсь в усадьбу Роксаны. Я знаю, она каждую ночь ходит туда, куда спрятала Сажерука. Но всякий раз она меня замечает, и мне не удастся ее выследить. Глупую гусыню еще можно подкупить булочкой с изюмом, но в хлеву меня кусает линкетто, а если и от него удастся увернуться, то Гвин тут как тут. Роксана его теперь даже в дом пускает, а ведь раньше кидала в него камнями!

О чем он говорит? Какое ей дело до Сажерука и Гвина? «Если ты по мне скучал, – крутилось у нее в голове, – то почему же не пришел хоть раз, вместо того чтобы пробираться к Роксане? Хотя бы раз». На это мог быть только один ответ. Он скучал по ней далеко не так сильно, как она по нему. Он любил Сажерука больше, чем ее. Даже теперь, когда Сажерук умер. И все же Мегги не отстранилась от его поцелуев. В нескольких шагах от них стоял у позорного столба мальчик, искусанный огненными эльфами. *«Только не говори мне, что к этому зрелищу можно привыкнуть...»*

Коптемаза Мегги заметила, когда он уже входил в ворота.

– Что там такое? – спросил Фарид, заметив, что она напряженно смотрит через его плечо. – А, Коптемаз. Ну да. Он свой человек в замке. Грязный предатель! Каждый раз, как я его вижу, мне хочется перерезать ему глотку!

– Нужно предупредить Мо!

Стражники пропустили огнеглотателя, как старого знакомого. Мегги шагнула было в их сторону, но Фарид удержал ее.

– Куда ты? Твоего отца он не увидит! Замок большой, а Волшебный Язык пошел к Бальбулусу. Вот уж там Коптемазу точно нечего делать! У него три любовницы среди придворных дам, к ним он и идет, если только его не перехватит Якопо. Коптемаз должен устраивать ему представления по два раза на дню, хотя он по-прежнему плохой огнеглотатель, что бы там ни рассказывали о нем и его порошках. Жалкий доносчик! Я и правда не понимаю, почему Черный Принц до сих пор его не прирезал – или твой отец. Что ты на меня так смотришь? – спросил он, видя ошеломленный взгляд Мегги. – Волшебный Язык ведь своими руками прикончил Басту! Правда, я этого не видел...

Фарид на мгновение отвел глаза, как всегда, когда ему случалось упомянуть о времени, когда он был мертв.

Мегги неотрывно смотрела на ворота замка. Ей слышался голос Мо: *«Да ладно тебе! Коптемаз видел меня в последний раз полумертвым. Кроме того, для него было бы лучше со мной не встречаться – надеюсь, он это понимает...»*

Перепел.

«Прекрати называть его так! – сказала себе Мегги. – Прекрати, не смей!»

– Пойдем! – Фарид взял ее за руку. – Волшебный Язык сказал, чтобы я отвел тебя к Роксане. То-то она будет рада меня видеть! Но при тебе, наверное, будет держаться приветливо.

– Нет. – Мегги вырвалась, хотя так приятно было снова держаться с ним за руки. – Я останусь тут. И не сойду с места, пока Мо не выйдет.

Фарид вздохнул и закатил глаза: он слишком хорошо ее знал, чтобы возражать.

– Лучше не придумай! – сказал он тихо. – Насколько я знаю Волшебного Языка, он будет рассматривать эти чертовы книги целую вечность. Тогда давай хотя бы целоваться, а то стражники скоро заинтересуются, что это мы тут стоим.

Опасный визит

*И до сих пор не кончен спор о том:
Все ль предопределил Господь от века
Или свободна воля человека...⁶*

Джефффри Чосер. Кентерберийские рассказы

Смирение. Смирение и покорность. У Мо не было к этому способностей. «А в другом мире ты это замечал, Мортимер? – спрашивал он себя. – Опустить голову, держись не слишком прямо, дай им возможность посмотреть на тебя сверху вниз, хотя ты и выше ростом. Притворись, будто не видишь ничего противоестественного в том, что одни хозяйничают, а другие работают».

Это было нелегко.

– Так ты, значит, переплетчик, которого ждет Бальбулус, – сказал один из стражников, разглядывая его черный наряд. – А что это были за шуточки с мальчишкой? Тебе что, не нравятся наши позорные столбы?

Ниже голову, Мортимер! Давай-давай! Пусть видят, что ты их боишься. Забудь свою ярость, забудь мальчишку и его всхлипы.

– Больше этого не повторится.

– Конечно! Просто он не здешний! – поспешно вставил Фенолио. – Ему нужно привыкнуть к стилю правления нашего нового наместника. А сейчас, если можно, пропустите нас – Бальбулус очень не любит, когда опаздывают! – и, отвесив стражникам поклон, он потащил Мо за собой.

Замок Омбры... Как не забыть обо всем, ступив на широкий двор. Перед глазами Мо вставали одна за другой сцены из книги Фенолио, разыгравшиеся здесь.

– Уф, насилу ноги унесли! – прошептал старик, когда они ставили лошадь в конюшню. – Надеюсь, больше мне не придется напоминать: ты сейчас переплетчик! Попробуй еще раз сыграть в Перепела – и ты покойник. Проклятье, Мортимер, зря я согласился провести тебя сюда. Ты только посмотри, сколько тут солдат. Можно подумать, мы во Дворце Ночи!

– Нет, разница все же есть, уверяю тебя, – возразил Мо, стараясь не видеть голов на колах, выставленных на крепостной стене.

Среди этих страшных трофеев были двое людей Черного Принца, но он не узнал бы мертвых, если бы не слышал от Силача об их судьбе.

– Я представлял себе этот замок иначе, когда читал твою книгу! – тихо сказал он Фенолио.

– Не трави душу! – мрачно откликнулся Фенолио. – Сперва Козимо распорядился все тут перестроить, а теперь еще Зяблик руку приложил. Они посчищали со стен гнезда золотых пересмешников! А посмотри только на сараи, которые они тут нагородили для награбленного добра! Интересно, Змеглав уже заметил, что до Дворца Ночи доходит малая часть? Если да, то его шурина ждут крупные неприятности!

– Да, Зяблик здорово обнаглел. – Мо опустил голову при виде шедших навстречу конюхов – тоже вооруженных. «Если меня здесь узнают, нож не поможет!» – подумал он. – Мы пару раз перехватывали возы, отправлявшиеся во Дворец Ночи. Добыча была не ахти.

Фенолио уставился на него:

– Так ты и вправду!..

– Что?

⁶ Перевод И. Кашкина и О. Румера.

Старик тревожно оглянулся, но, кажется, за ними никто не следил.

– Ну... делаешь то, о чем поется в песнях! То есть эти песни, как правило, не бог весть что, но Перепел все же мой персонаж... Каково это – быть им? Что ты чувствуешь, играя эту роль?

Мимо прошла служанка с двумя зарезанными гусями. Кровь капала на землю. Мо отвернулся.

– Играя? Ты думаешь, это все еще игра?

Это прозвучало резче, чем ему хотелось.

Он сейчас дорого бы дал, чтобы прочесть мысли Фенолио. Кто знает, может быть, в один прекрасный день он и правда их прочтет – черным по белому на бумаге – и найдет там себя, опутанного коконом слов, будто муха в сети старого паука.

– Не спорю, игра стала рискованной, но я рад, что ты взял на себя эту роль. Ведь я был прав! Этому миру действительно нужен *Пе...*

Мо предостерегающе посмотрел на него. Мимо прошагали солдаты, и Фенолио не договорил имени, которое не так давно впервые написал на листе бумаги. Зато улыбка, с которой он посмотрел вслед вооруженным молодцам, была улыбкой человека, заложившего бомбу в доме своих врагов и наслаждающегося их неведением.

Опасный старик.

Мо заметил, что и внутренняя часть замка выглядит теперь не так, как было описано у Фенолио. Он тихо произнес знакомые слова: *«Этот сад разбила жена Жирного Герцога, устав жить среди серых камней. Она посадила здесь заморские цветы, чей аромат пробуждал мечты о дальних странах, незнакомых городах и горах, где живут драконы. Она развела златогрудых птичек, мерцавших в листве деревьев, словно оперенные плоды и раздобыла саженицев из самого сердца Непроходимой Чащи, чьи листья умели разговаривать с луной».*

Фенолио с удивлением посмотрел на него.

– Да, я помню твою книгу наизусть, – сказал Мо. – Ты ведь знаешь, сколько раз я прочел ее вслух, после того как твои слова заглотили мою жену.

Златогрудые птички исчезли с внутреннего двора. В каменный бассейн гляделась статуя Зяблика, а дерево, говорившее с луной, если такое и было на самом деле, давно срубили. На месте сада был теперь загон для собак, и охотничьи псы нового хозяина Омбры прижимали чуткие носы к посеребренной решетке. «Это давно уже не твоя повесть, старик», – думал Мо, шагая рядом с Фенолио по внутреннему двору. Но кто же тогда ее рассказывает? Орфей? Или рассказчиком стал теперь Змееглав, у которого вместо чернил и пера – кровь и железо?

К Бальбулусу их проводил Туллио – слуга с мохнатым лицом, о котором в книге Фенолио говорилось, что отец его был кобольд, а мать – кикимора.

– Как поживаешь? – спросил Фенолио, когда Туллио вел их по коридору.

Как будто старику когда-нибудь было дело до того, как поживают его создания!

Туллио пожал плечами.

– Они меня травят, – сказал он еле слышно. – Друзья нашего нового правителя. А друзей у него много. Они гоняют меня по коридорам, сажают в загон к собакам. Но Виоланта меня выручает. Она моя заступница, хотя сын ее – чуть ли не худший из них из всех.

– Ее сын? – шепотом переспросил Мо у Фенолио.

– Да, разве Мегги тебе не рассказывала? Якопо, настоящий дьяволенок. Весь в деда, хотя внешне все больше напоминает отца. О Козимо он не пролил ни одной слезинки. Хуже того: он, говорят, размалевал его статую в склепе красками Бальбулуса. По вечерам он сидит рядом с Зябликом или на коленях у Коптемаза и не хочет идти к матери. Ходят даже слухи, что он шпионит за ней по поручению деда.

Дверь, у которой наконец остановился Туллио, запыхавшись от подъема по бесконечной лестнице, тоже не упоминалась в книге Фенолио. Мо невольно протянул руку и потрогал буквы,

покрывавшие ее сплошным узором. «Они очень красивые, – рассказывала Мегги, когда они сидели в застенке Дворца Ночи, – и переплетаются, как будто написаны по дереву жидким серебром».

Туллио постучал в дверь мохнатым кулачком. Голос, ответивший «войдите», мог принадлежать только Бальбулусу. Холодный, самовлюбленный, высокомерный... Мегги описывала лучшего миниатюриста Чернильного мира далеко не лестными эпитетами. Туллио поднялся на цыпочки, взялся за ручку двери – и тут же испуганно выпустил ее.

– Туллио! – Голос, раздавшийся снизу, был совсем детским, но, похоже, его владелец привык отдавать приказы. – Туллио, куда ты запропастился! Иди держать факелы Коптемазу!

– Якопо! – Туллио пролепетал это имя, словно название заразной болезни.

Он весь съежился и невольно спрятался за спину Мо.

По лестнице взбегал мальчик лет шести-семи. Мо никогда не видал Козимо. Зяблик велел уничтожить все его статуи, но у Баптисты сохранилось несколько монет с портретом юного правителя. До того красив, что кажется ненастоящим, – так все о нем отзывались. Сын, похоже, унаследовал красоту отца, но она еще только начинала проступать на круглом детском лице. Лицо это не вызывало симпатии. Глаза глядели настороженно, а рот был сжат угрюмо, как у старика. Черная туника расшита серебряными змеями – геральдическим знаком деда, пряжка пояса тоже изображала змеиную голову, а с кожаного шнура вокруг шеи свисал серебряный нос – очевидно, подарок Свистуна.

Фенолио встревоженно посмотрел на Мо и шагнул вперед, словно желая защитить его от мальчишки.

«Иди держать факелы Коптемазу». Что теперь будет? Мо посмотрел с площадки вниз: Якопо пришел один, а замок большой. И все же рука сама скользнула к ножу, спрятанному в поясе.

– Это кто? – Детским в этом голосе было только упрямство. Якопо запыхался, взбегая по лестнице.

– Это... мм... наш новый переплетчик, ваше высочество! – ответил Фенолио с поклоном. – Вы, наверное, помните, что Бальбулус без конца жалуется на здешних неумех-переплетчиков.

– А этот, значит, лучше? – Якопо скрестил на груди короткие детские ручки. – Что-то он не похож на переплетчика. Переплетчики все старые и бледные, потому что никогда не выходят на воздух.

– Ну что вы, иногда все же выходим, – отозвался Мо. – Чтобы купить самую лучшую кожу, новые клейма или хорошие ножи, а еще, чтобы просушить на солнце отсыревший пергамент.

Трудно бояться такого карапуза, хотя Мо был наслышан о его зловредности. Якопо напомнил ему мальчишку, с которым он учился когда-то в одном классе. Бедняга был сыном директора школы и расхаживал по школьному двору с невероятно гордым видом – точная копия отца, – а сам смертельно боялся всех и каждого. «Хорошее наблюдение, Мортимер, – заметил он сам себе, – но то был сын директора школы, а это – внук Змееглава. Так что побегись».

Якопо нахмурился и неодобрительно посмотрел на него. Ему явно не нравилось, что Мо такой высокий.

– Ты не поклонился! Нужно кланяться, когда со мной разговариваешь!

Под предостерегающим взглядом Фенолио Мо наклонил голову.

– Да, ваше высочество.

Это было нелегко. Мо очень хотелось погонять Якопо по коридорам замка, как он когда-то делал с Мегги в доме Элинора, – просто чтобы увидеть, не проступит ли в нем ребенок, так тщательно скрытый за повадками деда.

Якопо ответил на поклон великодушным кивком, и Мо снова опустил голову, чтобы скрыть улыбку.

– У моего деда как раз неприятности с одной книгой, – заявил Якопо высокомерным тоном. – Большие неприятности. Может, ты сумеешь ему помочь?

Неприятности с книгой. У Мо на мгновение замерло сердце. Он словно увидел перед собой ту книгу, почувствовал пальцами ее бумагу. Гора пустых белых страниц...

– Мой дед уже перевешал уйму переплетчиков из-за этой книги. – Якопо внимательно посмотрел на Мо, словно прикидывая, какого размера должна быть петля, чтобы охватить его шею. – С одного он даже велел содрать кожу, потому что тот клялся, что сумеет ее восстановить. Может, теперь ты попробуешь? Только мы должны поехать во Дворец Ночи вместе, чтобы дед видел, что это я тебя нашел, а не Зяблик.

К счастью, Мо не пришлось отвечать. Украшенная буквами дверь отворилась, и на пороге показался разъяренный человек.

– Что здесь происходит? – закричал он на Туллио. – Сперва ко мне стучат, но никто не заходит. Потом за дверью начинается болтовня, так что я не могу сосредоточиться. Поскольку пришли, видимо, не ко мне, я был бы очень признателен всем собравшимся, если бы они продолжили свою беседу в другом месте. В замке более чем достаточно помещений, где никто не занят серьезной работой!

Бальбулус... Мегги очень похоже его описала. Легкая шепелявость, курносый нос, полные щеки, каштановые волосы, уже слегка поредевшие надо лбом, хотя он был еще молодым человеком. Миниатюрист, и, судя по работам, которые видел Мо, – один из лучших, как в этом, так и в другом мире. Мо забыл о Якопо и Фенолио, о позорном столбе и корчившемся на нем мальчишке, о солдатах внизу и о Коптемазе. Он думал только о том, что ждет его за этой дверью. От одного взгляда на мастерскую через плечо Бальбулуса сердце у него заколотилось, как у школьника. Так же сильно оно билось, когда он впервые держал в руках переписанную и украшенную Бальбулусом книгу, – тогда он был пленником во Дворце Ночи и находился на волосок от смерти. Искусство этого мастера заставило его забыть об этом. Буквы, выведенные с такой легкостью, словно письмо было самым естественным занятием для человеческих рук, и миниатюры... Пергамент жил и дышал.

– Я беседую, где и когда мне угодно! Я внук Змеглава! – Голос Якопо срывался на визг. – Я пойду сейчас к дяде и скажу, что ты снова ведешь себя нагло! Я потребую, чтобы он отобрал у тебя все твои кисточки!

Бросив на Бальбулуса грозный взгляд на прощание, он обернулся к остальным.

– Пойдем, Туллио! Не то я велю запереть тебя к собакам!

Маленький слуга втянул голову в плечи и шагнул к Якопо. Внук Змеглава еще раз смерил Мо оценивающим взглядом с головы до ног, повернулся и побежал вниз по лестнице – в этот момент он выглядел обычным ребенком, торопящимся на представление.

А Бальбулус нетерпеливым жестом уже приглашал нового переплетчика войти – разве мог Мо в такой момент думать о каком-то Коптемазе? Он был весь поглощен тем, что ему предстояло увидеть.

Сколько часов своей жизни он провел, разглядывая работы миниатюристов! Низко склоняясь над пожелтевшими, пятнистыми от старости страницами, прослеживал с помощью лупы каждое движение кисти, пока у него не начинала болеть спина, и спрашивал себя, как этим людям удавалось создавать на пергаменте такие чудеса, – все эти крошечные лица, фантастические существа, пейзажи, цветы, драконы, насекомые, так похожие на настоящих, что они, казалось, вот-вот сползут со страниц, буквы, сплетенные так искусно, будто составлявшие их линии сами собой вырастали на странице, как усики земляники.

Неужели все это лежит там, на пюпитрах?

Возможно. Но Бальбулус стоял, загораживая свою работу, словно не собирался никого к ней подпускать. Глаза у него были настолько лишены выражения, что Мо спрашивал себя: как может человек, глядящий на мир с таким равнодушием, создавать рисунки, исполненные энергии и огня?

– Чернильный Шелкопряд! – Бальбулус окинул Фенолио взглядом, казалось, мгновенно вобравшим все: щетину на щеках, налитые кровью глаза и усталость, овладевшую сердцем старика.

«Интересно, каким он меня видит?» – подумалось Мо.

– А вы, стало быть, тот самый переплетчик? – Бальбулус вглядывался в него так пристально, словно собирался перенести его образ на пергамент. – Фенолио рассказывает чудеса о вашем искусстве.

– В самом деле? – Мо отвечал рассеянно.

Он хотел наконец увидеть рисунки, но Бальбулус словно ненароком загораживал пюпитр. Что бы это значило? «Да покажи мне наконец свою работу! – думал Мо. – В конце концов, тебе должно быть лестно, что я пришел сюда, рискуя головой». Да, кисточки действительно невероятно тонкие. А там у него краски...

Фенолио толкнул его локтем в бок, и Мо неохотно оторвался от созерцания этих сокровищ и вновь взглянул в ничего не выражавшие глаза Бальбулуса.

– Извините. Да, я переплетчик, и вы, несомненно, хотите увидеть образчик моей работы. Правда, у меня в распоряжении не было достойного материала, но... – Он сунул руку под плащ, сшитый Баптистой (украсть столько черной ткани наверняка было нелегким делом).

Но Бальбулус в ответ покачал головой.

– Вам нет нужды доказывать свое умение, – сказал он, не спуская глаз с Мо. – Таддео, библиотекарь Дворца Ночи, рассказал мне во всех подробностях, как блестяще вы продемонстрировали там свое искусство.

Все пропало.

Он погиб.

Мо увидел испуганный взгляд Фенолио. Да, смотри на меня теперь! Может быть, у меня на лбу написано черными чернилами «легкомысленный идиот»?

Бальбулус улыбнулся. Улыбка у него была такая же непроницаемая, как глаза.

– Да, Таддео очень подробно рассказал мне о вас. – Он пришепetyвал в точности так, как изображала Мегги. – Вообще-то он сдержанный человек, но вам пел дифирамбы даже в письмах. И в самом деле, не многие из людей вашего ремесла умеют переплести в книгу саму смерть...

Фенолио так крепко ухватил Мо за локоть, что тот всем телом почувствовал страх, охвативший старика. Он что, воображает, что они могут сейчас просто взять и выйти из мастерской? Перед дверью уже наверняка стоит стража, а если нет, значит, солдаты дожидаются их у подножия лестницы. Как быстро привыкаешь к тому, что они могут появиться в любой момент, безнаказанно схватить тебя, увести с собой, запереть в тюрьму, убить.

Какие чудесные у Бальбулуса краски! Киноварь, сиена, умбра. Невероятно красивые. Красота, заманившая его в ловушку. Обычно птиц заманивают хлебом или вкусными семенами, а Перепелу приманкой служат рисунки и буквы.

– Не понимаю, о чем вы говорите, высокочтимый Бальбулус! – пролепетал Фенолио, не выпуская локоть Мо. – Библиотекарь... во Дворце Ночи? Нет, что вы, Мортимер никогда не работал по ту сторону Чащи. Он... он с севера...

До чего же старик не умел лгать. А казалось бы, сочинителю ложь должна даваться легко.

Ну а Мо и подавно этого не умел и потому молчал. И молча проклинал свое любопытство, нетерпение, легкомыслие... А Бальбулус все стоял и смотрел на него. «Как ты мог подумать, – спрашивал себя Мо, – что роль, подстергшая тебя в этом мире, перестанет быть твоей только

оттого, что вместо окровавленной рубашки ты наденешь новое черное платье? Как ты мог подумать, увязнув в этой истории по горло, что тебе удастся в замке Омбры на несколько часов снова стать переплетчиком Мортимером?»

– Ах, перестаньте, Чернильный Шелкопряд, – резко прервал Бальбулус Фенолио. – Неужели вы считаете меня полным идиотом? Конечно, я сразу понял по вашему рассказу, о ком идет речь. *«Настоящий мастер своего дела»*. Слова выдают порой куда больше, чем нам бы хотелось. Уж вам ли этого не знать?

Фенолио молчал. Мо нащупал в поясе нож. Это был подарок Черного Принца, когда они уходили со Змеиной горы. «Держи его всегда при себе, – сказал Принц, – даже когда ложишься спать». Мо последовал его совету, но что сейчас толку от ножа? Он не дойдет живым и до подножия лестницы. Кто знает, может быть, даже Якопо сразу догадался, кто перед ним, и тоже поднял тревогу. Идите сюда, скорее! Перепел сам залетел в клетку! «Прости, Мегги, – думал Мо. – Отец у тебя дурак. И ради этого ты выручала его из Дворца Ночи, чтобы он теперь попался в плен в другом замке?» Почему он ее не послушался, когда они увидели Коптемаза на рыночной площади?

Интересно, есть у Фенолио песня о страхе Перепела? Страх напал на него не перед битвой, о нет! Он приходил с мыслью об оковах, цепях, застенке, отчаянии за крепко запертыми дверьми. Вот как сейчас. Мо чувствовал вкус страха на языке, судороги в желудке, дрожь в коленях. Ну что ж, мастерская миниатюриста – самое подходящее место, где может погибнуть переплетчик. Но сейчас он снова был Перепелом – и разбойник проклинал переплетчика за легкомыслие.

– Знаете, что особенно поразило Таддео? – Бальбулус стер с рукава пятнышко охристого порошка, налипшего на синий бархат, словно цветочная пыльца. – Ваши руки. Ему казалось невероятным, что руки, привыкшие убивать, могут так бережно прикасаться к книжным страницам. У вас действительно очень красивые руки. Не то, что у меня. Взгляните! – Бальбулус растопырил пальцы и с отвращением посмотрел на них. – Руки крестьянина. Мясистые, грубые. Хотите взглянуть, на что они тем не менее способны? – И он отступил в сторону с приглашающим жестом, как фокусник, отдергивающий занавес.

Фенолио попытался удержать Мо, но, раз уж он попался в ловушку, надо хотя бы отведать приманки, которая будет стоять ему головы.

И вот они перед ним, иллюминированные страницы, еще прекраснее тех, что он видел во Дворце Ночи. На одной из них Бальбулус разукрасил свой инициал. «Б» растянулось по пергаменту, одетое в золото и темную зелень, а в его закруглении примостилось гнездо огненных эльфов. На соседней странице листья и цветы вились вокруг рисунка размером чуть меньше игровой карты. Мо проследил глазами их извивы и увидел тычинки, пестики, странные плоды, огненных эльфов и крошечных существ, которым не мог подобрать имени. На рисунке, заключенном в эту искусную рамку, были изображены двое мужчин в окружении фей. Они стояли на фоне деревни, за ними теснилась толпа в лохмотьях. Один был черный и рядом с ним стоял медведь, на другом была птичья маска, а в руке он держал переплетный нож.

– Черная и белая рука Справедливости. Принц и Перепел. – Бальбулус смотрел на свое произведение с нескрываемой гордостью. – Мне, наверное, придется кое-что изменить. Вы еще выше, чем я думал, и осанка... Впрочем, что я такое говорю? Вы, наверное, вовсе не заинтересованы в том, чтобы этот рисунок изображал вас очень уж точно, хотя он предназначен, конечно, только для глаз Виоланты. Наш новый наместник, безусловно, его не увидит, поскольку ему, к счастью, нет никакой нужды карабкаться сюда по крутой лестнице. Для Зяблика ценность книги определяется количеством бочонков вина, которые можно за нее сторговать. И если Виоланта недостаточно хорошо спрячет этот лист, его скоро, как и все прочие творения моих рук, обменяют на эти самые бочонки или на очередной припудренный сереб-

ром парик. Зяблику повезло, что я – художник Бальбулус, а не Перепел, а то я пустил бы его надушенную кожу на пергамент.

Ненависть в голосе Бальбулуса была черна, как ночь на его рисунках, и на мгновение Мо увидел в непроницаемых глазах огонь, позволявший художнику создавать шедевры.

На лестнице раздались тяжелые, размеренные шаги, которые Мо так часто слышал во Дворце Ночи. Солдатские шаги.

– Какая жалость! Я с огромным удовольствием побеседовал бы с вами подольше! – вздохнул Бальбулус, когда дверь распахнулась. – Но боюсь, в этом замке вас желают видеть особы куда более высокого ранга.

Фенолио в отчаянии смотрел, как солдаты уводят Мо.

– Вы свободны, Чернильный Шелкопряд, – сказал Бальбулус.

– Но это... это ужасное недоразумение! – Фенолио очень старался скрыть страх, но его попытки не могли обмануть даже Мо.

– Наверное, вам не стоило так подробно описывать его в своих песнях, – заметил Бальбулус скучающим тоном. – Насколько мне известно, один раз это уже навлекло на него беду. А вот на моих рисунках, прошу заметить, он всегда в маске!

Мо слышал протесты Фенолио до последней ступени бесконечной лестницы. Реза! Нет, за нее он может сейчас не беспокоиться. У Роксаны, под охраной Силача, ей пока ничего не грозит. А Мегги? Успели они с Фаридом добраться до Роксаны? Черный Принц позаботится о его жене и дочери. Он это много раз обещал. Кто знает, может быть, они даже сумеют выбраться обратно, к Элино, в старый дом, по самую крышу набитый книгами, в мир, где плоть создана не из букв. Хотя...

Где будет к этому времени он сам, Мо старался не думать. Он знал лишь одно: разбойник и переплетчик погибнут одной смертью.

Горе Роксаны

«Надежда! – горько сказал Рован Хит. – Я уже научился обходиться без нее».

Пол Стюарт. Полночь над Сантафраксом

Реза часто ездила к Роксане, хотя путь был не близкий, а дороги в окрестностях Омбры с каждым днем становились опаснее. На Силача можно было положиться, и Мо не удерживал жену: он помнил, сколько лет она справлялась в этом мире одна, без него и без Силача.

Реза подружилась с Роксаной, когда они вместе ухаживали за ранеными в шахте под Змеиной горой, а долгий путь с мертвым телом через Непроходимую Чашу сблизил их еще больше. Роксана не спрашивала, почему в ту ночь, когда Сажерук заключил сделку с Белыми Женщинами, Реза плакала почти так же горько, как она сама. Их дружба покоилась не на словах, а на том общем для обеих, что не вмещалось в слова.

Кто, как не Реза, шел ночью к Роксане, услышав, что она плачет, прикорнув за деревьями, подальше от остальных. Реза обнимала и утешала ее, хотя знала, что для горя подруги нет утешения. Она не рассказывала Роксане о том дне, когда Мртола выстрелила в Мо и оставила ее одну со страшным чувством, что он ушел навсегда. Но ведь он остался жив, хотя несколько страшных мгновений она была уверена в обратном. А потом, сидя в темной пещере и охлаждая холодными примочками его раскаленный лоб, Реза успела вообразить себе, каково это будет: знать, что никогда больше его не увидишь, не прикоснешься к нему, не услышишь его голоса во все бесконечно долгие дни и ночи. Но страх перед горем – совсем не то же самое, что само горе. Мо был жив. Он говорил с ней, ложился спать рядом с ней, обнимал ее. Сажерук никогда уже не обнимет Роксану. В этой жизни, по крайней мере. Ей остались одни воспоминания. А это порой едва ли не хуже, чем ничего.

Она знала, что эта беда уже приходила к Роксане. В первый раз, как рассказывал Резе Черный Принц, огонь не оставил Роксане даже мертвого тела. Может быть, именно поэтому она теперь так ревниво охраняла тело Сажерука. Никто не знал, куда она его спрятала и куда ходит навещать в бессонные от тоски ночи.

Впервые Реза поехала к Роксане, когда Мо стало лихорадить по ночам. Сама она на службе у Мртолы тоже собирала травы, но только ядовитые. Роксана научила ее находить их целебных сестер, показала листья, помогающие от бессонницы, корни, утишающие боль от старой раны; и рассказала, что в этом мире, если срываешь растение между корней дерева, нужно непременно оставить взамен мисочку с молоком или яйцо, чтобы не рассердить живущих там духов. У некоторых трав был такой дурманящий аромат, что у Резы кружилась голова. Были среди них и те, которые она видела раньше в саду Элинора, даже не подозревая, какая сила таится в их неприметных стеблях и листьях. Так Чернильный мир учил ее лучше понимать свой собственный. Ей вспомнилось, что Мо говорил когда-то: «Тебе, наверное, тоже приходило в голову, что время от времени полезно читать книжки, где все не совсем так, как в нашем мире? Это самый лучший способ научиться задавать вопросы: почему деревья зеленые, а не красные и почему у нас пять пальцев, а не шесть».

Разумеется, Роксана знала средство от тошноты. Реза с интересом слушала ее рассказ о том, какие травы помогут потом вызвать приток молока, когда на двор въехал Фенолио. Реза с недоумением спросила себя, почему у него такой виноватый вид, – нечистая совесть явственно виднелась на морщинистом лице, словно грустная маска Баптисты. Но тут она увидела Фарида и Мегги – и страх на лице дочери.

Роксана обняла ее, когда Фенолио, запинаясь, рассказал о том, что случилось. Но Реза сама не понимала, что чувствует. Страх? Отчаяние? Злость? Да. Злость. Это было самое первое ее чувство: она была зла на Мо за его легкомыслие.

– Как ты могла его отпустить? – крикнула она Мегги так резко, что Силач вздрогнул.

Слова вырвались у нее прежде, чем она успела о них пожалеть. Но злость осталась, злость за то, что Мо поехал в замок, хотя прекрасно сознавал опасность, и за то, что он сделал это за ее спиной. Он не сказал ей ни слова – зато дочь взял с собой.

Реза расплакалась, и Роксана погладила ее по голове. Слезы злости и страха. Ей так надоело мучиться страхом. Страхом перед горем Роксаны.

Предательский знак

– Так-так, – сказала Фуксия, цепко глядя в лицо Стирпайка. – Что, решил уничтожить жестокость? Жадность? И что там еще ты говорил? Откровенно говоря, сомневаюсь, что у тебя хватит на это сил.⁷

Мервин Пик. Горменгаст. Книга первая: Титус Гроан

Его ожидает тюрьма, это ясно. А потом? Мо отлично помнил, какими казнями грозил ему Змееглав. *«Это может длиться не один день, да, много дней и ночей»*. Бесстрашие, не покидавшее его последние недели, холодное спокойствие, которое придали ему ненависть и Белые Женщины, – все это ушло, словно никогда не бывало. Смерти он не страшился с тех пор, как повстречался с Белыми Женщинами. Она казалась чем-то знакомым, а порой и желанным. Но вот переход к ней – совсем другое дело, а еще то, чего он боялся даже больше: оказаться взаперти. Он слишком хорошо помнил отчаяние, караулившее за тюремными решетками, тишину, в которой собственное дыхание казалось оглушительно громким, каждая мысль была орудием пытки, каждый час вводил в искушение разбить голову об стену, чтобы ничего больше не слышать и не чувствовать.

После страшных дней, проведенных в застенке Дворца Ночи, Мо не выносил закрытых дверей и окон. Мегги, похоже, стряхнула с себя заключение, как птенец – скорлупки, зато с Резой творилось то же самое, что и с Мо, и если один из них просыпался ночью от страха, то успокоиться им удавалось только в объятиях друг друга.

Только не новая тюрьма!

Поэтому так легко быть храбрым в битве – там всегда можно предпочесть смерть плену.

Может быть, ему удастся в темном коридоре вырвать меч у одного из солдат, когда они отойдут подальше от сторожевых постов. Они были расставлены повсюду, на груди у постовых красовался герб Зяблика. Мо приходилось сжимать кулаки, чтобы руки сами собой не начали делать то, что рисовало воображение. Не сейчас, Мортимер! Еще одна лестница, по сторонам горящие факелы. Ну конечно, они ведут его вниз, во чрево замка. Тюрьмы бывают или высоко вверх, или глубоко вниз. Реза рассказывала ему о тюрьме Дворца Ночи, запрятанной так глубоко, что дыхание порой пресекалось от чувства давящей на своды тяжести. По крайней мере, его не толкают и не бьют, как это делали солдаты в замке Змееглава. Может быть, здесь и пытаются вежливее?

Все глубже и глубже, ступень за ступенью. Один перед ним, двое за ним, дыша ему в затылок. Лица у них были совсем молодые, почти детские, безбородые, испуганные под притворной суровостью. С каких пор в солдаты берут детей? «Да испокон века, – ответил он сам себе. – Дети – самые лучшие солдаты, потому что еще кажутся себе бессмертными».

Всего трое. Но, даже если удастся быстро перерезать их всех, они успеют поднять крик, и на шум прибегут другие.

Лестница привела к двери. Солдат, шедший перед ним, открыл ее. Вот он, момент! Чего же ты ждешь? Пальцы Мо напряглись, готовясь к бою. Сердце бешено заколотилось, как бы задавая ритм.

– Перепел! – Солдат обернулся, поклонился и отступил, пропуская его в дверь.

Мо, не ожидавший этого, внимательно посмотрел на него и двух остальных. Восхищение, страх, благоговение – ему было знакомо это выражение, порожденное не его делами, а словами Фенолио. Поколебавшись, Мо шагнул в открытую дверь и только тогда понял, куда его привели.

⁷ Перевод А. Сумина, О. Колесникова.

Фамильный склеп князей Омбры. Да, Мо читал о нем. Фенолио подыскал прекрасные слова для этой усыпальницы, слова, звучавшие так, словно старик и сам мечтал однажды упокоиться в подобном склепе. Но самый роскошный саркофаг в книге Фенолио отсутствовал. В ногах у Козимо горели высокие свечи из благородного желтоватого воска. Воздух был напоен их ароматом, и каменный Козимо на ложе из алебастровых роз улыбался, словно видел прекрасный сон.

У саркофага стояла хрупкая молодая женщина с величественной прямой осанкой, вся в черном, с заколотыми наверх волосами.

Солдаты с поклоном приветствовали ее, назвав по имени.

Виоланта. Дочь Змееглава. Все называли ее Уродиной, хотя от родимого пятна, за которое она получила это прозвище, осталась лишь легкая тень на щеке. По слухам, пятно побледнело в тот день, когда Козимо – увы, ненадолго! – вернулся из царства мертвых.

Уродина.

Ну и прозвище! Каково с таким жить? Но подданные Виоланты произносили его с любовью. Рассказывали, что она по ночам отправляет остатки с княжеской кухни в голодающие деревни, что она кормит бедняков Омбры, продавая серебряную посуду и лошадей из княжеских конюшен, хотя Зяблик за это запирает законную госпожу замка на целые дни в ее покоях. Она вступалась за приговоренных к виселице и за брошенных в тюрьмы, хотя к ее просьбам не очень прислушивались. Виоланта имела в замке очень мало власти – Черный Принц не раз говорил об этом Мо. Даже сын ее не слушался. И все же Зяблик побаивался Уродину – как-никак, она была дочерью его бессмертного зятя.

Почему они привели его к ней – сюда, к могиле ее покойного мужа? Может быть, Виоланта решила закрепить за собой награду, обещанную за голову Перепела, раньше, чем на нее заявит права Зяблик?

– Есть у него шрам? – Она не сводила глаз с его лица.

Один из солдат нерешительно шагнул к Мо, но тот уже сам закатал рукав, как это делала девочка в деревне прошлой ночью. След борьбы с собаками Басты, давно, в другом мире, Фенолио перенес его в свою повесть, и теперь Мо иногда казалось, будто старик собственноручно намалевал ему этот шрам бледными чернилами.

Виоланта подошла к нему. Тяжелая ткань платья шуршала по каменному полу. Она сунула руку в вышитый кошель у пояса, и Мо ожидал, что оттуда появится берилл, о котором рассказывала Мегги, но Виоланта достала настоящие очки. Отшлифованные стекла, серебряная оправка – судя по всему, за образец были взяты очки Орфея. Найти мастера, способного отшлифовать такие линзы, наверняка стоило большого труда.

– В самом деле. Легендарный шрам. Предательский знак. – Глаза Виоланты казались больше за стеклами очков. Они не были похожи на глаза ее отца. – Значит, Бальбулус был прав. А ты знаешь, что мой отец в очередной раз повысил награду за твою голову?

Мо опустил рукав.

– Я слышал об этом.

– И все же ты пришел, чтобы увидеть рисунки Бальбулуса. Это мне нравится. Значит, правда то, что поется в песнях: ты совсем не знаешь страха и даже любишь опасность.

Она внимательно разглядывала его, словно сравнивая с рисунками Бальбулуса. Но когда он открыто встретил ее взгляд, Виоланта покраснела, то ли от смущения, то ли от гнева, что он смеет прямо глядеть ей в лицо. Мо не мог решить, какое из этих предположений верно. Она вдруг круто повернулась, подошла к саркофагу своего мужа и провела рукой по каменным розам – бережно, словно желая пробудить их к жизни.

– Я на твоём месте поступила бы точно так же. Мне давно кажется, что мы похожи. С тех самых пор как я впервые услышала от комедиантов песню о тебе. Беды в этом мире множатся, как мошки над прудом, но с ними можно бороться. Я выкрадывала золото из казны, когда о

тебе здесь еще никто не слышал. На новую богадельню, на приют для нищих, на устройство сирот... И я сумела повернуть все так, что в краже заподозрили одного из управляющих. Они в любом случае все заслуживают виселицы.

С каким вызовом она выставила подбородок, снова повернувшись к нему лицом! Почти как Мегги. Виоланта казалась одновременно очень старой и очень юной. Что она задумала? Собирается выдать его своему отцу, чтобы на вырученные деньги кормить бедняков и купить, наконец, вдоволь пергамента и красок для Бальбулуса? Все знали, что она заложила свое обручальное кольцо, чтобы оплатить ему кисточки. «А что, неплохая идея, – подумал Мо. – Продать шкуру переплетчика за новые книги».

Один из солдат все еще стоял у него за спиной. Двое других охраняли дверь. Другого выхода из склепа, видимо, не было. Трое. Всего трое...

– Я знаю все песни о тебе. Я велела их записать.

Глаза за стеклами очков были серые, до странности светлые. Заметно, что они плохо видят. Ничего общего с неподвижными глазами Змееглава. Должно быть, Виоланта унаследовала их от матери. Книга, замкнувшая в себе смерть, была переплетена в той самой комнате, где поселили когда-то опальную жену Змееглава с некрасивой маленькой дочкой. Помнит ли Виоланта эту комнату? Наверняка.

– Новые песни сложены не очень искусно, – продолжала она. – Но это искупается рисунками Бальбулуса. С тех пор как мой отец посадил Зяблика хозяйничать в нашем замке, Бальбулус работает в основном по ночам, а я держу новые книги у себя, чтобы их не продали, как всю остальную библиотеку. Я читаю их, пока Зяблик пирует в большом зале. Я читаю вслух, чтобы заглушить шум: пьяный ор, глупый смех, плач Туллио, которого опять травят... И каждое слово наполняет мое сердце надеждой – надеждой, что в один прекрасный день в этот зал придешь ты, прихватив с собой Черного Принца, и вы перебьете их всех. Одного за другим. А я буду стоять рядом, по щиколотку в их крови.

Солдаты Виоланты и бровью не повели. Они, похоже, привыкли к таким речам своей госпожи.

Виоланта шагнула к нему.

– Я велела искать тебя с того самого дня, как услышала от людей моего отца, что ты скрываешься по эту сторону Чащи. Я хотела найти тебя раньше, чем они, но ты умеешь оставаться невидимым. Наверное, тебя прячут феи и кобольды, как об этом поется в песнях, а кикиморы лечат твои раны...

Мо не выдержал и улыбнулся. На мгновение Виоланта показалась ему ужасно похожей на Мегги, когда та рассказывает какую-нибудь из своих любимых историй.

– Чему ты улыбаешься? – Виоланта нахмурилась, и Змееглав глянул на Мо из ее светлых глаз.

Осторожно, Мортимер.

– Я знаю, ты думаешь – она всего лишь женщина, почти девочка, у нее нет власти, нет мужа, нет солдат. Да, большинство моих солдат лежат мертвыми на Змеиной горе, потому что мой муж поторопился выступить войной против моего отца. Но я не глупа. Я сказала: Бальбулус, распусти слух, что ищешь нового переплетчика. Может быть, на эту приманку мы поймем Перепела. Если он действительно таков, как описал его Таддео, он придет только ради того, чтобы взглянуть на твои рисунки. И когда он окажется здесь в замке, моим пленником, как прежде он был пленником Змееглава, я спрошу его, согласен ли он помочь мне убить моего бессмертного отца.

Виоланта насмешливо улыбнулась, перехватив быстрый взгляд, брошенный Мо на солдат.

– Не беспокойся! Мои солдаты мне верны. Люди моего отца убили их отцов и братьев.

– Вашему отцу уже недолго оставаться бессмертным.

Слова вырвались у Мо против его воли. «Дурак, – обругал он сам себя. – Ты что, забыл, с кем говоришь, только потому, что в ее лице что-то напомнило тебе Мегги?»

Виоланта улыбнулась.

– Значит, правда то, что сообщил мне библиотекарь моего отца, – сказала она так тихо, словно мертвецы в склепе могли ее подслушать. – Когда мой отец почувствовал себя плохо, он подумал сначала, что его отравила одна из служанок.

– Мортولا. – Каждый раз при этих звуках Мо видел перед собой ружейное дуло.

– Ты ее знаешь? – Похоже, Виоланта тоже не любила произносить это имя. – Мой отец велел ее пытать, чтобы она назвала яд. Она не призналась, и тогда он бросил ее в тюрьму, глубокий застенки под замком, но в один прекрасный день она исчезла. Надеюсь, она погибла. Говорят, это она отравила мою мать. – Виоланта расправила складку на платье, словно говорила о качестве шелка, а не о смерти матери. – Как бы то ни было, сейчас моему отцу известно, по чьей вине он гниет заживо. Таддео вскоре после твоего ухода заметил, что книга стала странно пахнуть. Потом страницы вздулись. Застежки некоторое время скрывали это, как ты, вероятно, и задумал, но вскоре они уже с трудом удерживали доски переплета. Бедный Таддео чуть не умер со страха, когда увидел, что творится с книгой. Таддео был единственным, кроме моего отца, кто знал, где спрятана книга, и имел право к ней прикасаться... Он знает даже три слова, которые нужно туда вписать! Любого другого мой отец казнил бы за такое знание. Но он доверяет старику больше всех на свете, может быть, потому что Таддео много лет был его учителем и часто защищал отца, когда он был еще ребенком, от моего деда. Кто знает! Таддео, конечно, ничего не сказал отцу о состоянии книги. За такие новости тот и старого учителя велел бы тут же повесить на месте. Поэтому Таддео тайком зазывал в замок каждого переплетчика, какого мог отыскать от Непроходимой Чащи до моря, а когда выяснилось, что ни один из них ничего сделать не может, он по совету Бальбулуса велел переплести еще одну книгу, на вид неотличимую от первой, чтобы показывать отцу, когда тот пожелает ее видеть. А отцу тем временем с каждым днем становится хуже. Сейчас это уже всем известно. Дыхание у него вонючее, как гнилая вода в болоте, и его постоянно знобит, словно он уже ощущает ледяное прикосновение Белых Женщин. Какая месть, Перепел! Бесконечная жизнь в бесконечных страданиях. Не похоже на замысел ангела, скорее – очень умного дьявола. Так кто ты – ангел или дьявол?

Мо не ответил. «Не доверяй ей!» – подсказывал ему разум. Но, как ни странно, сердце говорило другое.

– Так вот, мой отец долгое время подозревал только Мортолу, – продолжала Виоланта. – Он даже отвлекся от поисков Перепела. Но в конце концов один из переплетчиков, к которым обращался Таддео, рассказал отцу, что происходит с книгой, – наверное, в надежде получить награду за донос. Змееглав велел его казнить – ведь никто не должен был знать, что его бесмертие под угрозой; но новость быстро распространилась. Сейчас, кажется, по ту сторону Чащи не осталось в живых ни одного переплетчика. Всякий, кто безуспешно пробовал спасти книгу, оказывался на виселице. А Таддео отец велел бросить в подземелье. «Пусть гниет так же медленно, как я», – сказал он при этом. Не знаю, жив ли он еще. Таддео стар, а застенки Дворца Ночи убивают даже молодых.

Мо почувствовал дурноту, как в те дни, когда переплетал эту книгу, чтобы спасти Резу, Мегги и себя. Уже тогда он предчувствовал, что выкупает их и свою жизнь ценой многих других. Бедный робкий Таддео. Мо представил себе, как он сидит в темном сыром застенке. Потом перед его глазами возникли переплетчики, очень отчетливо: темные фигуры, раскачивающиеся высоко в воздухе от порывов ветра... Мо прикрыл глаза.

– Смотри-ка. В точности, как поется в песнях: «И сердце жалости полно в груди его широкой». Ты и впрямь страдаешь оттого, что дело твоих рук навлекло на других гибель. Не глупи. Мой отец любит убивать. Не подвернись ему переплетчики, он вешал бы кого-нибудь другого. Но спасти книгу сумел в конце концов не переплетчик, а алхимик. Говорят, способ, которым

он этого добился, очень неаппетитный, а урон, уже нанесенный книге, оказалось невозможно исправить, но, по крайней мере, процесс распада остановился. Мой отец теперь ищет тебя с удвоенным усердием – ведь он по-прежнему верит, что ты один можешь снять проклятие, искусно вплетенное между пустыми страницами. Не дожидаясь, пока он тебя найдет! Опреди его! Давай заключим союз! Ты и я – его дочь и разбойник, который однажды уже перехитрил его. Мы сумеем его погубить, Перепел! Помоги мне убить его! Вместе нам это будет легко!

Как она смотрит на него! С надеждой, как ребенок, высказавший свое заветное желание... Перепел, давай вместе убьем моего отца! Как нужно обойтись с дочерью, спрашивал себя Мо, чтобы заслужить такую ненависть?

– Не все дочери, Перепел, любят своих отцов! – Виоланта, похоже, читала его мысли не хуже Мегги. – Твоя дочь, говорят, очень тебя любит и ты ее тоже. Но мой отец убьет и ее, и твою жену – всех, кого ты любишь, а под конец и тебя самого. Он не позволит снова выставить себя на посмешище перед подданными. Он найдет тебя, как бы ты ни скрывался, потому что каждая минута, каждый вздох напоминают ему о твоём коварстве. Его кожа не переносит солнечного света, ноги так опухли, что он не может ездить верхом. Ходить ему тоже трудно. Днем и ночью он рисует в воображении, каким пыткам подвергнет тебя и твоих близких, когда поймает. Он велел Свистуну сочинить песни о твоей гибели, до того страшные, что люди, слышавшие их, говорят, теряют сон. Скоро он пришлет Среброносого к нам, чтобы петь их и здесь и чтобы тебя найти. Свистун долго ждал этого приказа – и он тебя отыщет. Тебя поймают на твоё сочувствие к беднякам. Их будут убивать в таких количествах, что невинная кровь в конце концов выманит тебя из леса. Но если я стану твоей помощницей...

Виоланту прервал донесшийся сверху голос – детский голосок, привыкший командовать взрослыми.

– Он наверняка у нее, вот увидишь! – Якопо захлебывался словами от возбуждения. – Бальбулус – искусный лжец, настоящий мастер вранья, особенно, когда старается для моей матери. Но он теребит рукав, когда лжет, и делается еще заносчивее, чем обычно. Мой дед научил меня замечать такие вещи.

Солдаты у дверей вопросительно глядели на свою госпожу. Но Виоланта не обращала на них внимания. Она прислушивалась. Когда раздался второй голос, Мо увидел испуг в ее бесстрашных глазах. Он тоже узнал этот голос, хотя слышал его прежде только сквозь лихорадочное беспамятство, – и рука его потянулась к ножу, спрятанному в пояс. Коптемаз говорил хрипловато, словно огонь, с которым он так и не сумел подружиться, обжег ему голосовые связки. «Голос у него – предупреждение, – сказала однажды Реза. – Предупреждение не доверять красивому лицу и вечной улыбке».

– Да-да, Якопо, ты очень сообразительный мальчик! – Интересно, слышит ребенок насмешку в голосе Коптемаза? – Но почему же мы идем не к покоям твоей матери?

– Потому что она не так глупа, чтобы прятать его там! Моя мать – умная женщина, намного умнее вас всех!

Виоланта шагнула к Мо и схватила его за руку.

– Убери нож! – прошептала она. – Жизнь Перепела не закончится в замке Омбры. Такая песня мне не по вкусу. Иди за мной.

Она подозвала солдата, стоявшего у Мо за спиной высокого, широкоплечего юношу, державшего меч так, словно ему не часто приходилось им орудовать, – и торопливо зашагала среди каменных гробов. Виоланта шла уверенной походкой – похоже, ей не впервые приходится прятать кого-то от своего сына. В склепе было с полтора десятка гробов. Большинство из них было украшено изваяниями умерших, с мечами на груди, собаками в ногах, мраморными или гранитными подушками под головой. Виоланта остановилась перед саркофагом, чья простая, без скульптуры, крышка треснула ровно посередине, как будто мертвец пнул ее изнутри.

– Если Перепела здесь нет, пойдем пугнем Бальбулуса! Ты зайдешь к нему в мастерскую и пожонглируешь огнем на его книгах! – Имя Бальбулуса Якопо произносил с такой ревностью, словно говорил о старшем брате, которого мать любит больше, чем его.

Юный солдат, покраснев от натуги, сдвинул нижнюю половину крышки. Саркофаг был пуст, но Мо почувствовал, что задыхается в холодном узком гробу. Покойник явно был меньше ростом. Интересно, это Виоланта выбросила его останки, чтобы прятать сюда своих шпионов? Когда солдат задвинул крышку, Мо обступила тьма. Лишь маленькие отверстия в виде цветочного орнамента пропускали немного воздуха и света. Дыши спокойно, Мортимер! Он все еще сжимал в руке нож. Как жаль, что изваяния вооружены мраморными, а не булатными мечами! «Ты действительно думаешь, что стоит рисковать собственной шкурой ради расписных клочков козьей кожи?» – поинтересовался Баптиста, когда Мо попросил сшить ему одежду переплетчика и пояс для ножа.

До чего же ты глуп, Мортимер! Так до сих пор и не поверил до конца, что этот мир смертельно опасен! Но расписные клочки козьей кожи были по-настоящему прекрасны...

Стук в дверь. Скрежет засова. Голоса стали слышнее. Шаги... Мо напряженно вглядывался в цветочные отверстия, но видел только соседний гроб и подол черного платья Виоланты, исчезнувший, когда она отошла. Нет, глаза ему тут не помогут. Он опустил голову на холодный камень и стал прислушиваться. Как шумит дыхание! Более подозрительного звука в этом царстве мертвых не придумаешь!

«А что, если Коптемаз пришел сюда не случайно? – мелькнуло у него в голове. – Что, если Виоланта только его и дожидалась? *Не все дочери любят своих отцов.* Что, если Виоланта все же решила преподнести отцу желанный подарок? *Смотри, кого я тебе поймала! Перепел. Он вырядился вороном и вообразил, что я его не узнаю!*»

– Ваше высочество! – Голос Коптемаза гулко раздавался под низкими сводами – казалось, он стоит у самого гроба, где прятался Мо. – Простите, что мы помешали излияниям вашей скорби! Ваш сын посоветовал мне непременно встретиться с гостем, которого вы принимаете сегодня. Он уверяет, что это мой старый и чрезвычайно опасный знакомый. Я должен предостеречь вас...

– Гость? – Голос Виоланты звучал холодно, как камень у Мо под головой. – Единственный гость здесь – смерть. От него, мне кажется, предостерегать бесполезно.

Коптемаз смущенно хохотнул:

– Это верно, ваше высочество, но Якопо рассказывал о госте из плоти и крови: переплетчике, высоком, темноволосом...

– К Бальбулусу приходил сегодня новый переплетчик, – ответила Виоланта. – Он давно ищет кого-нибудь поинтереснее, чем халтурщики из Омбры.

Что это за звук? А, понятно. Якопо прыгает по каменным плитам. Видимо, иногда он все же ведет себя как нормальный ребенок его возраста. Прыжки стихли где-то неподалеку. Как же хочется просто встать! До чего трудно удерживать тело в неподвижности, когда ты еще жив! Мо закрыл глаза, чтобы не видеть каменных стенок гроба. Мортимер, дыши неглубоко, беззвучно, как феи.

Прыжки приближались.

– Ты его спрятала! – Голос Якопо проникал в саркофаг, словно мальчик говорил специально для Мо. – Давай поищем в гробах, Коптемаз!

Якопо, похоже, очень привлекала эта идея, но Коптемаз нервно усмехнулся.

– Я думаю, в этом не будет необходимости, если мы объясним твоей матери, с кем она имеет дело. Возможно, этот переплетчик – тот самый человек, которого так давно ищет ваш отец.

– Перепел? Перепел здесь, в замке?! – Даже Мо, слышавшему ошеломленный голос Виоланты, верилось, что она поражена до глубины души. – Конечно! Я всегда говорила отцу: в

конце концов этого разбойника погубит собственное безрассудство! Не вздумай рассказать Зяблику! Я хочу поймать Перепела, чтобы мой отец понял, наконец, кто должен сидеть на троне Омбры! Ты усилил стражу? Послал солдат в мастерскую Бальбулуса?

– М-м... нет... – Коптемаз был явно сбит с толку. – Дело в том, что... От Бальбулуса он уже ушел, и...

– Что? Болван! – Виоланта умела говорить железным тоном своего отца. – Немедленно опустить решетку в воротах! Если отец узнает, что Перепел побывал здесь, в замке, в моей библиотеке, и никто не задержал его... – Как грозно раздавались ее слова под сводами склепа! О да, она умная женщина, прав ее сын.

– Сандро! – Это, видимо, один из солдат. – Скажи страже у главных ворот, чтобы опустили решетку. И никого не выпускать из замка. Ни единой души, слышишь? Надеюсь, еще не поздно! Якопо!

– Что?

В детском голоске звучали страх, упрямство – и недоверие.

– Куда спрячется Перепел, когда поймет, что ворота заперты? Ты ведь знаешь все укрытия в замке.

– Еще бы! – Якопо был явно польщен. – Я могу тебе все их показать.

– Отлично! Возьми с собой троих стражников из тех, что охраняют тронный зал наверху, и проводи к самым надежным укрытиям, какие знаешь. А я пойду поговорю с Бальбулусом. Перепел! У меня в замке!

Коптемаз промямлил что-то. Виоланта резко прервала его и велела следовать за собой. Шаги и голоса удалились. Но Мо еще долго казалось, что он слышит, как они поднимаются по бесконечной лестнице, уводящей из склепа в мир живых, к дневному свету и свежему воздуху...

Когда все стихло, он еще несколько мучительных мгновений лежал не шевелясь и прислушивался. В конце концов ему начало казаться, что покойники вокруг дышат. Тогда он уперся руками в каменную крышку... – и схватился за нож, услышав шаги.

– Перепел! – донесся еле слышный шепот.

Разбитая крышка сдвинулась. Над саркофагом склонился тот самый солдат, что помогал ему спрятаться.

– Надо спешить! – прошептал он. – Зяблик объявил тревогу. Повсюду расставлена стража, но Виоланта знает выходы, которых даже Якопо еще не обнаружил. Будем надеяться, – добавил он.

Мо вылез из саркофага, с трудом двигая занемевшими конечностями. Нож он все еще сжимал в руке.

Юноша смотрел на него во все глаза.

– Скольких вы уже убили?

В его голосе звучало преклонение. Как будто убивать – высокое искусство, вроде миниатюр Бальбулуса. Сколько лет этому мальчику? Четырнадцать? Пятнадцать? Он выглядел младше Фарида.

Скольких? Что он мог на это сказать? Всего несколько месяцев назад он бы не затруднился с ответом. Он бы, наверное, даже рассмеялся от души на такой абсурдный вопрос. Теперь же Мо проронил только:

– Меньше, чем здесь лежит.

И даже не был уверен, что говорит правду.

Юноша обвел взглядом склеп, словно считая покойников.

– Это легко?

Судя по любопытству в голосе, он этого действительно еще не знал, несмотря на меч в руке и кольцо на груди.

«Да, – подумал Мо, – да, легко, когда в груди забьется второе сердце, холодное, с острыми краями, как меч у тебя в руке». Толика ненависти и гнева, несколько недель страха и беспомощной ярости – и вот оно просыпается в тебе. Когда приходится убивать, оно отбивает такт, стремительный, страстный. Другого своего сердца, мягкого и теплого, ты в это время не чувствуешь. А оно ужасается тому, что ты сделал под биение второго сердца. Оно болит и трепещет... Но это приходит потом.

Юноша все еще смотрел на него.

– Легко, – ответил Мо. – Умирать тяжелее.

Хотя мраморная улыбка Козимо утверждала обратное.

– Мы, кажется, спешим?

Юноша покраснел под блестящим забралом.

– Да... да, конечно!

Одну из ниш в стене склепа охранял каменный лев с гербом Омбры на груди – вероятно, последний экземпляр, еще не разбитый по приказанию Зяблика. Солдат вставил меч между его ощеренных зубов – и стена приоткрылась ровно настолько, чтобы в проем мог протиснуться взрослый мужчина. Кажется, у Фенолио где-то описан подобный тайник? Мо вспомнились давным-давно прочитанные слова об одном из предков Козимо, нередко спасавшемся таким образом от врагов. «А теперь эти слова спасут Перепела», – подумал Мо. Почему бы и нет? Он ведь тоже из них возник. Мо провел по камню рукой, словно убеждая себя, что стены склепа состоят не из бумаги.

– Подземный ход выходит наружу выше замка. Вашу лошадь Виоланта не могла вывести из конюшни – это было бы слишком заметно. Но вас там будет ждать другой конь. В Чаше сейчас полно солдат, будьте осторожны. И еще я должен передать вам вот это.

Мо сунул руку в седельную сумку, которую протянул ему юноша.

Книги.

– Виоланта дарит вам это в надежде, что вы не отвергнете предложенного ею союза.

Подземный ход казался бесконечным и почти таким же тесным, как саркофаг. Мо не помнил себя от радости, когда наконец увидал дневной свет. Выход оказался еле заметной расщелиной в скале. Под деревьями дожидался конь, а внизу Мо увидел замок Омбры – стражу на стенах и солдат, устремлявшихся из ворот, словно рой саранчи. Да, придется быть осторожным. И все же он открыл седельную сумку, спрятался за скалу и открыл одну из книг.

Как ни в чем не бывало

*Как жестока земля! Мерцают ивы, березы, склоняясь, вздыхают.
Как жестоко, как невысказанно нежно!⁸
Луиза Глик. Плакание*

Фарид обнял Мегги. Она спрятала лицо у него на груди, а он снова и снова шептал ей, что все будет хорошо. Но Черный Принц не возвращался, а ворона, которую Гекко отправил на разведку, принесла те же вести, что и Дориа, младший брат Силача, шпионивший для разбойников с тех пор, как Хват спас их с другом от виселицы: в замке объявлена тревога. В воротах опущена решетка, и стража хвалится, что голова Перепела скоро будет смотреть на крыши Омбры с зубца крепостной стены.

Силач отвел Мегги и Резу в лагерь разбойников, хотя обе рвались в Омбру. «Так распорядился бы Перепел» – и больше от него ничего нельзя было добиться. Черный Принц с Баптистой отправились на хутор, который Мо и его семья в последние недели привыкли называть своим домом, – обманчиво мирное укрытие в кровожадном мире Фенолио.

– Мы заберем ваши вещи, – кратко пояснил Черный Принц на вопрос Резы, зачем они туда идут. – Возвращаться вам нельзя.

Ни Реза, ни Мегги не спросили, почему. Обе знали ответ: потому что Зяблик будет допрашивать Перепела, и нельзя быть уверенным, что у Мо не вырвут признания, где он скрывался в последнее время.

Разбойники также перенесли лагерь на новое место, как только услышали об аресте Мо.

– У Зяблика очень умелые пытки, – заметил Хват.

Реза села в сторонке под деревьями и закрыла лицо руками.

Фенолио остался в Омбре.

– Может быть, меня пропустят к Виоланте. А Минерва сегодня ночью работает в замке на кухне. Может быть, она там что-нибудь узнает. Я сделаю все, что смогу, Мегги, – пообещал он на прощание.

– Да ладно, он просто уляжется в постель и выдует две фляги вина, – заметил на это Фарид и подавленно смолк, когда Мегги расплакалась.

Как она допустила, чтобы Мо поехал в Омбру? И почему не пошла с ним в замок? Конечно, ей очень хотелось остаться с Фаридом. В глазах матери она читала тот же упрек: ты могла его удержать, Мегги, только ты одна на всем свете.

Когда смерклось, Деревяга принес им поесть. Прозвище он получил за негнущуюся ногу. Двигался Деревяга медленнее других разбойников, зато отлично стряпал. Но ни Мегги, ни Реза не смогли проглотить ни куска. Стало холодно, и Фарид уговаривал Мегги посидеть с ним у костра, но она только покачала головой. Ей нужны были темнота и уединение. Силач принес ей одеяло. Вместе с ним подошел его брат, Дориа.

«В браконьеры он не годится, зато шпион из него отличный!» – шепнул ей Силач, когда их знакомил. Братья были совсем не похожи, хотя у обоих были густые темно-русые волосы, а Дориа был необычно силен для своего возраста (чему очень завидовал Фарид). Ростом он доходил старшему брату только до плеча, и глаза у него были синие, как феи Фенолио, а у Силача – карие, желудевого цвета. «У нас разные отцы, – пояснил Силач, когда Мегги удивилась такому несходству. – Правда, один другого стоит».

– Ты зря так переживаешь. – Голос у Дориа был очень взрослый.

Мегги подняла голову.

⁸ Перевод В. Черешни.

Он накинул ей на плечи одеяло, принесенное Силачом, и смущенно отступил под ее взглядом, но глаз не отвел. Дория всем смотрел прямо в лицо, даже Хвату, при виде которого большинство втягивали голову.

– С твоим отцом все будет в порядке, не сомневайся! Он всех победит – Зяблика, Змееглава и Свистуна.

– Конечно. Только сперва его повесят, – горько сказала Мегги.

Но Дория только пожал плечами.

– Ерунда. Меня вот тоже хотели повесить, – сказал он. – А он – Перепел! Они с Черным Принцем спасут нас всех. Вот увидишь.

Он говорил так, словно был совершенно уверен в исходе. Как будто он один из всех прочитал повесть Фенолио до конца.

Хват, сидевший с Гекко под деревьями в нескольких метрах от них, хрипло рассмеялся.

– Брат у тебя такой же дурак, как ты сам! – крикнул он Силачу. – Только твоих мускулов у него нет, на его беду, так что вряд ли он доживет до старости. Перепелу пришел конец! И что он нам оставил в наследство? Бессмертного Змееглава!

Силач сжал кулаки и хотел броситься на Хвата, но Дория оттащил его. Гекко выхватил нож и угрожающе шагнул к Силачу – они постоянно ссорились, – но внезапно оба подняли головы и прислушались. На дубе закричал перепел.

– Он вернулся! Мегги, он вернулся! – Фарид чуть не упал, стремглав спускаясь со сторожевого поста.

Костер уже догорел, и только звезды роняли лучи в темный овраг, где разбойники разбили новый лагерь. Мегги узнала Мо, лишь когда Деревяга шагнул с факелом навстречу ему и Черному Принцу. Был с ними и Баптиста. Похоже, все целы и невредимы. Дория обернулся к Мегги. «Ну, дочь Перепела, – сквозило в его улыбке, – что я тебе говорил?»

Реза вскочила так резко, что запуталась в одеяле, которым укрыл ее Силач. Она растолкала разбойников, окруживших Мо и Черного Принца, и бросилась к мужу. Мегги шла за ней, словно во сне. «Это слишком хорошо, чтобы быть правдой», – думала она.

На Мо был все тот же черный наряд, сшитый Баптистой. Он явно устал, но, похоже, с ним действительно ничего не случилось.

– Все хорошо, все в порядке, – услышала Мегги голос отца.

Он стирал поцелуями слезы с лица Резы, а увидев Мегги, улыбнулся ей так, словно вернулся, как в прежние времена, из обычной поездки к больным книгам, а не из замка, где его хотели убить.

– Я привез тебе гостинец, – сказал он дочери.

И лишь по тому, как крепко он ее обнял и долго не отпускал, Мегги догадалась, что Мо пережил не меньший страх, чем она.

– Отвяжитесь от него! – прикрикнул Черный Принц на своих людей, которые тесным кольцом окружили Перепела и наперебой расспрашивали, как же он сумел уйти из замка. – Скоро все узнаете! А пока выставить двойной дозор!

Разбойники неохотно повиновались. Одни уселись, ворча, у почти потухшего костра, другие разошлись по палаткам, сшитым из одеял и старой одежды, где трудно было согреться в заметно похолодавшие ночи. Мо подвел Мегги и Резу к своему коню (это была не та лошадь, на которой он уезжал), открыл седельную сумку и бережно, словно живых существ, извлек оттуда две книги. Одну он протянул Резе, другую Мегги – и рассмеялся, когда дочь жадно выхватила томик у него из рук.

– Да, давно мы с тобой не держали в руках книг! – прошептал он заговорщически. – А ты внутрь загляни! Спорим на что хочешь, таких красивых картинок ты еще не видела!

Реза тоже взяла протянутую ей книгу, но даже не посмотрела на нее.

– Фенолио говорит, что этого миниатюриста использовали как приманку, – сказала она глухим голосом. – Что тебя схватили в его мастерской...

– Это был розыгрыш. Ты же видишь, ничего не произошло. А то как бы я здесь оказался?

Больше Мо ничего не сказал. И Реза не стала спрашивать. Она молча смотрела, как Мо сел на примятую лошадьми траву и потянул за собой Мегги.

– Фарид! – позвал он.

Фарид тут же оставил Баптисту, которого расспрашивал о том, что происходит сейчас в Омбре, и побежал на зов Мо. Он явно преклонялся перед героем. Мегги заметила, что и Дория смотрит на ее отца с таким же благоговением в глазах.

– Ты не мог бы нам посветить? – спросил Мо.

Фарид опустился между ними на колени и засветил на ладонях танцующий огонек, хотя Мегги видела по его лицу, что он не понимает, как может Перепел, только что чудом спасшийся от солдат Зяблика, первым делом показывать дочери книгу.

– Видела ты что-нибудь прекраснее, Мегги? – прошептал ей Мо, когда она провела пальцем по обведенному золотом рисунку. – Не считая фей, конечно, – добавил он с улыбкой, стоя на странице крылатую крошку, синюю, как небо на рисунках Бальбулуса.

Мо отогнал ее так, как это делал Сажерук – легонько подул между мерцающих крылышек, – и Мегги склонилась вместе с ним над страницами, забыв только что пережитый страх. Она перестала замечать и Хвата, и даже Фариду, который не видел ничего интересного в том, от чего она не могла оторвать глаз: буквы, прорисованные сепией так тонко и воздушно, словно Бальбулус писал их своим дыханием, драконы и длинношеие птицы, уткнувшие голову под крыло, инициалы, тяжелые от листового золота...

Слова танцевали с рисунками, рисунки пели для слов, выводя свою красочную мелодию.

– Это Уродина? – Мегги прикоснулась кончиком пальца к хрупкой женской фигурке на рисунке. Лицо у нее было размером с половину ногтя на мизинце Мегги, и все же на щеке можно было разобрать бледную родинку.

– Да, и Бальбулус позаботился о том, чтобы ее узнавали и много веков спустя. – Мо показал на имя, темно-синей краской выведенное над крошечной головой: Виоланта. «В» было обведено тонкой, как волосок, золотой линией. – Я видел ее сегодня. Мне кажется, она не заслуживает своего прозвища. Она немного бледная и, кажется, довольно злопамятная. Но это удивительно храбрая женщина.

На открытую книгу упал древесный лист. Мо смахнул его, но лист тонкими паучьими лапками вцепился в его палец.

– Смотри-ка, – сказал Мо, поднося его к глазам. – Это что, один из Орфеевых листовых человечков? Его создания, похоже, быстро размножаются.

– И редко бывают приятными, – отозвался Фарид. – Эти твари, например, плюются.

– Правда? – Мо тихо рассмеялся и сбросил человечка с пальца, как раз когда тот надул губы.

Реза посмотрела на странное существо и резко встала.

– Это все обман, – сказала она. Голос у нее дрожал при каждом слове. – И вся красота этого мира – сплошной обман, она придумана только для того, чтобы отвлекать от тьмы, горя и смерти.

Мо положил книгу на колени Мегги и поднялся вслед за Резой, но она уклонилась от его протянутых рук.

– Это не наша история! – заговорила она так громко, что разбойники начали оборачиваться. – Она надрывает нам сердца своим колдовством. Я хочу домой. Я хочу забыть все это наваждение и вспомнить о нем снова, только очутившись на диване у Элинора!

Гекко тоже обернулся и с любопытством смотрел на них. Одна из его ворон воспользовалась моментом, чтобы стащить кусок мяса из хозяйской руки. Хват тоже прислушивался к разговору.

– Мы не можем вернуться, Реза, – тихо сказал Мо. – Фенолио больше не пишет, ты что, забыла? А Орфею доверять нельзя.

– Фенолио постарается для нас, если ты его попросишь. Это его долг перед тобой! Мо, прошу тебя! Эта история добром не кончится!

Мо посмотрел на Мегги, сидевшую рядом с Фаридом с книгой на коленях. На что он надеялся? Что она станет возражать матери?

Фарид бросил на Резу сердитый взгляд и потушил огонек на ладонях.

– Волшебный Язык! – окликнул он.

Мо обернулся. Да, у него теперь много имен. А ведь когда-то его звали просто Мо и больше никак. Мегги уже не могла вспомнить, как это было.

– Мне пора возвращаться в город. Что передать Орфею? – Фарид умоляюще посмотрел на Мо. – Расскажешь ты ему о Белых Женщинах?

Неугасимая, безумная надежда проступила на его лице, как ожог.

– Я ведь сказал: мне нечего рассказывать, – ответил Мо.

Фарид понурил голову и уставился на свои покрытые копотью ладони, словно Мо вынул надежду у него из рук. Медленно поднялся. Он все еще ходил босиком, хотя по ночам уже бывали заморозки.

– Будь здорова, Мегги, – сказал он, легонько целуя ее в щеку.

И пошел прочь не оборачиваясь. Мегги начала скучать по нему, как только он сел на своего осла...

Да, наверное, им и правда лучше вернуться домой.

Она вздрогнула, когда Мо положил руку ей на плечо.

– Заверни книжку в тряпицу, когда закончишь читать, – сказал он. – По ночам тут сыро.

И пошел мимо Резы к разбойникам, сидевшим у догорающего костра тихо, как дети в ожидании сказки.

А Реза так и стояла с пергаментным томиком в руках и смотрела на переплет, будто видела перед собой другую книгу – ту, что вобрала ее в себя и не выпускала десять лет. Потом она подняла глаза на Мегги.

– Что с тобой? – спросила она. – Разве ты хочешь остаться здесь, как и твой отец? Неужели ты не соскучилась по подружкам, по Элинон и Дариусу? По теплой постели без единой блохи, по кафе у озера, по мирным улицам, где тебе ничего не грозит?

Мегги дорого бы дала, чтобы ответить так, как хотела Реза, но у нее не получалось.

– Не знаю, – сказала она тихо.

И это была чистая правда.

Больна с горя

*Мир привелось мне потерять!
Не находили вы?
Узнать легко его – венок
Из звезд вокруг головы.*

*Он вам – пустяк, я ж без него
Не проживу и дня —
Молю, найди его скорей —
О, Боже – для меня!⁹*

Эмили Дикинсон. Потеря

Элино́р прочла в своей жизни несчетное количество книг, где герой или героиня заболели от душевных страданий. Эта идея всегда казалась ей очень романтической, но не имеющей никакого отношения к действительности. Все эти безвременно вянущие юноши и девушки, умирающие только потому, что они несчастливо влюблены или тоскуют по непоправимой утрате! Элино́р с большим удовольствием сопереживала их страданиям – как читатель. Ведь люди ищут в книгах именно этого: сильных, никогда не испытанных чувств и мучительных страданий, от которых можно избавиться в любой момент, просто захлопнув книгу. Правильно подобранные слова доводили утрату и гибель до самого сердца, позволяли дегустировать горе, как хорошее вино, и снова ставить на полку.

Да, Элино́р от души упивалась выдуманной болью, и даже представить себе не могла, что в ее настоящей жизни, напроць лишенной событий, монотонно-серой на протяжении многих лет, может случиться нечто подобное. «Что ж, такова расплата! – твердила она себе. – Такова расплата за счастье последних месяцев. Разве ты не читала, что за счастье всегда приходится платить? Как ты могла подумать, что так вот запросто обретишь его – и сохранишь? Какая глупость. Глупая Элино́р».

Когда ей расхотелось вставать по утрам, когда сердце стало ни с того ни с сего запинаться, словно ему надоело регулярно биться, когда у нее пропал аппетит даже по утрам (хотя она всю жизнь проповедовала, что завтрак – главная еда дня), и Дариус, озабоченно моргая совиными глазами, стал все чаще спрашивать, как она себя чувствует, – Элино́р задумалась, уж не правду ли говорят книги, уверяя, что с горя можно заболеть. Ведь она нутром чувствовала, что именно горе, и ничто другое, высасывает из нее силу, аппетит и даже интерес к книгам.

Дариус предлагал проехаться по аукционам, посетить крупнейшие книжные магазины, где она давно уже не была, составлял списки книг, отсутствующих в ее библиотеке. Еще год назад эти списки привели бы Элино́р в лихорадочный ажиотаж. А сейчас ее глаза скользили по заголовкам так равнодушно, словно она читает перечень моющих средств из ближайшего супермаркета. Куда делась ее любовь к печатным страницам и дорогим переплетам, к словам на бумаге и пергаменте? Она дорого дала бы за то, чтобы вновь ощутить замирание сердца от одного вида книги, потребность нежно погладить ее по корешку, раскрыть, затеряться в ней. Но, похоже, сердце ее одеревенело, горе сделало его нечувствительным ко всему, кроме одного – тоски по Мегги и ее родителям. Да, Элино́р поняла за это время: горе от утраты книг – не горе по сравнению с тоской по потерянным близким. Книги рассказывали об этом чувстве. Они рассказывали о любви, и эти рассказы были прекрасны, но книги не могли заменить того, о чем в них говорилось. Они не могли поцеловать, как Мегги, обнять, как Реза, рассмеяться, как Мо. Бедные книги – и бедная Элино́р.

⁹ Перевод П. Долголенко.

Она стала проводить целые дни в постели. Почти ничего не ела, а иногда, наоборот, передала. У нее болел живот, болела голова, мучительно трепыхалось сердце. Она стала мрачной, рассеянной, пролиwała слезы над любой сентиментальной чепухой, потому что читать она, конечно, не перестала. А чем ей было еще заняться? Она читала без конца, объедалась чтением, как горящий ребенок – шоколадом. Шоколад был вкусный, но горе не проходило. А уродливый пес Орфея лежал у ее кровати, пускал слюни на ковер и так смотрел на нее своими грустными глазами, словно один на всем свете был способен понять ее печаль.

Ну, последнее было не совсем справедливо. Дариус, видимо, тоже все отлично понимал.

– Элино́р, а ты не хочешь выйти погулять? – спрашивал он, поставив завтрак у ее кровати, поскольку она опять до полудня так и не вышла на кухню.

– Элино́р, я тут нашел в каталоге невероятно красивое издание «Айвенго». Давай съездим, посмотрим? Это недалеко.

И, наконец, на днях:

– Элино́р, умоляю тебя, сходи к врачу. Дальше так продолжаться не может!

– К врачу? – рявкнула она на беднягу Дариуса. – И что я ему скажу? – «Знаете, доктор, это все от сердца. Оно исходит идиотской тоской по трем родным людям, исчезнувшим в книге. У вас не найдется таблеток на такой случай?»

Разумеется, Дариус ничего не ответил. Он молча поставил чай – с лимоном и медом, как она любит, – на заваленный книгами столик у ее кровати и молча пошел вниз. Лицо у него было при этом такое грустное, что Элино́р почувствовала пренеприятные уколы совести. Но встать так и не встала.

Она провела в постели еще три дня, а когда на четвертый тихонько прокралась в библиотеку – в халате, накинутом на ночную рубашку, – там стоял Дариус, держа в руках листок, отправивший Орфея в тот мир, где, вероятно, находились сейчас Реза, Мегги и Мортимер.

– Что ты делаешь? – помертвев, спросила Элино́р. – К этому листку никто не должен прикасаться! Слышишь? Никто!

Дариус положил листок обратно в витрину.

– Я только взглянул на него, – сказал он мягко. – Орфей действительно неплохо пишет. Хотя, конечно, сильно подражает Фенолио.

– Так сильно, что это не называется «писать», – презрительно сказала Элино́р. – Орфей – вошь, паразитирующая на других писателях, только сосет он не кровь, а слова... Даже имя украл у другого поэта. Орфей!

– Да, ты, пожалуй, права, – отозвался Дариус, аккуратно запирая витрину на ключ. – Но точнее будет назвать его имитатором. Он так хорошо копирует стиль Фенолио, что разница на первый взгляд почти незаметна. Интересно было бы посмотреть, как он пишет, когда у него нет образца. Способен он рисовать собственные картины, не вдохновляясь чужой фантазией?

Дариус взглянул на листок под стеклом, как будто мог получить от него ответ.

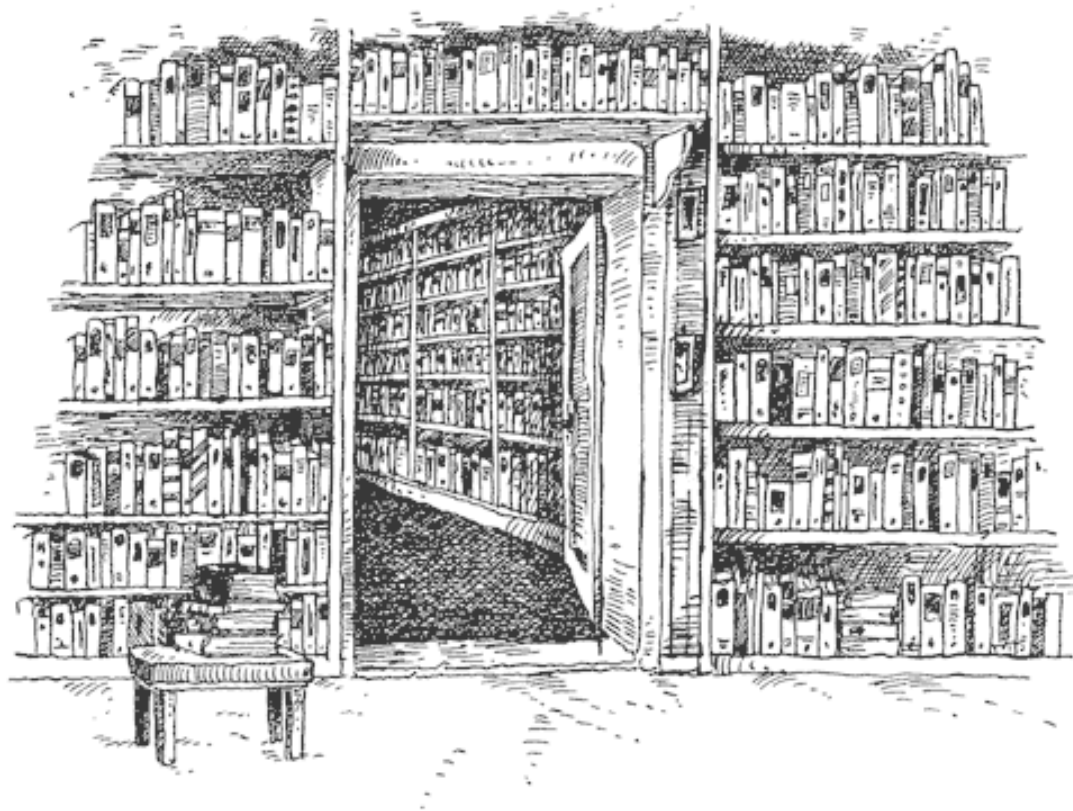
– Меня лично это не интересует. Надеюсь, он давно уже сдох. – Элино́р с мрачной миной подошла к полке и вытащила сразу полдюжины книг – запас на очередной тоскливый день в постели. – Надеюсь, его великан раздавил! Нет, погоди, я лучше придумала – надеюсь, что его говорливый язык выпал изо рта, посиневший и раздутый, потому что сам Орфей болтается на виселице!

На совином лице Дариуса мелькнула улыбка.

– Ох, Элино́р, Элино́р! Ты, пожалуй, напугала бы самого Змееглава, хотя Реза рассказывала, что он никогда и ничего не боится.

– Конечно, можешь не сомневаться! – ответила Элино́р. – Белые Женщины по сравнению со мной – кроткие сестры милосердия! Но мне суждено до конца дней оставаться в истории, где для меня есть только одна роль – комической старухи.

Дариус промолчал. Но когда Элинор поздно вечером еще раз зашла в библиотеку, он снова стоял перед витриной и смотрел на листок Орфея.

Снова на службе Орфея

*Подойди и взгляни на слова:
У каждого из них есть тысяча тайных лиц
под нейтральным лицом,
И каждое спрашивает тебя,
не интересуясь твоим ответом,
Каждое, хоть жалкое, хоть страшное:
Ты захватил ключ?*

Карлос Друммонд де Андраде. В поисках поэзии

Конечно, ворота Омбры были уже закрыты, когда Фарид наконец добрался до города на своем упрямом осле. Тонкий месяц светил на башни замка, а стражники разгоняли скуку, кидая камушки по скелетам, болтавшимся на виселицах перед городской стеной. Скелеты велел развесить Зяблик, хотя виселицы не использовались здесь по прямому назначению, чтобы пощадить его чувствительный нос. Вероятно, ему казалось, что оставлять виселицы совсем пустыми на глазах подданных – непедagogично.

– Это кто еще тут бродит? – хмыкнул один из стражников, долговязый худой парень, опиравшийся на копье, как будто ноги его не держат. – Ты только посмотри на этого смугляшку! – Он грубо выхватил у Фариды повод. – Разъезжает тут один по ночам! Ты не боишься, что Перепел вытащит осла из-под твоей тощей задницы? Лошадь-то ему пришлось сегодня оставить в замке, так что ослик ему очень бы пригодился. А тебя он скормит медведю Черного Принца!

– Я слышал, медведь жрет только латников – любит, чтобы на зубах похрустывало, – ответил Фарид, незаметно нащупывая нож.

Он слишком устал, чтобы изображать смирение. Отчасти его легкомыслие объяснялось и тем, что Перепелу удалось-таки уйти из замка невредимым. Перепелу. Да, он тоже все чаще называл Волшебного Языка этим именем, хотя Мегги всякий раз очень сердилась.

– Хо-хо, Риццо, ты только послушай мальчугана! – крикнул стражник своему товарищу. – Он, наверное, сам украл этого осла, чтобы продать колбасникам в городе, если бедная животи́на не сдохнет под ним раньше.

Риццо со злобной усмешкой подошел поближе и поднял копье, нацелившись прямо в грудь Фариду.

– Я знаю этого парниш-ш-шку, – сказал он. У него не хватало двух зубов, и слова звучали как шипение змеи. – Видел пару раз, как он на рынке рассыпает искры. Не про тебя ли рассказывают, будто ты выучился жонглировать у Огненного Танцора?

– Да. И что? – У Фариды свело желудок, как всегда, когда при нем упоминали Сажерука.

– А то, что слезай-ка ты со своей дохлой скотины и устрой нам представление! А мы пока подумаем, пускать ли тебя в город.

В конце концов они открыли ворота, вдоволь насмотревшись на взмывающие в воздух огненные цветы, которые получались у Фариды не хуже, чем у Сажерука. Фарид по-прежнему любил огонь, хотя сухое потрескивание пламени болезненно напоминало ему того, кто обучил его этому искусству. Но он не устраивал больше представлений на публику, только для себя. Ведь огонь – это все, что оставалось у него от Сажерука, и когда сердце его совсем изнывало от тоски, он писал это имя огненными буквами на какой-нибудь стене в Омбре и смотрел на него до тех пор, пока огонь не гаснул, оставив его в одиночестве, как Сажерук.

По ночам в лишившейся мужчин Омбре обычно царила гробовая тишина. Но сегодня Фарид всюду наталкивался на отряды латников. Перепел вспугнул их, и они кружили по улицам, как осы вокруг разворошенного гнезда, надеясь изловить наглого обидчика. Фарид низко

опускал голову, проезжая мимо них, и вздохнул с облегчением, добравшись наконец до дома Орфея.

Это был великолепный дом, один из самых роскошных в Омбре, и только здесь во всем городе еще светились окна в эту беспокойную ночь. У входа горели факелы – Орфей опасался воров – и в их неверном свете страшные каменные маски над входом казались живыми. Фарид всякий раз вздрагивал, когда они смотрели на него сверху своими выпученными глазами – рты разинуты, ноздри раздуты, словно чудища собираются фыркнуть ему в лицо. Он попытался усыпить факелы тихими уговорами, как часто делал Сажерук, но пламя его не слушалось. Это случалось все чаще, словно огонь хотел напомнить ему, что ученик и после смерти учителя остается всего лишь учеником.

Фарид страшно устал. Собаки лаяли на него, пока он вел осла на конюшню. Вот он и вернулся. Вернулся к Орфею на службу. Хотя так хорошо было сидеть с Мегги, положив голову ей на колени, или беседовать у костра с ее отцом и Черным Принцем. Но из-за Сажерука он всякий раз возвращался сюда. Всякий раз.

Фарид развязал рюкзак – Пролаза тут же залез ему на плечо – и посмотрел вверх на звезды, словно мог увидеть среди них лицо Сажерука. Почему тот не явится ему во сне и не расскажет, как его вернуть? Ведь мертвые иногда показываются тем, кого любят! Или Сажерук приходит только к Роксане, как обещал, да еще, может быть, к своей дочери? Нет, если к Брианне кто и является из царства мертвых, то только Козимо. Служанки рассказывали, что она во сне шепчет его имя и иногда протягивает руку, словно ищет его рядом с собой.

«Может быть, мне он не является, потому что знает, что я боюсь призраков», – думал Фарид, подымаясь на заднее крыльцо. Парадные ворота, выходявшие прямо на площадь, предназначались, разумеется, только для самого Орфея и его знатных заказчиков. Слуги, комедианты и поставщики шлепали по грязному двору к черному ходу.

Фарид трижды позвонил в колокольчик, но никто не откликнулся. Во имя всех демонов пустыни, куда подевался Дуботряс? Это ведь единственная его работа – открывать дверь. Наверное, дрыхнет, как пес, у порога Орфея.

В конце концов Фариду открыла Брианна. Она уже две недели работала у Орфея, а Сырная Голова, кажется, и не подозревал, чья дочь стирает ему белье и чистит кастрюли. Орфей вообще мало что замечал вокруг.

Брианна молча впустила его, и он так же молча прошел мимо. У них не было слов друг для друга, кроме тех, которые невозможно выговорить: *«Мой отец умер из-за тебя. Из-за тебя он оставил нас с матерью, все из-за тебя»*. Каждую слезинку своей матери Брианна ставила в счет Фариду, она сказала ему об этом злым шепотом в первый же день, когда они встретились у Орфея: *«Каждую, слышишь, каждую!»* И сейчас он затылком чувствовал ее ненавидящий взгляд.

– Где ты шляется? – Осс перехватил Фариду, надеявшегося неслышно прошмыгнуть к своей койке в подполе. Пролаза зашипел и спрыгнул наземь. Осс успел пнуть зверька так, что чуть не переломал ему ребра. – Хозяин уже раз сто про тебя спрашивал! Заставил искать тебя по всему городу! Я из-за тебя полночи не спал!

– Да ладно, ты только и делаешь, что спишь.

Осс ударил его кулаком в лицо.

– Попридержи язык! Пошли, хозяин ждет!

Служанка, встретившаяся им на лестнице, покраснела, пропуская Фариду. Как бишь ее зовут? Дана? Милая девочка, вечно отложит Фариду кусочек мяса посочнее, когда Осс, бывало, сожрет его ужин. Фарид за это иногда целовал ее на кухне. Но она была далеко не так красива, как Мегги. Или Брианна.

– Надеюсь, мне позволят отколотить тебя хорошенько! – прошипел Осс на ухо Фариду, заноса руку, чтобы постучаться в рабочий кабинет Орфея.

Так называл эту комнату сам Орфей, хотя гораздо чаще он тискал здесь очередную служанку или обжирался яствами, которые кухарка готовила для него в любое время дня и ночи. Но сейчас он и в самом деле сидел за письменным столом, низко склонившись над листом бумаги, а два стеклянных человечка за его спиной приглушенными голосами препирались о том, как лучше размешивать чернила – слева направо или справа налево. Это были два брата – Сланец и Халцедон, разные, как день и ночь. Халцедон, старший, обожал командовать младшим братом и поучать его. Фариду, глядя на них, хотелось свернуть Халцедону стеклянную шею. У него было целых два старших брата, и отчасти из-за них он сбежал из родительского дома к разбойникам.

– Заткнитесь! – прикрикнул Орфей на стеклянных человечков. – Что за нелепые создания! Слева направо, справа налево! Смотрите не брызгайте мне стол!

Халцедон укоризненно посмотрел на Сланца – доигрался, мол! Если кто и брызгает чернилами на хозяйский стол, то уж конечно младший брат! – и погрузился в мрачное молчание. Орфей продолжал писать.

«Фарид, ты должен научиться читать», – постоянно твердила Мегги. Несколько букв он с ее помощью уже заучил, хоть и не без труда. М – «медведь», Р – «разбойники», М – «Мегги», Ф – «Фарид» и С... С – «Сажерук». Остальные путались у него в голове. Да и как можно запомнить всю эту мелочь с завитушками с разных сторон? А О У И К Т Н П... У него голова начинала болеть от одного их вида. И все же придется их выучить! Ведь иначе он так и не узнает, пытается ли Орфей на самом деле вернуть Сажерука.

– Чушь, бессвязная чушь! – Орфей оттолкнул Сланца, пытавшегося посыпать написанное песком, и с ненавистью разорвал лист на мелкие клочки.

Фарид наблюдал такие сцены постоянно. Орфей редко бывал доволен своей работой. Он комкал, рвал, с руганью бросал в огонь исписанную бумагу, грозил стеклянным человечкам, напивался. Но когда работа ему удавалась, он делался еще невыносимее – раздувался, как индюк, разъезжал по Омбре с видом владетельного принца, целовал служанок наглыми влажными губами и заявлял, что равных ему нет. «Пусть называют старика Чернильным Шелкопрядом! – орал он на весь дом. – Большого он и не заслужил, этот ремесленник! Зато я – я волшебник, маг. Чернильный Маг – вот как меня надо называть! И меня будут так называть!»

Но сегодня магия, похоже, опять не клеилась.

– Лягушачье кваканье! Сорочья стрекотня! Слова-жестянки! – бранился он, не поднимая головы. – Словесная каша! Да, Орфей, сегодня ты марашь бумагу словесной кашей – жидкой, недосоленной, склизкой кашей!

Стеклянные человечки торопливо спустились по ножкам письменного стола и принялись разглаживать скомканные обрывки.

– Хозяин! Мальчишка вернулся! – Осс умел изображать раболепие, как никто. Голос Дуботряса кланялся и прогибался так же легко, как его огромное тело, но пальцы сжимали затылок Фариды, как железные клещи.

Орфей недовольно обернулся и уставился на Фариду, словно нашел наконец причину своих неудач.

– Где ты шляется, черт бы тебя побрал! Сидел все время у Фенолио? Или помогал отцу своей подружки пробраться в замок и выбраться невредимым обратно? Да, я уже слышал о его последнем подвиге. Надо думать, завтра о нем уже будут распевать дурацкие песни. Этот дурак-переплетчик играет идиотскую роль, которую написал ему старик, с настоящей отдачей – даже трогательно!

В голосе Орфея слышались одновременно презрение и зависть – как обычно, когда он говорил о Волшебном Языке.

– Он не играет роль. Он *действительно* Перепел. – Фарид изо всех сил наступил Оссу на ногу, так что тот выпустил его затылок, и увернулся от снова протянутых к нему пальцев. Дуботряс поднял было огромный кулак, но его остановил строгий взгляд Орфея.

– Ах вот как! Ты, стало быть, присоединился к сонму его поклонников? – Орфей усталился на чистый лист, словно ожидая, что пергамент под его взглядом сам покроется правильными словами. – Сланец, что ты делаешь там внизу? – рявкнул он. – Сколько можно вам говорить? Это все подметут служанки. Очини мне новое перо!

Фарид поднял Сланца на письменный стол, и тот благодарно улыбнулся мальчику. Младший человечек должен был выполнять всю неприятную работу, так уж было у них с братом заведено. Хуже всего была очинка перьев, потому что крошечное лезвие, которым пользовались стеклянные человечки, постоянно соскальзывало. На днях оно вонзилось Сланцу в тонюсенькую руку, и тут Фарид узнал, что у стеклянных человечков есть кровь – прозрачная, конечно. Она капала на бумагу, как жидкое стекло, а Халцедон отвесил брату затрепину и обозвал безруким болваном. Фарид за это подмешал пива в песок, который он ел. С тех пор прозрачное, как вода, тело Халцедона (он очень гордился своей безупречной прозрачностью) стало желтым, как ослиная моча.

Орфей подошел к окну.

– Если ты еще раз пропадешь так надолго, – бросил он Фариду через плечо, – я велю Оссе избить тебя, как собаку.

Дуботряс улыбнулся, а Фарид про себя обозвал обоих нехорошими словами. Орфей все так же стоял у окна и глядел в черное ночное небо.

– Подумать только! – сказал он наконец. – Этот старый дурак Фенолио не потрудился даже дать имена звездам этого мира. Неудивительно, что мне постоянно не хватает слов. Например, как называется здесь луна? Уж этим-то его склеротические мозги должны были озаботиться? Так нет же, он называет ее просто «луна», как будто это та самая луна, которую видишь по ночам из окна в другом мире.

– Может быть, это и правда та самая. В моей истории луна точно была та же.

– Ерунда, не могла она быть та же! – Орфей снова повернулся к окну, словно желая объяснить этому миру, какой халтурщик его создатель. – «Фенолио, – спрашиваю я его, – Смерть в твоём мире мужчина или женщина? Или это просто дверь, через которую попадаешь в совсем другую повесть, которую ты, к сожалению, не удосужился написать?»

Халцедон весь превратился в слух, внимая самовлюбленным тирадам Орфея, словно неслыханным откровениям.

– «Понятия не имею», – отвечает он мне. Понятия он не имеет! А кто должен иметь понятие, если не он? В книге-то у него ничего об этом не написано!

В книге. Халцедон, вскарабкавшийся на подоконник поближе к Орфею, благоговейно взглянул на письменный стол, где рядом с чистым листом бумаги лежал последний экземпляр «Чернильного сердца». Фарид не знал, понимает ли стеклянный человечек, что из этой книги возник весь его мир, включая его самого. Обычно книга лежала на столе раскрытой, потому что Орфей, когда писал, постоянно листал ее в поисках нужных слов. Он ни разу не использовал ни единого слова, которое не встречалось бы в «Чернильном сердце», потому что был твердо убежден, что пробудиться к жизни в этом мире могут только слова Фенолио. Любые другие останутся чернильными штрихами на бумаге.

– «Фенолио, – спрашиваю я его, – а Белые Женщины – они только прислужницы? – Халцедон впивал каждое слово, слетавшее с пухлых губ. – Умершие остаются у них или они их отводят куда-то еще?» А этот старый дурак мне отвечает: «Не знаю, наверное, отводят... Я однажды рассказал детям Минервы про дворец из костей, чтобы они не так убивались из-за Небесного Плясуна, но это я так просто сочинил»... Так просто сочинил! Ха!

– Старый дурак, – откликнулся Халцедон, словно эхо. Но голосок у него был такой тоненький, что это прозвучало не слишком эффектно.

Орфей отвернулся от окна и пошел обратно к письменному столу.

– Ты хоть не забыл, пока шлялся, передать Мортимеру, что я хочу с ним поговорить? Или ему некогда – все в героя играет?

– Он утверждает, что ему нечего сказать. Говорит, он знает о Белых Женщинах ровно столько же, сколько остальные.

– Замечательно! – Орфей схватил перо, которое с таким трудом очинил для него Сланец, и разломал на мелкие кусочки. – Ты хоть догадался спросить, являются ли они ему иногда?

– Конечно! – Голосок у Сланца был такой же хрупкий, как он сам. – Белые Женщины никогда не оставляют в покое тех, к кому однажды притронулись. Так кикиморы говорят.

– Да знаю я это! – раздраженно отмахнулся Орфей. – Я попытался спросить одну кикимору про эти рассказы, но мерзкая тварь отказалась со мной разговаривать. Она вытаращилась на меня своими крысиными глазками и посоветовала не есть так много жирного и поменьше пить!

– Они разговаривают с феями, – ответил Сланец. – А феи разговаривают со стеклянными человечками. Правда, не со всеми. – Тут он покосился на старшего брата. – Я слышал, что кимиморы рассказывают о Белых Женщинах еще кое-что. Будто каждый, чье сердце они однажды тронули своими холодными пальцами, может их позвать!

– Правда? – Орфей внимательно посмотрел на стеклянного человечка. – Этого я еще не слышал.

– Да неправда это! Я пробовал их звать! – воскликнул Фарид. – Несчетное число раз!

– Мало ли, что ты пробовал! Сколько раз тебе объяснять – ты умер слишком быстро, – презрительно отрезал Орфей. – Так же быстро умер, как и воскрес. Да и вообще, ты такая ничтожная добыча, что они о тебе сразу забыли! Нет! Ты мне не подходишь. – Орфей снова отошел к окну. – Пойди завари мне чай, – приказал он оттуда, не оборачиваясь. – Мне нужно подумать.

– Какого ты хочешь чая?

Фарид посадил Сланца себе на плечо. Он, по возможности, всегда брал его с собой, чтобы защитить от старшего брата. Сланец был такой худенький, что Фарид опасался, как бы Халцедон не сломал ему что-нибудь.

Даже Розенкварц, стеклянный человечек Фенолио, был на голову выше Сланца. Порой, когда Орфей не нуждался в своих прозрачных помощниках, потому что забавлялся со служанкой или целое утро примерял у портного новые наряды, Фарид брал Сланца с собой на улицу белошвеек. Там стеклянные девушки помогали хозяйкам вдевать нитки в иголки, расправлять тесьму, прикреплять кружева на тонкий шелк. Фарид знал теперь, что стеклянные человечки способны не только истекать кровью, но и влюбляться. Сланец был по уши влюблен в девушку с желтоватыми прозрачными руками, и для него не было большей радости, чем тайком наблюдать за ней через окно мастерской.

– Какого чая? Понятия не имею! Такого, чтоб помогал от желудка, – недовольно буркнул Орфей. – У меня целый день кошки в желудке скребут. Разве можно в таком состоянии работать?

Ну конечно. Орфей всегда жаловался на спазмы в желудке или головную боль, когда писание ему не давалось.

«Пусть бы они у тебя там целую ночь скребли, – думал Фарид, закрывая за собой дверь кабинета. – Надеюсь, они не перестанут скрести до тех пор, пока ты не напишешь наконец что-нибудь для Сажерука».

Прямо в сердце

Пока что во всем, что касалось его, на веселой, радостной поверхности сверкающего росой мира не замечалось ничего, похожего и на малую частицу печали.¹⁰

Т. Х. Уайт. Царица воздуха и тьмы (Король бывшего и грядущего. Книга 2)

Хорошо еще, что он не послал тебя за цирюльником! – Сланец изо всех сил пытался развеселить Фарида, пока они спускались по крутой лестнице в кухню.

Да уж, цирюльник у городских ворот! Дня три назад Орфей уже посылал за ним Фарида среди ночи. А тот, когда его будили по ночам, кидался поленьями или выходил к дверям с зубодерными щипцами.

– Голова болит! Живот болит! – ругался Фарид. – Обжираться меньше надо, Сырная Голова.

– Три жареных золотых пересмешника с начинкой из шоколада, каленые эльфийские орешки в меду и полпоросенка, фаршированного каштанами, – перечислил Сланец и замер, увидев у дверей кухни Пролазу. Сланец боялся зверька, сколько ни уверял его Фарид, что куницы, хоть и любят гонять стеклянных человечков, уж точно их не едят.

На кухне возилась в этот поздний час всего одна служанка. Фарид застыл в дверях, увидев, что это Брианна. Этого еще не хватало. Она отмывала горшки от ужина. Ее красивое лицо было серым от усталости. Служанки Орфея поднимались до рассвета и заканчивали работу, когда луна уже высоко стояла в небе. Орфей каждое утро обходил весь дом, проверяя, нет ли где паутины и пыли, не обнаружится ли пятнышка на одном из висевших повсюду зеркал, или потемневшей серебряной ложки и плохо отстиранной рубашки. И если что-то было не так, тут же вычитал у всех служанок несколько грошей из их скудного жалованья. А что-то не так бывало почти всегда.

– Чего тебе тут надо? – Брианна обтерла мокрые руки о передник.

– У Орфея живот болит, – пробормотал Фарид. – Завари для него чаю, пожалуйста.

Брианна сняла с верхней полки фаянсовую банку. Фарид не знал, куда глаза девать, пока она возилась с чаем. Волосы у нее были того же цвета, что у отца, но лежали роскошными волнами и блестели при свечах, как червонное золото, каким любил украшать свои тощие пальцы наместник Омбры. О прекрасной дочери Сажерука и ее разбитом сердце в Омбре складывали песни.

– Что ты на меня уставился?

Брианна вдруг шагнула к нему. Ее голос звенел такой злобой, что Фарид невольно отшатнулся.

– Я похожа на него, да?

Казалось, она шлифовала эти слова в молчании последних недель, пока они не превратились в острые лезвия, входящие прямо в сердце.

– Зато ты на него совсем не похож! Я все время твержу матери: это просто приبلудный бродяга, заморочивший отцу голову, будто он его сын. И отец в конце концов поверил и решил, что должен за него умереть!

Каждое слово как лезвие. Фарид чувствовал, как они вонзаются в сердце и кромсают его на куски.

¹⁰ Перевод С. Ильина.

Глаза у Брианны были не отцовские. Она унаследовала их от матери и смотрела на Фарида так же враждебно, как Роксана. Ему хотелось ударить ее, заткнуть этот красивый рот. Но она была слишком похожа на Сажерука.

– Ты демон, злой дух, приносящий несчастье! – сказала она, протягивая ему кружку. – На, отнеси Орфею. И скажи ему, пусть ест поменьше, тогда и живот не будет болеть.

У Фарида дрожали руки.

– Ничего ты не знаешь! – сказал он хрипло. – Ничего! Я вовсе не хотел, чтобы он забирал меня оттуда. Быть мертвым мне нравилось гораздо больше.

Но Брианна молча глядела на него глазами своей матери. Глазами Роксаны на лице Сажерука.

Фарид медленно зашагал по лестнице с горячей кружкой. А Сланец крошечными ручонками сочувственно гладил его по голове.

Весть из Омбры

*А иногда в старой книге
Подчеркнуто непонятно темное.
Ты. была здесь. Куда же ты. делаешь?*

Райнер Мария Рильке. Импровизации зимой на Капри (III)

Мегги нравилось в лагере разбойников. Резе порой казалось, что дочь всю жизнь только и мечтала о том, чтобы жить среди обтрепанных палаток. Она смотрела, как Баптиста шьет очередную маску, училась у Силача разговаривать с жаворонками и с улыбкой принимала букеты полевых цветов от его младшего брата. Реза радовалась, что Мегги снова начала улыбаться, хотя Фарид по-прежнему был у Орфея.

Зато сама она скучала по одинокому хутору. Ей не хватало тишины, оседлости, чувства, что она наедине с Мо и Мегги после долгих недель разлуки. Недель, месяцев, лет...

Порой, когда она глядела на мужа и дочь, сидящих с разбойниками у костра, ей казалось, что она подсматривает за игрой, которой они развлекались в годы ее отсутствия: «*Мо, давай поиграем в разбойников...*»

Черный Принц посоветовал Мо не выходить пока из лагеря, и два дня тот следовал этому совету, но уже на третью ночь снова скрылся в лесу, в полном одиночестве, словно отправился на поиски самого себя. А на четвертую ночь опять ушел с разбойниками.

Баптиста пел Резе песни, сложенные в Омбре после того, как Мо побывал в замке. «Перепел улетел, – говорилось в них, – ускакал прочь на лучшем коне Зяблика. Десять стражников убил он на своем пути, Коптемаза запер в склепе, а у Бальбулуса украл драгоценные книги».

– И что из этого правда? – спросила Реза у Мо.

Он рассмеялся.

– Летать я, к сожалению, пока не умею, – шепнул он ей на ухо и погладил по животу, где незаметно подрастал ребенок.

А потом ушел с Черным Принцем. А она каждую ночь лежала в палатке, прислушиваясь к песням, которые распевал снаружи Баптиста и дрожала за своего мужа.

Черный Принц велел поставить для них две палатки рядом со своей. Палатки шились из старой одежды, покрашенной отваром дубовой коры в цвет древесных стволов. В одной поселилась Мегги, в другой – Перепел и его жена. Тюфяки, набитые сухим мохом, быстро отсыревали, и когда Мо уходил по ночам, Реза приходила спать к Мегги, чтобы согреться. «Суровая будет зима», – сказал Силач, когда трава утром оказалась вся покрыта инеем, так что на ней видны были следы стеклянных человечков.

В овраге, приютившем лагерь, попадались великаны следы. Дожди превратили их в болотца, где квакали золотистые лягушки. Деревья по склонам оврага были почти такие же высокие, как в Непроходимой Чаще. Их листья покрывали холодную осеннюю землю золотом и пурпуром, а с веток, как перезрелые плоды, свисали гнезда фей. К югу на горизонте виднелась деревня. Ее стена белела среди почти уже голых деревьев, как ножка гриба, но деревня была бедная, до того бедная, что даже жадные мытари Зяблика не приходили туда за своими сборами.

В лагере было не менее полусотни мужчин. Иногда их бывало и больше. Самыми младшими были двое юношей, которых Хват спас от виселицы и которые шпионили теперь для Принца: Дория, брат Силача, тот самый, что собирал для Мегги полевые цветы, и его друг, сирота Люк, помогавший Гекко приручать ворон. Шесть женщин стряпали для разбойников и латали им одежду, но в ночные вылазки ни одну из них не брали. Реза рисовала их всех – мужчин, женщин и юношей (Баптиста раздобыл для нее бумагу и грифель – откуда, он не

сказал) – и всякий раз спрашивала себя, только ли слова Фенолио создали эти лица, или в этом мире существовала судьба, независимая от старика.

Женщины редко участвовали в мужских разговорах и посиделках у костра. Реза всякий раз чувствовала на себе неодобрительные взгляды, когда они с Мегги непринужденно усаживались рядом с Мо и Черным Принцем. Иногда она отвечала взглядом на взгляд, смотрела прямо в глаза Хвату, Гекко и всем остальным, кто терпел женщин в лагере только ради стряпни и шитья, и проклинала тошноту, мешавшую ей сопровождать Мо хотя бы тогда, когда он вместе с Принцем объезжал соседние холмы в поисках более надежного пристанища на зиму.

Пять дней и пять ночей провели они здесь, в «лагере исчезнувших великанов», как его окрестила Мегги. На шестой день к обеду Дория и Люк вернулись из Омбры явно с плохими вестями. Дория даже с братом не поговорил, а направился прямо к палатке Черного Принца. Вскоре Принц послал за Мо, а Баптиста созвал мужчин.

Разбойники уселись в кружок, и Дория, выступив на середину, взглянул на старшего брата, словно ища поддержки. Но когда юноша заговорил, голос его звучал твердо и ясно. Он казался сейчас куда старше, чем был на самом деле.

– Вчера на выезде из Непроходимой Чащи объявился Свистун, – начал он. – На дороге, ведущей к Омбре с запада. Он жжет и грабит все на своем пути, объявляя, что прибыл собрать налоги, потому что Зяблик посылает во Дворец Ночи слишком мало.

– Сколько с ним латников? – В вопросе Хвата слышалась злоба.

Резе не нравился его голос. Ей все в нем не нравилось.

Дория тоже, видимо, недолюбливал своего спасителя, это ясно выразилось в его взгляде.

– Много. Больше, чем нас. Намного больше. Точного числа я не знаю, – добавил он. – У крестьян, чьи дома они поджигали, не было времени на подсчеты.

– Ну, будь у них время, толку было бы не больше, – заметил Хват. – Крестьяне, как всем известно, считать не умеют.

Гекко рассмеялся, и к нему присоединилось еще несколько человек из тех, что всегда ходили за Хватом: Ловкач, Задира, Угольщик, Эльфогон...

Дория закусил губу. Они с Силачом были крестьянскими детьми, и Хват об этом знал. У него самого отец был, по его рассказам, наемный солдат.

– Расскажи им, Дория, что еще ты слышал. – Такой усталости в голосе Черного Принца Реза еще не слыхивала.

Юноша снова взглянул на брата.

– Они переписывают детей, – сказал он. – Свистун велел заносить в списки всех, кто старше шести лет и не выше пяти футов.

Ропот прошел по собранию. Реза увидела, как Мо наклоняется к Принцу и что-то говорит ему на ухо. Видно было, что они отлично понимают друг друга. И как естественно смотрится Мо среди этих оборванцев. Как будто они ему настолько же свои, как она и Мегги.

Черный Принц выпрямился во весь рост. У него теперь не было длинных кудрей, как в те дни, когда Реза впервые с ним познакомилась. На третий день после смерти Сажерука он обрил голову наголо, как было принято в этом мире в знак траура. Потому что на третий день, считалось здесь, душа умершего достигает краев, откуда нет возврата.

– Мы знали, что Свистун в один прекрасный день явится сюда, – сказал Черный Принц. – Змееглав должен был в конце концов заметить, что его шурин оставляет себе большую часть собранных налогов. Но, как вы слышали, он приехал не только за деньгами. Все мы знаем, зачем нужны дети по ту сторону Непроходимой Чащи.

– Зачем? – Звонкий голос Мегги казался детским среди грубых мужских голосов.

И не догадаешься, что этой девочке случалось двумя-тремя фразами менять судьбы Чернильного мира.

– Зачем? Видишь ли, дочь Перепела, проходы в серебряных рудниках узкие. Радуйся, что ты уже большая и там не пролезешь, – ответил ей Хват.

Рудники. Реза невольно провела рукой по животу, где подрастал будущий ребенок, и Мо обернулся к ней со своего места, словно подумал о том же.

– Ну да, в своих владениях Змеглав отправил в рудники слишком много детей, крестьяне начали сопротивляться. Свистун, говорят, только что подавил восстание. – В голосе Баптисты слышалась та же бесконечная усталость. Слишком мало их было, борцов с несправедливостью. – Дети умирают в рудниках очень быстро. Странно, что Змеглав раньше не додумался привозить детей отсюда, где не осталось отцов, а одни только беззащитные, безоружные матери.

– Значит, нужно их спрятать! – В голосе Дория звучало бесстрашие, какое бывает лишь в пятнадцать лет. – Так, как вы урожай прятали.

Реза заметила, что Мегги украдкой улыбнулась.

– Спрятать, ага! – Хват говорил с издевкой. – Замечательное предложение! Гекко, скажи этому молокососу, сколько детей в одной только Омбре, не говоря уж о деревнях. Ты ведь знаешь, он из крестьян и считать не умеет.

Силач поднялся было, но Дория предостерегающе посмотрел на брата, и тот снова сел на место. «Я могу поднять малыша одной рукой, – часто повторял Силач, – но он умнее меня в сто раз».

Гекко явно понятия не имел, сколько детей в Омбре, не говоря уж о том, что в счете он тоже был не силен.

– Хватает! – пробормотал он. Ворона на плече перебирала его волосы, вероятно надеясь поймать вошку. – Мухи и дети – это то, чего в Омбре по-прежнему хоть отбавляй.

Никто не засмеялся.

Черный Принц молчал, молчали и остальные. Если Свистун захочет забрать детей, он их заберет.

На руку Резе сел огненный эльф. Она согнала его и ощутила такую тоску по дому Эли-нор, словно эльф обжег ей сердце, а не кожу. Ей хотелось увидеть кухню, где непрерывно жужжал огромный холодильник, мастерскую Мо в саду, кресло в библиотеке, где так уютно было сидеть, заглядывая в чужие миры на книжных страницах, но не теряясь в них.

– Может быть, это наживка, – сказал Баптиста в наступившей тишине. – Вы знаете, Свистун любит расставлять ловушки. Он знает, что мы не сможем смотреть равнодушно, как увозят детей. Наверное, он рассчитывает наконец выманить Перепела из леса.

Реза видела, что Мегги невольно теснее прижалась к Мо. Но сам он казался совершенно спокойным, как будто Перепелом был все же кто-то другой.

– Виоланта предупредила меня, что Свистун скоро явится сюда, – сказал он. – Но о детях она не упомянула.

Голос Перепела убеждал Змеглава и заволакивал фей. Но на Хвата он не действовал. Хват помнил одно: еще недавно он сам сидел там, где сидит сейчас Перепел, – рядом с Черным Принцем.

– Ты говорил с Уродиной? Ну и ну! Так вот что ты делал в замке Омбры. Перепел завел дружбу с отродьем Змея! – На грубом лице Хвата появилась брезгливая гримаса. – Конечно, она не стала рассказывать тебе о детях. Очень ей нужно! Не говоря уж о том, что она об этом, наверное, и не знает. С Уродиной в замке считаются не больше, чем с прислугой на кухне! Так оно всегда было, так оно и останется!

– Я уже говорил тебе, Хват, – Черный Принц говорил резче обычного, – что у Виоланты больше власти, чем ты думаешь. И больше преданных людей, хотя все они очень молоды. – Принц кивнул Мо. – Расскажи им о том, что было в замке. Пора им это узнать.

Реза посмотрела на Мо. Что знал Черный Принц, чего она не знала?

– Да, Перепел, расскажи-ка нам, как ты выпутался на этот раз! – Голос Хвата зазвенел такой неприкрытой враждебностью, что некоторые разбойники тревожно переглянулись. – А то это и впрямь похоже на колдовство! Сперва ты уходишь невредимым из Дворца Ночи, а теперь и из Омбры, хотя при Зяблике в замке стало не до шуток. Только не говори, что ты и этого дохляка сделал бессмертным, чтобы тебя отпустили!

Послышались смешки, но это был невеселый смех. Реза не сомневалась, что многие из собравшихся действительно считают Мо колдуном, из тех, чье имя лучше не называть вслух, потому что такие люди владеют темным искусством и могут одним взглядом навести порчу на обычного человека. А как иначе объяснить, что, появившись неизвестно откуда, он владеет мечом лучше, чем большинство из них? Да к тому же умеет читать и писать.

– Змеглав, говорят, не больно-то радуется своему бессмертию! – возразил Силач.

Дория сел рядом с братом, не сводя мрачного взгляда с Хвата. Да, юноша явно не испытывал добрых чувств к своему спасителю. Зато его друг Люк следовал за Хватом и Гекко, как верный пес.

– И что толку? Свистун грабит и убивает по-прежнему. – Хват сплюнул. – Змеглав бессмертен. Его шурин чуть не каждый день вешает одного из наших. А Перепел отправляется в замок Омбры и возвращается целым и невредимым.

Наступила мертвая тишина. Многим из разбойников было не по себе от сделки, которую заключил Перепел со Змеглавом во Дворце Ночи, хотя потом и оказалось, что Мо перехитрил серебряного князя. И все же Змеглав стал бессмертен. Он развлекался теперь тем, что заставлял какого-нибудь пойманного Свистуном бедолагу вонзить меч ему в грудь, а потом, выдернув оружие из своей бессмертной плоти, этим же мечом наносил несчастному рану, от которой тот погибал долго и мучительно, умоляя Белых Женщин прийти поскорее. Так Змеглав показывал миру, что не боится Дочерей Смерти. Рассказывали, правда, что он все равно старается держаться от них подальше. *«Смерть – служанка Змеглава»*, – велел он написать серебряными буквами над воротами своего замка.

– Нет, Зяблика мне не пришлось делать бессмертным, – холодно ответил Мо Хвату. – Мне помогла выбраться из замка Виоланта. А еще она просила помочь ей убить ее отца.

Реза приложила руку к животу, словно хотела защитить нерожденного ребенка от этих слов. Но занимала ее сейчас лишь одна мысль: Черному Принцу он рассказал о том, что произошло в замке, а мне нет. Она вспомнила, какой обиженный вид был у Мегги, когда Мо наконец поведал им, что он сделал с Пустой Книгой. «Ты намочил каждую десятую страницу? Не может быть! Я же все время была с тобой! Почему ты мне ничего не сказал?»

Хотя Мо многие годы скрывал от нее, куда делась ее мать, Мегги все еще была убеждена, что у отца нет от нее секретов. У Резы таких иллюзий не было никогда. И все же ей было больно, что Черному Принцу он рассказал больше, чем ей. Очень больно.

– Уродина хочет убить своего отца? – В голосе Баптисты слышалось недоверие.

– А что в этом удивительного? – Хват говорил очень громко, как бы высказывая общее мнение. – Змеиная порода. Что ты ей ответил, Перепел? Что придется подождать, пока твоя проклятая книга перестанет защищать его от смерти?

«Он ненавидит Мо», – подумала Реза. Но ответный взгляд Мо был исполнен не меньшей ненависти. Реза уже не в первый раз спрашивала себя, умел ли он и раньше так вспыхивать гневом, а ей просто не случалось с этим столкнуться, или эта новая черта появилась тогда же, когда и шрам на груди.

– Книга еще долго будет защищать отца Виоланты, – горько произнес Мо. – Змеглав нашел способ остановить гниение.

Среди разбойников снова поднялся ропот. Только Черный Принц, похоже, не удивился. Значит, Мо и об этом ему рассказывал. Принцу рассказывал, а ей – нет. «Он стал другим, –

думала Реза. – Слова изменили его. Жизнь изменила его. Хотя это всего лишь игра. Если это игра...»

– Не может быть! Намоченная бумага плесневеет, а плесень убивает книги так же верно, как огонь, ты сам мне говорил!

С каким упреком Мегги произнесла это. Секреты... Ничто так не разъедает любовь.

Мо посмотрел на дочь. «То было в другом мире, Мегги», – говорил его взгляд. Но вслух он сказал другое:

– Что ж, Змеглав доказал мне, что я ошибался. Книга будет и дальше защищать его от смерти, если ее страницы останутся пустыми...

«Нет, только не это!» – подумала Реза. Она знала, что он сейчас скажет, и ей хотелось зажать уши, хотя голос Мо она любила больше всего на свете. Его лицо почти изгладило из ее памяти за годы, проведенные в рабстве у Мртолы, но голос она не забывала никогда. Но сейчас звучал голос не ее мужа – говорил Перепел.

– Змеглав по-прежнему верит, что только я могу спасти книгу. – Мо говорил негромко, но казалось, весь Чернильный мир прислушивается к его словам. – Он даст мне ее, если я приду и пообещаю исправить ущерб. И тогда мне нужны будут только перо, чернила и несколько секунд, чтобы написать три слова. Что, если его дочь сумеет обеспечить мне эти секунды?

Картина, обрисованная его голосом, повисла в воздухе, и разбойники слушали так, словно все это уже разыгрывается у них на глазах. Но Хват разрушил чары.

– Ты сумасшедший! Просто сумасшедший! – хрипло сказал он. – Ты, Перепел, наверное, уже и сам поверил в то, что поется о тебе в песнях, – что ты неуязвим и непобедим. Уродина тебя продаст, а ее отец живьем сдерет с тебя кожу, если ты еще раз попадешься ему в лапы. И уж это займет у него побольше, чем несколько секунд! Но мы тут все тоже заплатим головой за то, что ты так любишь изображать героя!

Реза видела, как пальцы Мо сжали рукоять меча, но Черный Принц положил ему руку на плечо.

– Он бы, наверное, согласился изображать героя реже, если бы ты и твои люди делали это почаще, Хват! – сказал он.

Хват поднялся с угрожающей медлительностью, но, прежде чем он успел сказать хоть слово, в спор встрял Силач, поспешно, как ребенок, желающий уладить ссору родителей.

– Что, если Перепел прав? Может быть, Уродина и правда хочет нам помочь! Она всегда поддерживала нас, комедиантов! Раньше она даже приходила к нам в лагерь! Она кормит бедняков и зовет Хитромысла с его снадобьями в замок, когда Зяблик велит отрубить какому-нибудь бедняге кисть или ступню!

– Надо же, какое благородство! – Гекко скорчил насмешливую гримасу, как обычно, когда Силач подавал голос; ворона у него на плече издевательски закаркала. – Много ли надо доброты, чтобы раздавать объедки с кухни и старую одежду, которую уже не хочешь носить? Разве Уродина ходит в лохмотьях, как моя мать и сестры? Нет! Наверное, у Бальбулуса закончился пергамент, вот она и хочет прикупить еще – на деньги, обещанные за голову Перепела.

И снова некоторые засмеялись. Силач неуверенно посмотрел на Черного Принца. Дориа что-то шепнул на ухо брату, сердито глядя на Гекко. «Принц, ну пожалуйста, – думала Реза, – скажи Мо, чтобы он выбросил из головы слова Виоланты. Тебя он послушается! Помоги ему забыть и про книгу, которую он переплел для Змеглава! Прошу тебя!»

Черный Принц посмотрел на нее, словно услышал ее немые мольбы. Но его темное лицо оставалось непроницаемым – таким все чаще бывало для нее и лицо Мо.

– Дориа! – сказал Принц. – Ты сумел бы пробраться мимо стражи в замок и разузнать, что говорят солдаты Виоланты? Может быть, кто-то из них слышал, с каким поручением на самом деле едет Свистун.

Силач открыл было рот, чтобы возразить. Он любил брата и всегда старался его опекать. Но Дория был в том возрасте, когда опека становится в тягость.

– Конечно. Нет ничего проще! – По его улыбке было видно, как рад он исполнить поручение Принца. – Некоторых из них я знаю с тех пор, как научился ходить. Большинство ведь там не старше меня.

– Отлично! – Черный Принц поднялся. Слова, которые он произнес затем, были обращены к Мо, хотя Принц не смотрел на него. – Что касается предложения Виоланты, я согласен с Гекко и Хватом. Может быть, Виоланта и питает слабость к комедиантам, и сочувствует своим подданным, но она дочь Змееглава, и мы не можем ей доверять.

Все взгляды обратились на Перепела.

Тот молчал.

Для Резы это молчание было красноречивее слов. Они с Мегги хорошо его знали. Реза увидела страх на лице дочери. Да, теперь, значит, и Мегги почувствовала, как плотно история Фенолио опутала ее отца – отца, который когда-то предостерегал ее именно от этого. Буквы затягивали его все глубже и глубже, словно чернильный водоворот, и Резу снова посетила страшная мысль, уже не раз приходившая ей за последние недели: наверное, в тот день, когда Мо лежал смертельно раненный в сожженной крепости Каприкорна, Белые Женщины действительно забрали какую-то его часть и унесли туда, куда исчез Сажерук. И эту часть она снова увидит только там – в краях, где кончаются все истории.

Громкие слова, тихие слова

*Когда ты уходишь, пространство за тобой
смыкается, как вода.*

*Не оборачивайся: вокруг себя ты один.
Пространство – это всего лишь время,
которое показывается нам по-другому.
Не в нашей власти покинуть места,
которые мы любим.*

Иван Лалич. Места, которые мы любим

– Мо, прошу тебя! Спроси его!

Мегги сперва подумала, что голос матери слышится ей во сне, в одном из страшных снов, которые присылало ей порой прошлое. В этих звуках было такое отчаяние. Но голос не смолк, когда она открыла глаза. Выглянув из палатки, Мегги увидела, что мать с отцом стоят под деревом в двух шагах от нее – две тени, еле различимые в ночной темноте. Мо прислонился к огромному дубу, какие росли только в Чернильном мире, а Реза цеплялась за его локоть, словно боясь, что он уйдет и не станет ее слушать.

– Мы ведь всегда так делали! Когда книга нам надоедала, мы просто закрывали ее и ставили на полку! Мо, ты что, забыл, сколько на свете книг? Давай поищем другую, которая нам понравится, но слова пусть остаются словами, а не превращают нас в плоть от своей плоти!

Мегги посмотрела на разбойников, лежавших под деревьями всего в нескольких метрах от них. Многие спали под открытым небом, хотя ночи были уже холодные. Но, похоже, отчаянный голос ее матери пока никого не разбудил.

– Помнится, когда-то я хотел закрыть эту книгу и поставить на полку. – Слова Мо звучали холоднее ночного воздуха, пробирававшегося в палатку к Мегги сквозь приподнятую ткань. – Но вы с Мегги и слушать не хотели.

– Но я же не знала, во что эта история тебя превратит! – Слышно было, что Реза с трудом удерживает слезы.

«Усни, – сказала себе Мегги, – оставь их наедине, не твое это дело». И все же продолжала прислушиваться, дрожа от ночной прохлады.

– О чем ты? Во что она меня превратила?

Мо говорил тихо, уважая ночной покой, но Реза, похоже, забыла, где находится.

– Во что она тебя превратила? – Ее голос постепенно переходил в крик. – Ты носишь меч у пояса! Ты почти не спишь, по ночам ты уезжаешь. Ты думаешь, я не отличаю крик настоящего перепела от ваших позывных? Я знаю, сколько раз Баптиста или Силач приходили за тобой, еще когда мы жили на хуторе... А хуже всего то, что я знаю, с какой радостью ты идешь с ними. Ты полюбил опасность! Ты поехал в Омбру, хотя Принц предупреждал тебя, что этого делать нельзя. Тебя там чуть не схватили, а теперь ты притворяешься, что это была лишь игра!

– А что же это было? – Мо по-прежнему говорил так тихо, что Мегги с трудом разбирала слова. – Ты разве забыла, из чего состоит этот мир?

– Мне все равно, из чего он состоит! Ты можешь здесь погибнуть, Мо. Ты это знаешь не хуже меня. Или ты забыл Белых Женщин? Нет, ты во сне иногда говоришь с ними. Порой мне кажется, что ты тоскуешь по ним...

Мо промолчал, но Мегги знала, что Реза права. Мо лишь однажды говорил с дочерью о Белых Женщинах. «Они сотканы из чистого томления, Мегги, – сказал он. – Они до краев наполняют им твое сердце, пока у тебя не останется лишь одно желание – идти за ними, куда бы они тебя ни повели».

– Мо, умоляю тебя! – Голос Резы дрожал. – Попроси Фенолио вернуть нас обратно! Для тебя он за это возьмется. Это его долг перед тобой!

Один из разбойников закашлялся во сне, другой подвинулся ближе к костру – и Мо поднес палец к губам. А когда он заговорил снова, похоже было, что он уговаривает ребенка. Даже с Мегги он давно уже так не говорил.

– Фенолио больше не пишет, Реза. Я не уверен, что он все еще на это способен.

– Тогда попроси Орфея! Ты же слышал, что рассказывал Фарид! Он создает разноцветных фей, единорогов...

– И что из этого? Орфей способен добавлять к истории Фенолио мелкие детали. Но, чтобы вернуть нас к Элино, ему понадобятся собственные идеи. Сомневаюсь, что это ему по плечу. Но предположим даже, что он на это способен. Судя по рассказам Фариды, у Орфея одно стремление – стать самым богатым человеком в Омбре. У тебя что, есть деньги, чтобы оплатить его услуги?

Теперь молчала Реза – так долго, словно она опять немая, как в ту пору, когда ее голос остался в другом мире.

Молчание нарушил Мо.

– Реза! – сказал он. – Если мы сейчас вернемся, я буду в доме Элино и день и ночь думать только об одном: что будет здесь дальше. И ни одна книга на свете не сможет рассказать мне об этом!

– Ты не просто хочешь знать, что будет дальше, – Реза, оказывается, тоже могла говорить холодно, – ты хочешь влиять на ход событий. Участвовать в игре. Но кто тебе сказал, что ты сумеешь выбраться из этой истории, если погрузишься в нее еще глубже?

– Еще глубже? Куда уж глубже, Реза! Здесь я глядел в глаза смерти – и обрел новую жизнь!

– Если ты не хочешь сделать этого ради меня, – Мегги чувствовала, как трудно даются ее матери эти слова, – подумай о Мегги и о нашем новом ребенке. Я хочу, чтобы у него был отец! Чтобы отец был жив, когда ребенок родится, и чтобы это был тот самый человек, который вырастил его сестру!

Ответ снова заставил себя ждать. Прокричал сыч. Вороны Гекко сонно закаркали с дерева. Мир Фенолио казался сейчас таким мирным. И Мо погладил кору огромного дуба нежно, как корешок книги.

– А ты уверена, что Мегги не захочет остаться? Она уже почти взрослая. И она влюблена. Ты думаешь, она захочет уйти, если Фарид останется? А он останется, можешь не сомневаться.

Влюблена. Кровь бросилась Мегги в лицо. Ей было неприятно слышать из уст Мо то, чего она сама никогда не называла словами. Влюблена – это звучало как диагноз, как название неизлечимой болезни. Да так оно порой и ощущалось. Да, Фарид останется здесь. Она и сама не раз говорила себе, когда на нее накатывало желание вернуться: Фарид останется здесь, даже если Сажерук не вернется из царства мертвых. Он так и будет его искать и тосковать по нему, гораздо сильнее, чем по тебе, Мегги. Но как она будет жить, зная, что никогда больше его не увидит? Ее сердце останется здесь, и дальше она будет перебиваться с дырой в груди? Она всю жизнь проживет одна – как Элино – и о любви будет только читать в книжках?

– Это пройдет! – донесся до нее голос Резы. – Она влюбится в кого-нибудь другого.

Что она такое говорит? «Моя мать меня совсем не знает! – подумала Мегги. Она никогда меня не понимала. Да и откуда ей? Ее же не было все время...»

– А второй наш ребенок? – продолжала Реза. – Ты что, хочешь, чтобы он родился в этом мире?

Мо посмотрел вокруг, и Мегги вновь почувствовала то, что давно уже поняла: ее отец успел полюбить этот мир так же горячо, как прежде любили его Мегги с Резой. Может быть, даже сильнее.

– А почему бы и нет? – отозвался он. – А ты хочешь, чтобы он родился в мире, где все, по чему тоскует его сердце, можно найти только в книгах?

Голос Резы снова задрожал, на этот раз от гнева:

– Как ты можешь такое говорить? Все, что ты видишь здесь, родилось в нашем мире! Откуда еще мог Фенолио это взять?

– Почему я знаю? Неужели ты все еще веришь, что существует один настоящий мир, а остальные – лишь его бледные отпечатки?

Где-то во тьме завыл волк, ему ответили два других. Из-за деревьев вышел часовой и подбросил хвороста в догорающий костер. Его прозвище было Бродяга. Никто из разбойников не называл себя именем, данным ему при рождении. Бродяга с любопытством взглянул на Мо и Резу и снова скрылся за деревьями.

– Я не хочу возвращаться, Реза. Пока, по крайней мере! – Он говорил решительно и в то же время вкрадчиво, словно еще надеялся убедить жену, что они находятся там, где нужно. – До рождения ребенка еще много месяцев, и, может быть, к тому моменту все мы уже снова будем у Элинора. Но сейчас мое место здесь.

Он поцеловал Резу в лоб и пошел к часовым на другой конец лагеря. А Реза опустилась на траву и закрыла лицо руками. Мегги хотела подойти к ней, утешить, но что она могла ей сказать? «Я останусь с Фаридом, Реза! Я не хочу влюбляться в другого!» Нет, эти слова ее вряд ли утешат. И Мо тоже не возвращался.

Предложение Свистуна

Наступает момент, когда персонаж делает или говорит что-то, о чем ты и не думал.

В этот момент он оживает. Предоставь ему дальше действовать самостоятельно.

Грэм Грин. Совет писателям

Ну наконец-то. Едут. От городских ворот грянули фанфары – бездарный, напыщенный вой. Фенолио их звук казался похожим на того человека, о чьем прибытии они возвещали. Зяблик – народ всегда найдет подходящее прозвище. «Я бы и сам ничего удачнее не подобрал, – думал Фенолио. – Правда, я не выдумывал этого хилого выскочку!» Даже Змеглав не приказывал трубить в фанфары по случаю каждого своего приезда, а его чахлый шурин не мог объехать вокруг замка, не устроив тарарам на обратном пути.

Фенолио притянул поближе Иво и Деспину. Деспина не возражала, зато ее брат вырвался и ловко, как белочка, взобрался на выступ стены, чтобы оттуда глядеть на дорогу, по которой должен был скоро проехать Зяблик со своей свитой – сворой, как говорили в народе. Интересно, Зяблику уже сообщили, что все женщины Омбры ждут его перед воротами замка? Наверняка.

Зачем Свистун заносит наших детей в списки? Женщины хотели задать ему этот вопрос. Они уже выкрикнули его в лицо страже, но солдаты лишь молча направили на них копья. Однако матери не разошлись.

Была пятница, день охоты, и они уже много часов дожидались возвращения наместника, который с первого дня своего правления усердно опустошал Непроходимую Чашу. Десятки окровавленных куропаток, кабанов, оленей, зайцев повезут его егеря по голодной Омбре, мимо женщин, не знавших, из чего приготовить детям обед на завтра. Из-за этого Фенолио по пятницам обычно вообще не выходил из дому, но сегодня его повлекло сюда любопытство. Утомительное свойство...

– Фенолио, – сказала ему Минерва, – присмотри, пожалуйста, за Деспиной и Иво. Мне нужно в замок. Мы все туда идем. Мы хотим добиться от них ответа: зачем Свистун переписывает наших детей.

«Вы знаете зачем», – вертелось у Фенолио на языке. Но он промолчал, видя отчаяние на лице Минервы. Пусть надеется пока, что ее детей не заберут в серебряные рудники. Отнять у нее надежду успеют Зяблик и Свистун, не твое это дело, Фенолио.

Ах, как ему все это надоело! Вчера он снова попытался работать, после того как пришел в бешенство от надменной улыбки, с которой Свистун въехал в Омбру. Он взял в пальцы очиненное перо – стеклянный человечек по-прежнему требовательно раскладывал их на его письменном столе, – сел перед чистым листом бумаги и через час бесплодных усилий обругал Розенкварца за то, что по купленной им бумаге видно, что она сделана из старых штанов.

Ах, Фенолио, какие еще глупые отговорки ты придумаешь для своей старческой немоты, для иссякшей фантазии?

Да что уж тут скрывать! Ему хотелось остаться повелителем этой истории, как ни яростно он отрекался от нее после гибели Козимо. Все чаще он брался за перо и чернила, пытаясь вернуть прежнее волшебство. Обычно он выбирал для этого момент, когда стеклянный человечек похрапывал в своем гнездышке, – слишком уж больно было демонстрировать свое бессилие перед Розенкварцем. Когда бедняжка Минерва ставила перед своими детьми суп, похожий на помои, когда чудовищные разноцветные феи громко балаболили в своих гнездах, не давая уснуть, или когда одно из его созданий – как вчера Свистун – напоминало ему о тех временах,

когда он, опьяненный своим искусством, сплетал из слов ткань этого мира, Фенолио садился работать.

Но лист оставался пустым, словно все слова перебежали к Орфею, который умел брать их на язык и облизывать. Так горько Фенолио не было еще никогда.

Порой он малодушно мечтал о том, чтобы вернуться в другой мир – в свою мирную, сытую деревню, где не было фей, где ничего, благодарение Богу, не происходило и где его внуки наверняка скучали по дедушкиным сказкам (а какие замечательные сказки он мог бы им теперь рассказать!). Но откуда взять слова, чтобы вернуться? В его пустой старческой голове таких слов не было. Попросить Орфея написать их за него? Нет, до такого он все-таки еще не докатился.

Деспина потянула его за рукав. Козимо подарил Фенолио тунику, но ее уже побила моль, и она стала ветхой, как его несчастные мозги, не желавшие соображать. Что он здесь делает, перед этим проклятым замком, от одного вида которого у него на душе становится еще мрачнее? Почему не лежит дома на своей кровати?

– Фенолио, а правда, что, когда копаешь серебро из земли, плюешь на него кровью? – Голос у Деспины был как щебет птички. – Иво говорит, что у меня самый подходящий рост для штолен, где больше всего серебра.

Вот паразит! Ну зачем он рассказывает сестренке такие вещи!

– Сколько раз я тебе говорил, чтоб ты не верила ни единому слову из того, что говорит твой братец! – Фенолио ласково завел густые черные волосы Деспины за маленькие ушки и укоризненно посмотрел на Иво. Бедные сироты.

– А что тут такого? Она меня сама спросила! – Иво был в том возрасте, когда презирают даже спасительную ложь. – Тебя они, наверное, не заберут, – сказал он, наклоняясь к сестре. – Девчонки умирают слишком быстро. Возьмут меня, Беппо, и Лино, и даже Бенгуса, хотя он хромым. Свистун увезет нас всех. А потом нас привезут обратно мертвыми, как нашего...

Деспина так торопливо зажала ему рот рукой, словно отец мог ожить, если Иво промолчит.

Фенолио хотелось схватить оболтуса и потрясти хорошенько. Но Деспина тут же расплачется. Интересно, все младшие сестрички боготворят своих братьев?

– Прекрати! Хватит пугать малышку! – прикрикнул он на Иво. – Свистун приехал, чтобы поймать Перепела. Только за этим. А еще спросить Зяблика, почему он посылает мало денег во Дворец Ночи.

– Вот как? А зачем же нас тогда переписывают? – Иво повзрослел за последние недели.

Тревога словно стерла детство с его лица. Иво в свои неполные десять лет был теперь мужчиной в семье, хотя Фенолио и пытался порой снять эту ношу с хрупких детских плеч. Мальчик работал у красильщиков: целый день помогал вытаскивать влажную ткань из вонючих чанов. Вонь тянулась за ним, когда он приходил вечером домой. Зато он зарабатывал там больше, чем Фенолио своей писаниной на рынке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.